

Виталий Вандалинцев

УЧЕНИЕ
ОПТИЧЕСКИХ
СТАРЦЕВ

Москва

МАСКА

2010

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
К19

К19 В. Г. Кандалинцев
«Учение Оптинских старцев»
М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2010 — 346 с.
ISBN 978-5-91146-445-5

В книге представлено учение Оптинских старцев, раскрываемое как практическое руководство по усвоению и применению слова Божия в христианской жизни. Автор исходит из глубокой внутренней связи всех частей учения старцев, показывает его системный характер и непреходящую ценность для духовного развития.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
К19

ISBN 978-5-91146-445-5

© В. Г. Кандалинцев, 2010

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. УЧЕНИЕ О ВОЛЕ БОЖИЕЙ.....	10
1.1. Границы человеческого мышления	10
1.2. Путь к смирению	14
1.3. Богоугодное видение жизни	22
1.4. Направление к Свету Лица Божия.....	31
Глава 2. УЧЕНИЕ О СМИРЕНИИ	40
2.1. Путь к Богу	40
2.2. Считать себя хуже всех.....	44
2.3. Три степени смирения	49
2.4. Смирение в мирской жизни.....	55
2.5. Срединный и малый путь	60
Глава 3. УЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ	68
3.1. Смирение — основа молитвы	68
3.2. Дар умной молитвы надо заслуживать.....	73
3.3. Степени молитвы	79
3.4. Молитва как испытание	88
Глава 4. УЧЕНИЕ О ПОКАЯНИИ	97
4.1. Признаки истинного покаяния	97
4.2. Уловки врага и что Господь законоположит согрешающим.....	106

4.3. Если не исправляешься, ищи разрешения и прощения	114
4.4. Признание суда Божия о нас праведным	120
Глава 5. УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ.....	127
5.1. Сознание своей греховности.....	127
5.2. Умеренный путь.....	139
5.3. Труд и лишения.....	147
5.4. Осторожность и внимательность к спасению	156
Глава 6. УЧЕНИЕ О ПОМЫСЛАХ.....	163
6.1. Когда заканчивается безгрешие	163
6.2. Правила борьбы с помыслами.....	166
6.3. О необходимости осмотрительности.....	177
6.4. Ответственность человека и помощь Божия.....	183
6.5. Наставления старцев на разные случаи	189
Глава 7. УЧЕНИЕ О СТРАСТЯХ.....	202
7.1. Причина и корень страстей	202
7.2. Появление гордости	212
7.3. Обольщение чувственностью	216
7.4. Утверждение самости.....	221
7.5. Иллюзорность сознания.....	226
7.6. Недовольство, что все не так как хочется.....	232
7.7. Агрессивное сопротивление разоблачению	235
7.8. Безысходная скорбь и отказ от жизни	240
Глава 8. УЧЕНИЕ ОБ ИСКУШЕНИЯХ.....	244
8.1. Неизбежное и горькое лекарство.....	244
8.2. Разъяснение частных случаев	250
8.3. За что наступают искушения	258

8.4. Что открывается искушениями.....	264
8.5. Как вести себя в искушениях	270
Глава 9. УЧЕНИЕ О ЛЮБВИ	277
9.1. Любовь Бога к человеку	277
9.2. Любовь человека к Богу	279
9.3. Троиединство любви детей света	283
9.4. Союз любви и смирения	287
9.5. Наши ошибки на пути любви.....	299
Глава 10. УЧЕНИЕ О ЖИЗНИ.....	309
10.1. Добрые дела.....	309
10.2. Заповеди	317
10.3. Трезвение и крест.....	324
10.4. Мир душевный.....	329
10.5. Брак и семья.....	334
10.6. Болезни и смерть.....	339
Литература.....	345

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга содержит подборку поучений и наставлений Оптинских старцев. Наследие старцев обширно, и подборка включила только некоторую часть из того, что было ими сказано. Если давать определение сущности старческого учения, то его можно назвать практическим руководством по усвоению и применению слова Божия в христианской жизни. В этом качестве учение старцев бесценно.

Для ознакомления читателя с данным учением было выделено десять направлений старческой мысли, каждому из которых посвящена отдельная глава. Наставления старцев приводятся в определенной последовательности, которая позволяет убедиться в глубокой внутренней связи всех частей их учения. Комментарии к наставлениям призваны отразить эту связь и показать системность, целостность старческого учения. Автор комментариев стремился строго следовать смыслу высказываний старцев. Поэтому комментарии часто повторяют соответствующие поучения. Вместе с тем они акцентируют внимание на тех мыслях старцев, которые обеспечивают переход от одного их высказывания к другому.

В главе 1 раскрывается подход старцев к познанию и исполнению воли Божией. Отправной точкой здесь выступает признание определенной ограниченности обычного человеческого мышления. Поняв, в чем состоит эта

ограниченность, человек может перейти к смирению, которое старцы определяют как путь к Богу. По их учению, только смиренный человек приобретает истинное, Богоугодное видение жизни и способен всю жизнь выдерживать направление к свету Лица Божия.

В главе 2 учение о смирении рассматривается более подробно. Ключевой момент — смирение является важнейшим для спасения качеством человека, которое в нас прежде всего ищет Господь. Именно смирение в состоянии противостоять губительному действию гордости. Проявляется смирение в способности человека считать себя хуже всех. Вместе с тем в смирении есть степени, по которым рекомендуют идти старцы, чтобы осилить путь смирения. И есть определенная специфика смирения в мирской (в отличие от монашеской) жизни, которую тоже надо учитывать.

Глава 3 излагает учение о молитве. Основой молитвы выступает смирение, благодаря которому человек может идти молитвенным путем несмотря на свою немощь и проходить степени молитвы. Старцы детально характеризовали степени молитвы, используя три взаимосвязанных классификации: по месту пребывания сознания и творения молитвы, по характеру моления и его результату, по качеству молитвы как дара Божия.

Глава 4 посвящена учению о покаянии. В нем существенное место занимает определение признаков истинного покаяния, наставление, как правильно приносить покаяние. Старцы дают знание уловок врага, который стремится сделать покаяние неистинным, и одновременно четко показывают, что Господь законоположит согрешающим. Не оставляются без внимания и вопросы, что делать, если исправление не удастся и как достичь единства с Богом.

В главе 5 приводятся поучения о спасении. Указывается на необходимость иметь сознание собственной греховности, чтобы смиряться, а не гордиться. Также старцы говорят о важности умеренности (избегания крайностей), а также труда и лишений. Для спасения нужно быть осторожным и внимательным к спасению.

В главе 6 характеризуется учение о помыслах. Если первая стадия помысла (прилог) не является грехом человека, то последующие (сочетание и сосложение) уже образуют грех. Пропуск прилога на следующие стадии создает все усиливающуюся опасность поражения страстью (пленения греховным помыслом, толкающим на грех уже и через действия — слова и поступки). С исключительным искусством старцы наставляют правилам борьбы с помыслами, учат осмотрительности и прибеганию к помощи Божией.

Глава 7 содержит учение о страстях. Причина и корень страстей — гордость, которую старцы метко называли семиголовой гидрой. В соответствии с этим выделены семь тенденций гордости, которые вместе образуют совокупность различных страстей, борющихся человека. Приводятся семь пунктов общего понимания причин страстей и средств борьбы с ними.

Глава 8 раскрывает учение об искушениях. Испытания необходимы для нашего исправления. Они болезненны и часто воспринимаются нами как что-то неприятное и ненужное, что надо избежать. Старцы указывают, что искушения, по сути, инструмент в руках Бога, посредством которого Господь делает души более совершенными и пригодными для спасения.

В главе 9 рассматривается учение о любви. Бог любит людей больше, чем они порой думают — утешают старцы. А вот люди должны помнить, что ответная любовь к Богу

состоит не в умилении и не в восхождении к Нему умом, а прежде всего в исполнении Его заповедей. Приводится поучение о триединстве любви детей света. Любовь без смирения падательна, а потому нужен союз любви и смирения. Как и знание наших ошибок на пути любви, которые довольно часты, особенно в начале этого пути.

В главе 10 излагается учение о жизни. Здесь старцы ведут речь о призвании человека к добрым делам и дают определение, что нужно считать добрым делом. Они говорят о заповедях как основе человеческой жизни, но также указывают на необходимость трезвения и неизбежность креста, который вырос на почве нашего сердца. Смирненное несение креста приносит душе мир. Наставляют старцы и правильному отношению к браку и семье, болезням и смерти.

Глава 1

УЧЕНИЕ О ВОЛЕ БОЖИЕЙ

Начало учения старцев посвящено воле Божией. Для познания и исполнения воли Господа нам нужно учесть границы человеческого мышления, через отвержение своего разума перейти к смирению, обрести богоугодное видение жизни и на всем ее протяжении идти в направлении к Свету Лица Божия. Эти ключевые положения старцы затем всесторонне развивают в других частях их учения.

1.1. ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Наставления первого Оптинского старца Льва (1768—1841) открываются в используемом нами источнике тремя высказываниями о воле Божией:

Мы мыслим и судим, яко человецы, да и человецы еще плотстии. А премилосердый Господь вся вестъ, еще и несодеянное наше.

Где воспоследует воля Божия, там никакие пресильныя препятствія не одолеют.

Милосердый же Господь исполняет и обращает все в Свою волю и на пользу нашу, хотя по видимому и противными нам средствами и последствиями. Мы при помощи премилосердаго Господа Бога потерпим, да и посмотрим... [1, с.51].

Понимание ограниченности человеческого мышления, его несовершенства выступает для нас исходным пунктом в познании воли Божией. Мы мыслим и судим как люди, да еще люди плотские. Следовательно, в нашем мышлении есть два ограничения: (1) предел, положенный Творцом Его творению-человеку в способности мыслить и постигать в понятиях реальность; (2) плотский характер мышления, его обращенность к земным явлениям ограничивает способность человека воспринимать более значимые для него законы духовного мира и их место в его жизни.

В противоположность этому милосердный Господь все знает, даже то, что люди еще не сделали. У Бога нет ограничений на знание о нас, ни по времени (наше будущее сокрыто от нас, но открыто для Бога), ни по причинам (люди далеко не всегда знают истинные мотивы своего поведения, но Господь обладает таким знанием), ни по какому-либо другому признаку. В этой ситуации единственным разумным основанием нашего мышления выступает понимание необходимости искать и принимать всецело волю Божию. И нужно также понимать, что это — единственно возможный путь нашей жизни, на котором мы через многие скорби обретем уверенность в воле Божией как благой и совершенной для нас.

Преп. Лев говорит об этом коротко: там где воспоследует воля Божия, там никакие препятствия не будут страшны. Но также разъясняет, что наши понятия о воле Божией вследствие названных ограничений человеческого мышления могут и не достигать духовного смысла жизненных событий, определяемых волей Божией. Поэтому хотя милосердный Господь обращает все в Свою волю и на нашу пользу, мы часто ропщем, что средства

такого обращения нам неприятны и даже противны нашей падшей натуре.

Старец Лев выделяет очень важный принцип познания и принятия Божественной воли — терпение. Люди должны с Божьей помощью потерпеть все ниспосланное Богом, «да и посмотреть», т. е. увидеть, в чем заключался праведный смысл прошедших испытаний.

Второй Оптинский старец Макарий (1788—1860), раскрывая сущность духовной жизни, еще более решительно характеризует ненадежность человеческого разума и говорит об «отвержении разума и неверовании самому себе»:

Духовная жизнь не в том состоит, чтобы видеть свои исправления, а в том, чтобы зреть своя согрешения; первое приводит к гордости, а последнее к смирению, от которого и добродетели бывают тверды, и не возвышаемся умом о них. Враг борет нас различно: если не может вовлечь нас в пороки, то внушает мысль о своих исправлениях и тем помрачает ум наш и отводит от Бога. Первый наш путь есть отвержение своей воли и разума и неверованье самому себе... [1, с.81].

Преп. Макарий продолжает и развивает мысль преп. Льва. Если Лев говорил об ограничениях человеческого разума, исходящих от Бога (пределы мышления, положенные Творцом своему творению) и от самого человека (склонность рассуждать по плоти, а не по духу), то Макарий называет и третье ограничение — исходящее от врага человеческого рода и заключающееся в насильном помрачении разума.

Лев смотрит на Бога и Его промыслительное действие, и учит людей терпеливо ждать прояснения смысла этого промыслительного действия; Макарий не упускает из

виду врага и его жажду человеческой гибели, и поэтому предостерегает от отождествления помрачений ума с его нормальной деятельностью. Поскольку «враг борет нас различно», и днем и ночью, то и помрачения находят на земного человека фактически непрерывно. В этой ситуации «отвержение своей воли и разума и неверование самому себе» выступает вынужденной мерой духовной защиты.

Здесь раскрывается важный нюанс: отречение от своей воли и разума нужно именно потому, что то, что человек принимает за «свое», на самом деле чаще всего является «чужим». Т. е. силы зла стараются воздействовать на человека непрерывно через помыслы и не дать ему возможности выработать нормальную, действительно свою позицию по тем или иным вопросам.

Поэтому положение Оптиных старцев об отречении от своего разума и неверовании самому себе не следует понимать абстрактно, в смысле неверия в Богоданную способность человека мыслить. Более правильно их высказывания по этому поводу понимать как признание, что у земного человека нет возможности нормально мыслить в силу его пребывания в мире, раздвоенном на добро и зло.

Но не мыслить вообще человек не может. Поэтому «отвержение от своего разума и неверование самому себе» на самом деле является базовым правилом того мышления, которое для человека еще возможно. Данное правило характеризуется строгой направленностью мышления на ту область, из которой исходит угроза духовной гибели — «зрение своих грехов».

Именно постоянное и непосредственное видение своих согрешений защищает человека от принятия наиболее

опасного помысла о своем превосходстве над другими, побуждает сделать его очень трудный шаг — признать свое недостойнство, т. е. увидеть себя таким, какой он есть через пребывание частью своей природы во зле.

1.2. ПУТЬ К СМИРЕНИЮ

«Признать свое недостойнство, увидев себя таким или такой, какой или какая я есть». Что стоит за этим признанием? — видение своей немощи, невозможности проявить себя совершенно в соответствии с духовным законом своего существования, заповедями Божиими. Понимание необходимости врачевания данной немощи, восполнения благодатью Божией ущербности нашего бытия. Острого ощущения, что искать источник благодати нужно не в наших заслугах (которых нет), а в милости Божией и только в ней. И, наконец, принятие смиренного упования на милость Божию как источник своего существования.

По учению Оптинских старцев, смирение есть то, в чем безусловно заключается воля Божия относительно каждого из нас. Поэтому отречение от своего разума и неверование себе имеет первоочередной целью достижение смирения, которое угодно Богу. Преп. Макарий пишет об этом вполне определенно:

Господь ищет от нас смирения; с смирением и малые дела Господь приемлет, а без смирения и большие исправления Ему не угодны, что видим на фарисее. ...Не доверять себе и не следовать своему разуму и воле — есть путь ко смирению... [1, с.90—91].

Опираясь на ключевые положения о воле Божией первых Оптинских старцев, преп. Моисей (1782—1862) сфор-

мулировал практические «заповеди для постоянного памятования и делания»:

1. *Отвержение своего разума и воли иметь.*
2. *При встрече с каждым лицом поставлять себя худшим, в каком бы то месте ни было.*
3. *Память смерти вкоренять в сердце глубже.*
4. *Самоукорение.*
5. *Смиренную молитву всегда иметь.*
6. *Укоризну, аще случится от кого, принимать, как врачевство душевное, с радостью.*
7. *Что сказано будет <духовником>, в точности выполнять.*
8. *Аще случится от забвения или от обычая в чем-либо паки согрешить, исповедывать то чистосердечно, как есть, без лукавства [1, с.129].*

Как и Макарий, старец Моисей отвержение от своего разума и воли рассматривает как начало, так и как саму основу духовной жизни. Первым практическим действием, какое при этом надлежит исполнять, является поставление себя худшим других во всех случаях. Т. е. с кем бы мы не встретились, должны считать другого человека и добрее, и умнее, и вообще лучше нас.

Не является ли такой подход надуманным? Ведь с позиции формальной логики два человека не могут быть одновременно один хуже другого. А по названной заповеди они оба должны поставлять себя худшими. Дело, однако в том, что проблема, на решение которой нацеливает упомянутая заповедь, лежит не во внешних отношениях людей, а во внутреннем отношении человека к правде.

Помысл все время толкает нас на то, чтобы мы признали себя лучше, талантливее, достойнее других людей — т. е. на прегрешение против образа Бога в других людях,

по отношению к которому мы не должны превозноситься. Чем сильнее подобное самопревозношение, тем тяжелее последующее падение. Радикально нейтрализовать губительный помысл можно через его противоположность, именно через отношение к себе как худшему из людей. И если помысл нас преследует постоянно и неутомимо, то и сила смирения к почитанию себя худшим из всех должна быть столь же постоянна и неутомима.

Память смерти здесь хорошая союзница в мысленной брани с врагом, который стоит за помыслом. Ибо плата за грех — смерть. Но не та физическая смерть, которой не избежать на земле и праведнику, а смерть духовная. Духовная смерть есть прекращение существования в качестве разумного и доброго существа, гибель в богооставленных пространствах мрака, страданий и плача. Вот память об этой-то второй смерти и призывает глубже вкоренять в наше сердце преп. Моисей.

Он напоминает нам о том, что безумие есть предаваться помыслу о нашей исключительности, когда за таким помыслом стоит враг, увлекающий человека в вечную погибель. И в качестве очень нелишней меры предосторожности должна быть устойчивая вкоренность в нашем сознании верной мысли о нашем реальном духовном положении и масштабе угрозы, с которой мы все столкнулись.

Люди, которые пытались практически заниматься духовно-нравственным совершенствованием, знают, как нелегко здесь добиться хотя бы небольшого прогресса, как долго греховные наклонности не уступают, и как упорно они стремятся замаскироваться в благовидные предлоги или раствориться в мирской суете. Помысл трансформируется, мимикрирует, обманчиво исчезает и затем вновь является в новом обличьи и преследует с новой силой. И

нужно время и силы, чтобы его распознать и вступить с ним в борьбу.

Старец Моисей дает нам в этой ситуации еще одного внутреннего союзника — самоукорение. Самоукорение — это прежде всего разотождествление себя с помыслом, когда его еще не удалось изгнать из сердца. Т. е. найдя в себе помысл в весьма привлекательной «обертке», нужно самоукорением отделиться от него, локализовать его в нашем сознании, негативной нравственной оценкой обезценить его для души, и вызвать его отторжение.

При этом «смиренную молитву всегда иметь». Помощь Божия нужна во всем — принять Его волю означает и принять Его помощь. Познавая волю Божию и пытаюсь ее выполнять, человек неизбежно сталкивается с необходимостью получения помощи свыше. Преп. Моисей указывает наиболее действенный путь получения такой помощи — смиренную, т. е. творимую с полным осознанием своей немощи, молитву. И это есть единственная возможность выстоять в борьбе с исконным бесплотным врагом человеческого рода.

Помощь Божия может придти через других людей. При недостатке самоукорения Господь может послать нам в помощь укоризну от наших близких или кого-либо еще. Обычно люди более или менее болезненно воспринимают укоризну, будь то простое замечание или обстоятельная критика. Старец Моисей дает иное, не плотское, но духовное решение — укоризну принимать как целительство души, с радостью. Имеющий радоваться лечению будет иметь и радость исцеления; отвергающий лечение будет нести скорбь от продолжающейся болезни.

Еще одна важная заповедь — в точности исполнять сказанное духовником. Духовник — тот же врач, только

имеющий дело с болезнями души. И как не рискует обычный человек делать себе операцию на плотском сердце, так и не стоит рисковать оперировать сердце духовное: определять, что в нем плохо и что хорошо, что надлежит оставить, а что удалить. Имеющий от Бога духовное зрение и дар рассуждения духовник сделает это лучше, мы же должны помочь в этом деле ему (и, соответственно, себе) точным исполнением сказанного нам, т. е. послушанием.

Заключает же старческие заповеди преп. Моисей указанием на необходимость чистосердечного исповедования повторяющихся грехов. Видеть все как есть, без лукавства и утайки перед духовником (старцем), означает возможность вовремя остановить удар и избежать падения.

Следующий Оптинский старец преп. Антоний (1795—1865) доводит до слушателей одну из основных мыслей о значении духовного (старческого) руководства:

Если же кто, надеясь на свой разум, думает не иметь нужды в руководителе, таковой скоро заблудит от пути правого. Почему и должны со слезами молить Господа Бога, чтобы даровал нам наставника или наставницу незаблудную; ибо по гнилости недугов нужен и врач или лекарка опытная и благоискусная [1, с.159].

Сказанное здесь является основой служения старцев и существенной стороной их учения о воле Божией применительно к ним самим и руководимым ими людям. Ввиду невозможности для новоначальных и духовно неопытных лиц самостоятельно избежать заблуждений и падений, Господь по Своей милости дарует таким людям искусных и опытных наставников. Значение этих наставников для людских судеб столь велико, что ищущим старческого

руководства надлежит со слезами молить Господа Бога, чтобы желаемое исполнилось.

Таким образом, старчество — это служение, идущее от Бога и имеющее в своем распоряжении чрезвычайные средства для избежания чрезвычайных ситуаций. Подлинный старец должен обладать духовными дарами, чтобы помочь своему подопечному понять положение, в котором он находится, и найти выход из него и вообще обрести улучшение духовной ситуации.

Наиболее известные и необходимые для старчества дары Св. Духа — дар рассуждения, дар целительства и чудотворения по молитве, дар прозорливости. По сути дела, это основной арсенал старца. Через рассуждение старец достигает ясного понимания послушником или духовным чадом жизненных проблем, путей их решения. Целительство и чудотворение необходимы для освобождения от телесной и иной немощи. Наконец, прозорливость есть средство предупреждения о характере будущих событий или средство раскрытия особенностей внутреннего устройства души.

Более всего старцы воспитывают в людях смирение, и преп. Антоний замечает:

Истинно, горе тому человеку, кто не имеет смирения. Кто не умеет сам смиряться, того впоследствии будут смирять люди; а кого не смиряют люди, того смирит Бог [1, с.166].

В этом положении можно усмотреть две линии поведения человека и два типа человеческой судьбы. Первая — когда человек умеет до известной степени смиряться сам, и по таковому смирению ищет и обретает руководство у старца. Здесь смирение дает возможность человеку

обрести благодать у Бога, Который посылает эту благодать через старца, служителя Господа. Старец искусно развивает смирение в подопечном, открывая перед ним возможности получения новой благодати. Поэтому все Оптинские старцы сначала были послушниками у своего Старца, и лишь впоследствии становились старцами для других.

Другая линия поведения — это неоправданная надежда решить все духовные проблемы своими силами, что является признаком недостатка смирения. Преп. Антоний говорит, что таковых будут смирять люди. Как смирять? — через конфликты, противостояния, борьбу и взаимные скорби. На этом пути человек потеряет много времени и сил. Но если и человеческие уроки смирения не возымеют действия, тогда смирять будет Бог. И одному Богу известно, как Он это сделает.

Преп. Иларион (1805—1873) дает ценные советы относительно распознавания воли Божией в движении окружающей нас повседневности. Старец в одном из писем говорит о следующем общем правиле:

...С нашей стороны должно быть только произволение с усердием к возложенной обязанности, а совершать все — дело Божие; сделается или что не сделается, как бы тебе хотелось, должна быть покойною, в чем и да поможет тебе Господь! [1, с.208].

В этом высказывании проявляется очень характерная черта учения Оптинских старцев — глубокая внутренняя связь их мыслей со Священным Писанием и Священным Преданием. В приведенном отрывке из письма так и слышатся слова Иисуса Христа «Без Меня не можете делать

ничего» и правильный ответ человека: Да будет воля твоя, Господи!

Мы об этом нередко забываем, но здесь старец Иларион напоминает, что христианская жизнь устроена как служение Богу и ближним, и в этом служении надо ревновать о самом служении; результат же служения предопределяется Богом, а не нами.

Старец также являет искусство видения границы, выходя за которую человеческая мысль и действие утрачивают богоугодный характер. На примере сокрушения (о грехах) он объясняет:

Сокрушение твое, замечаешь, стало превосходить меру, потому что чувствуешь невыносимую тоску. Чрезмерно сокрушаться не следует, это уже не от Бога [1, с.211].

Человек, начинающий духовную жизнь и становящийся на путь нравственного совершенствования, не имеет необходимой дисциплины мысли и должного контроля чувств. Поэтому благими намерениями может быть устлан путь, увы, не в рай. И здесь старчество приходит на помощь, давая — в соответствии со святоотеческой традицией — важный принцип умеренности. Преп. Иларион, как и другие Оптинские старцы, постоянно напоминает:

...иди среднюю стезю, памятуя слова св. Исаака Сирина, что «умеренному деланию цены неть... [1, с.212].

Сопоставляя два последних их приведенных высказываний старца, мы видим, что принцип умеренности («средней стези»), является не только средством к обретению самоконтроля над мыслями и чувствами, но и средством к познанию воли Божией. Можно, вероятно, сказать так:

исходное благое намерение не должно приходить в противоречие с истинным смыслом заповедей Божиих. Так, в отношении сокрушения должно совершиться сказанное пророком: «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Т. е. на сокрушение и плач о грехах должна придти благодать утешения, на которую есть воля Бога. Но никак не чувство безысходной тоски, которое пытается внушить диавол.

Говоря обобщенно, Бог есть Творец истинных смыслов вещей, и нужно стремиться во всем — послушании, молитве, покаянии и иной любой добродетели — обрести и не исказить эти истинные смыслы. Поэтому когда Оптинские старцы говорят о том, что дар рассуждения есть наиболее важный дар старца, то за этим стоит как раз умение и обязанность старца доносить до людей эти истинные смыслы всего, с чем человек соприкасается в своей жизни. А донести истинные смыслы вещей до человека есть дар сообщения человеку богоугодного видения жизни и его предназначения в ней.

1.3. БОГОУГОДНОЕ ВИДЕНИЕ ЖИЗНИ

Этот дар сообщения человеку богоугодного видения жизни достиг высокой степени в наиболее известном Оптинском старце — преп. Амвросии (1812—1891). Его меткие, афористичные высказывания надолго запомнились и привлекли к старцу большое количество людей всех сословий. Повторяя и многократно разъясняя своим духовным чадам и подопечным все, сказанное его предшественниками о воле Божией, преп. Амвросий ярко выявил еще одну черту старчества — глубокий психоло-

гизм, видение и понимание самых потаенных движений человеческой души.

Распознавая в душах стремление к особым подвигам и праведности, старец говорил по этому вопросу точно и убедительно:

*Напрошенный крест трудно нести, а лучше в простоте сердца предаваться воле Божией. **Не попустит бо Бог искустися паче силы, но сотворит со искушением и избытие** (Ср.: 1 Кор.10,13). **Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, его же приемлет. ...Аще же без наказания есте ...убо прелюбодейчици есте, а не сынове** (Евр.12,6,8) [1, с.238].*

Напрошенный крест... Необычное, но интуитивно понятное выражение. Старец как бы говорит: вы можете вашими просительными молитвами действительно получить от Господа те испытания, о которых думаете и к которым стремитесь. Но тяжесть этих испытаний может оказаться слишком высока, и вместо мужества произведет в душе малодушие, а то и отчаяние.

Преп. Амвросий здесь деликатен. Он не развивает эту тему в направлении заповеди «не искушай Господа, Бога твоего». Хотя у некоторых людей отсутствие должного рассуждения о собственных чувствах приводит к смешению понятий: крест испрашивается в надежде на благодать, которая сделает несение этого креста легким. Т. е. люди на самом деле стремятся к получению благодати, а не несению креста, как они это утверждают. А это уже небезобидно. Ибо искушение Господа часто в том и заключается, что человек как бы вместо Бога принимает решение, что он будет так-то и так-то поддержан, и даже чудесно избавлен от напасти, к которой он сам же и стремится.

Вместо этого старец сразу дает оптимальное решение — «в простоте сердца предаваться воле Божией». «В простоте сердца» означает отсутствие всяких измышлений на сердце — где, при каких обстоятельствах и как будет явлена воля Божия в отношении данного человека. Т. е. характер грядущих на жизненном пути событий надлежит определять не человеку, а Богу. При этом простота сердца является свидетельством, что человек действительно отказался от мечтаний о себе, и вверил себя воле Божией, справедливо полагая, что Господу лучше известно, как раскрыть его лучшие качества.

Преп. Амвросий на положениях из Священного Писания показывает преимущества «креста назначенного» над «крестом напрошенным». Ибо в этом случае Бог Сам определяет меру испытаний для людей, и не позволяет им (испытаниям) превысить возможности человека по несению скорбей. Личный крест нужен человеку не для удивления других, а для исправления себя. Он нужен для того, чтобы осознать скорби как наказание, данное Господом с любовью, т. е. возможностью исправления и принятия Богом в качестве Его сына или дочери.

Поэтому старец сказал еще и так:

Иди — куда поведут, смотри — что покажут, и все говори: да будет воля Твоя! [1, с.238].

В этом высказывании явственно видна установка на отказ от своей воли. Своя воля здесь воспринимается как помеха действию воле Божией в человеческой судьбе. Но отказ от своей воли не означает бесхарактерность в человеке, его равнодушие к происходящему или пассивность. Следует подчеркнуть, что отказ от своей воли в учении старцев означает не безволие, а отказ от своеволия — духовно

и нравственно ошибочных действий, вытекающих из ограниченности человеческого опыта и поврежденности человеческой природы грехом.

В словах преп. Амвросия как раз и видна устремленность к свершению воли Божией, что не отрицает, а предполагает активные действия в ситуациях, когда нравственный и духовный смысл событий стал очевиден для человека. Подобная очевидность воспринимается верующим как то, что Бог ему открыл должное видение происходящего, следовательно, открыл и свою волю как человеку надлежит действовать.

Старец Амвросий дал разъяснение и относительно пределов времени в человеческой жизни:

Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление [1, с.239].

Человек уходит из жизни не тогда, когда он устал жить и страдать, а тогда, когда Бог выявил его дальнейший статус. Многие страдания Господь посылает своим избранныкам ради их высокой доли в Царстве Небесном. Оптинским старцам это было известно, как никому другому.

Преп. Анатолий (Зерцалов) (1824—1894) говорит так:

Скорбей у Бога не проси, а пошлет — терпи. В скорбях сокрыта есть милость Божия! [1, с.276—277].

Сокрыта в скорбях милость Божия! Вот почему все Оптинские старцы так много писали и говорили о скорбях. В их учении о воле Божией скорби (болезни, немощи,

недоумения и т.д.) раскрываются как инструмент исправления и совершенствования человека Богом, Его труда над человеком по освобождению последнего от пороков и греховных привычек.

Преп. Анатолий «Старший» (Зерцалов) уделил в своих наставлениях много внимания этому вопросу. Он говорил о необходимости быть готовым встретить скорби тем, кто полюбит молитву Иисусову — ибо враг не оставит без отмщения эту нестерпимо жгучую для него молитву. Но одновременно старец заповедовал «скорби собирать как сокровище», поскольку это очень способствует Иисусовой молитве.

В этих наставлениях ярко выразилось понимание Оптинскими старцами роли скорбей в осуществлении воли Божией в человеческой жизни. Можно отметить несколько моментов этого понимания:

1. Неизбежность и неустранимость скорбей. Ссылками на Священное Писание и собственными разъяснениями старцы учили, что скорби хотя и неприятны, но играют такую же роль, как телесная боль — т. е. указывают на болезнь души, которую надобно врачевать. И до уврачевания души скорби будут посещать человека, хотя Господь по своей милости дает и утешение в скорбях.

2. Стремление к отсутствию скорбей неправильно, ибо по сути такое стремление является отказом от духовно-нравственного совершенствования, следовательно — отказом от исполнения воли Божией.

3. Самостоятельное искание скорбей есть такое же заблуждение, как самостоятельное искание лекарства от

неизвестной человеку болезни. Вместо исцеления в этом случае можно получить еще более тяжкое увечье.

4. Полезны только те скорби, которые посылает человеку Господь, ибо не скорби важны для Бога, но разумение человека причины и характера его болезни. По достижении такого разумения Господь подает и исцеление, а вместе с ним и избытие скорбей.

5. Перенесение скорбей требует от людей мужества и терпения, воспитывает привычку к постоянной молитве и производит другие, хотя и отчасти вынужденные, но полезные изменения в человеке. Поэтому в учении старцев за скорби надлежит благодарить Бога, являющего через них Свою волю к исправлению и спасению человека.

Преп. Исаакий I (1810—1894) старался убедить иноков в необходимости терпения при случающихся скорбях:

Надо терпеть. Как же святые-то терпели? Что же после этого мы за монахи, если и малых оскорблений переносить не будем! [1, с.309].

Преп. Иосиф (1837—1911) подчеркнул необходимость упования на Бога в обстоятельствах скорбного земного пути:

Будущее же наше в руках Божиих. И без искушений прожить век нельзя. Не то, так другое, не другое, так третье. Поэтому и Господь предостерегает: «будите готови». Впрочем, если всегда будете молитвенно прибегать ко Господу,

с упованием на Его милость, то всегда будете обретать благовременную от Него помощь [1, с.333].

Старец Иосиф был искусен в наставлениях, посвященных воле Божией. Он умел кратко повторить, сказанное старцами-предшественниками и, в то же время, охватить новый круг вопросов, которые жизнь ставила перед его духовными чадами и подопечными.

В приведенном высказывании преп. Иосиф вновь акцентирует сказанное первыми Оптинскими старцами о том, что «Господь вся вещь, еще и несодеянное наше» (преп. Лев), а по сему и будущее наше, конечно же, тоже в Его руках. Со столь же несомненной уверенностью старец присоединяется и к оценке своих наставников, что без скорбей и искушений прожить нельзя — «не то, так другое, не другое, так третье».

Следовательно, соединение первого со вторым дает абсолютно логичное и единственное решение: многосложные проблемы жизни, которые иногда рвут человека на части, нужно соединить в себе молитвой к Господу и упованием на Его милость, от чего будет благовременная помощь и возможность жить дальше.

Преп. Иосиф говорил, что всегда должно помнить мудрую пословицу: «Живи не так как хочется, а как Бог велит». В понимании старца это означало, что как устроились жизненные обстоятельства, так и должно жить. Ибо окружающие нас обстоятельства устраиваются не случайным образом, а Промыслом Божиим.

И здесь мы имеем со своего рода расширением рассматриваемой ситуации. Преп. Иосиф обобщил сказанное ранее старцем Амвросием «иди — куда поведут» на всю жизнь. Уже не частная ситуация требует отказа от своего воля, а ситуация всей жизни. В том, что в жизни устойчиво сложилось положительного — это от Бога. И потому не

надо поддаваться соблазну разрушения данного скромного, но достаточного уклада, ради надуманного и неосуществимого плана, коренящегося в недостатке смирения, а отнюдь не в недоиспользованном потенциале человека.

Вероятно, здесь старец исходил из той тайны, которая Оптиным старцам была известна опытно. Суть ее можно определить так: чем сильнее смирение, тем более достойную дает Бог человеку жизнь. И потому не внешняя эффективность жизни (например, слава, известность, богатство, влияние и т.д.) составляет ее внутреннюю необходимость, но глубокое переживание своей причастности и неотъемлемости воле Божией, из чего жизнь данного человека раскроется с необходимой силой и вовне. При этом смирение первично и самоценно, т. е. оно не является «инструментом» получения внешних благ, но само является внутренне данным благом, благодатью.

Преп. Варсонофий (1845—1913) хорошо выразил такое смирение следующими словами:

Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, все промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства. Перед нами множество шкатулок, а ключей к ним нет... [1, с.365].

С новой силой звучит здесь сказанное первым старцем Львом о пределах, положенных человеческому пониманию. В нашей жизни нет случайных комбинаций условий и обстоятельств, все предопределено и вызвано к существованию Богом. Порыв ли ветра, хлопнувший ставнем и позвавший человека из дома, встреча ли с незнакомым человеком, боль или радость, слава или бесчестие — все неслучайно, все есть рассказ Бога нам о нас.

И оттого-то так непонятен этот рассказ, что многое в нем сокрыто, окутано тайной. Бог хочет нам что-то сказать, но Его мысли — не наши мысли. Потребуется долгие годы духовной работы, размышлений, нравственного совершенствования, опыта исполнения заповедей, прежде чем мы хотя бы немного научимся видеть свою жизнь освещенную светом, исходящим от Бога. Но и тогда жизнь не станет простой и понятной. Она станет еще более сложной через возросшую степень ответственности за себя и других, через требование мыслить точно и ясно, приходиться на помощь всегда, сострадать другим не мыслью о сострадании, а самим взятым на себя страданием.

В какой-то момент мы начнем немного понимать, что значит быть настоящим человеком. И увидим, что это совсем не тот человек, к которому мы привыкли на земле. Мы увидим, что этот духовный человек проходит страдания и испытания ради того, чтобы в нем все сильнее светил Свет, в котором нет никакой тьмы. В этом Свете тайное становится явным, все обретает свой смысл и предназначение, жажда познания утоляется. Но перейти к этому Свету означает перейти из смерти в жизнь.

И ради этого перехода старец Варсонофий наставляет нас помнить об одной вещи:

Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности [1, с.368].

Познание и обретение в себе воли Божией возможно только в сознании своей греховности. Нельзя стать чистым, не понимая, что ты грязен. Нельзя придти к истинному Свету, если за свет принимать свою тьму. И нельзя стать совершенным, не понимая, что ты не совершенен.

Поэтому старец учил не гордиться и не тщеславиться ни самим в себе, ни перед другими. Учил считать себя хуже всех и свыкаться с мыслью, что мы приговорены к адским мучениям. Что избавиться от них можем только по милости Божией. И говорил, что это нелегко, что только святые достигали того — считали себя достойными адских мучений, считали себя хуже всех.

Наше достоинство здесь, на земле, определяется мерой познания нашего недостойнства. Чем лучше мы знаем себя, тем лучше видим, сколь мы недостойны — и оттого, что видим и принимаем эту правду о себе, становимся причастны самой Правде, и через то обретаем и некоторое достоинство.

Прийти к подлинному пониманию нашей трагедии — это значит прийти к страшному выводу о себе — что не кто-то, а конкретно ты достоин быть в аду, и что не кто-то, а именно ты хуже всех. И через это полное осознание своего недостойнства Бог приводит человека к святости, жизни ради Него и в Нем Самом. Той самой жизни вечной, в которой человек обретает свое вечное достоинство, полноту бытия и свершения Божественного предопределения о нем — что человек есть человек только в Свете, а во тьме его нет.

1.4. НАПРАВЛЕНИЕ К СВЕТУ ЛИЦА БОЖИЯ

Преп. Анатолий «Младший» (Потапов) говорит, словно чеканит:

Чрез всех и все с тобою говорит воля Божия, доставляя тебе богато случаи запечатлеть, засвидетельствовать мыслью, словом или делом добротность твоего направления к Свету Лица Божия, а не на поиски изменения жизни с пользастью душевной работы твоей над собою. Направь

себя сначала молитвой на путь спасения, тогда и станешь христианкой, кротким молчаливым примером, влекущей других на путь сей [1, с.399].

Старец приоткрывает тайну жизни, в полноте известной одному Богу, но сообщаемой Им нам через все явления нашего бытия. Воля Бога говорит через всех и через все, и потому Бог не является для нас неведомой, далекой и молчащей реальностью. Он действительно рядом.

И воля Бога, который рядом, состоит в том, чтобы мы имели направление к Свету Его Лица. Преп. Анатолий «Младший» говорит о том, что в жизни человека существенно именно направление к Богу. Не частные, хотя и благие цели — поиски изменения жизни, стремление иметь некий полезный результат душевной работы над собой и т.д. Эти цели не предосудительны сами по себе, но они не имеют окончательного значения.

Почему не имеют? Потому что они направлены к нашей личности, ограниченной способом земного существования, но не к Богу, Светом Его Лица открывающего истинную сущность человека — и дающего ответ на вопрос, кто мы есть и зачем живем. Стремление просто исправиться, стать хорошим человеком и найти в этом смысл своего существования — иллюзия.

Оптинские старцы указывают на другой путь. Они предлагают через смирение, дающего зрение подлинного масштаба нашей греховности, увидеть наше бессилие как коренную черту всего того, что исходит от нас самих. Это бессилие обесценивает любые наши нравственные поиски и свершения, ибо в этих поисках и свершениях человек лишь черпает новые свидетельства своей немощи.

Вы можете быть богаты — и быть несчастнее нищего. Вы можете быть умны — и вас могут не понимать.

Вы можете быть красивы — но ваша красота не только не спасет мир, но и вас самих. Когда мы измеряем мир своей личностью, он становится чужд, глух и беспощаден к нам.

Но сознание своего бессилия открывает человеку дверь к пониманию того, что есть только одна сила, творящая человеку благо совершенно — воля Божия. Иметь волю Божию в себе — значит иметь направление к Свету Лица Божия, иметь путь спасения. И исходным пунктом, «станцией отправления» здесь выступают не поиски частных целей и путей их достижения, а молитва.

Старец Анатолий «Младший» говорит о том, что направить себя на путь спасения надо молитвой. Суть христианской молитвы заключается во всецелом полагании себя воле и милости Божией. Христианин, молитвенно обращающийся к Богу, признает, что сам он не может сделать ничего, и верит, что Бог силен подать ему все, что нужно для жизни — и любовь, и разумение, и силу, и мудрость, и кротость, и смирение....

Старец наставляет:

Трудно бы было жить на земле, если бы и точно никого не было, кто помог бы нам разобратся в жизни... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя [1, с.399].

Молитва есть общение с Господом. Нельзя получить ответы, не спрашивая Того, Кто способен дать истинный и окончательный ответ. И если Бог нам говорит через всех и все, то через молитву и мы можем говорить к Господу. Источник познания воли Божией — Сам Господь. Он являет нам Свою волю, Он же и помогает нам ее понять. Молитва есть первое и неотложное дело в познании воли Божией.

Она также есть средство и получить помощь в исполнении воли Божией.

Преп. Нектарий (1853—1928) усиливает эти положения:

...Только в общении с Господом, в послушании Слову Его, в чтении оного, только вера и праведность (или стремление к ним ежечасное), взятые вместе, а не раздельно, только безропотность и благодарение Бога за все посылаемое избавляют нас от всяких болезней, скорбей, напасти, возмещающая все сии миром и радостью о Духе Святе [1, с.433].

Молитва есть первейшее средство к общению с Господом. Но и ее не довольно к стяжанию богоугодной жизни. Важно ведь не только то, что мы обращаемся к Господу с верой, важно и то, в качестве кого мы это делаем. Оптинские старцы напоминали, что Бог слушает праведных, а грешных Он только милует.

Преп. Нектарий разворачивает универсальную (т. е. должную для всех) картину обретения богоугодной жизни, которая и есть как познание, так и исполнение воли Божией. Он говорит о том, что общение с Господом — это общение в послушании Его заповедям, постоянном чтении Священного Писания и размышлении над ним, в соединении веры и праведности, ибо нет подлинной веры без праведности, и нет подлинной праведности без веры; наконец старец говорит, что общение с Богом надлежит совершать только безропотно и с благодарением Бога за все посылаемое, ибо Господь все посылает нам по своей милости и заботе о нас.

Почему старец так настойчиво говорит об этом? Потому что он желает нам, чтобы мы, обратившись к Господу, были услышаны. Ибо быть не услышанным означает для

нас, что мы не поняли и не совершили волю Божию о нас. И это есть трагедия для человека, ибо в этом он познает, что если Бог его не слышит, у него нет в жизни пути.

Господь есть Путь, и Истина, и Жизнь. Потерять Господа в своем сердце — потерять свой путь, свою истину, и свою жизнь. Оптинские старцы умели помочь людям правильно осознать свой путь в жизни, и убедительно показывали людям: если хочешь, чтобы Бог услышал твой голос, услышь сначала Его голос. Если хочешь, чтобы Бог выполнил твою волю (твои прошения, твою мольбу), выполни сначала Его волю. Если хочешь, чтобы Бог дал тебе жизнь, не избирай себе смерть — ибо плата за грех есть смерть.

Преп. Нектарий вновь и вновь повторял самое существенное в учении Оптинских старцев:

Спрашиваете, «Каким путем идти к Богу?» Идите путем смирения! Смирением несением трудных обстоятельств жизни, смирением терпением посылаемых Господом болезней; смиренной надеждою, что не будете оставлены Господом, скорым помощником и любвеобильным Отцом Небесным; смиренною молитвою о помощи свыше, об отгнании уныния и чувства безнадежия, которыми враг спасения тщится привести к отчаянию, гибельному для человека, лишаящему его благодати Божественной и удаляющему от него милосердие Божие [1, с.436].

Отчаяние — это то состояние души человека, в котором уже невозможно ни познать, ни выполнить волю Божию. Это потеря благодати, потеря в себе силы Божией, которой человек соблюдается к спасению. Недаром враг ищет именно этого состояния души, в котором он может властвовать (по причине богооставленности души) над ней

и творить волю свою. Какую волю? Волю мести, волю ненависти, волю смерти.

Так вот, антиподом отчаяния является смирение. Бог не допустит страданий душе сверх должного, не возложит на душу непомерное бремя. И потому смирение доступно человеку во всех обстоятельствах его жизни, сколь бы тяжкими они не казались. Посему Бог ищет в нас смирение, в котором Он может сотворить волю Его — волю милости и прощения человеческих грехов, волю любви, волю жизни. Поэтому смирение — это путь к Богу.

Преп. Никон (1888—1931) категоричен:

*Если всецело положиться на волю Божию, тогда все будет хорошо, и неприятное будет приниматься как должное... **Любящим Бога все поспешествует во благо** (Рим. 8,28) [1, с.471].*

Весьма важный жизненный ориентир. Для нас не столько важно знать, каким будет наше будущее, сколько то, что оно будет хорошим. Основываться только на своих расчетах и предположениях — дело ненадежное. Любой человек может припомнить, сколько раз он полагал что-то реально осуществимым и даже решенным — и затем испытывал разочарование.

Да если бы только это одно! У скольких людей относительно безоблачная и полная надежд жизнь терпела крушение, и приходили суровые, на грани человеческих возможностей, испытания. Сколько людей испытывали нравственный надлом, теряли веру во что бы то ни было — смысл жизни, необходимость нравственности, возможность жить достойно.

Старец Никон раскрывает единственный способ избежать любые разочарования — всецело положиться на

волю Бога. Тогда мало-помалу изменится не только течение жизни (в благоприятную сторону) человека, но изменится и его система оценок происходящего. «Простое и естественное» — вроде здоровья и благополучия — будет восприниматься как дар благодати, и потому надлежаще цениться. Неприятности будут рассматриваться как должное, но не как беспричинное и несправедливое ущемление личности.

И это не «техника релаксации». Это приход в истинное состояние души, в котором душа получает как защиту свыше, так и знание о тайных и явных механизмах ее страдания и исцеления таковых. Короче говоря, во всецелом полагании на волю Божию заключен неискаженный взгляд на человеческую жизнь. Неискаженный иллюзиями и мечтаниями о себе, незнанием духовного смысла пребывания на земле, незнанием того, чем определяется перспектива жизни и смерти человека.

В полагании на волю Божию, в смирении есть угодный Богу путь познания Его воли. Преп. Никон отмечал, что постижение воли Божией доступно чистым по жизни своей, и что такие люди получают дар рассуждения, который по оценке Оптинских старцев «выше всех добродетелей». И старцы действительно считали, что основа их служения — дар рассуждения, умение распутать клубок противоречий и хитросплетений человеческой жизни, умение ясно изложить суть людских проблем и дать их эффективное решение.

Разумеется, выдающиеся результаты их служения на данном поприще были обусловлены и их другими особенными духовными дарованиями, в частности даром цельительства и вообще чудотворения, и даром прозорливости, т. е. способности видеть будущие события и распознавать

устроение души. Но, в конечном счете, Оптинские старцы все же главной своей задачей видели помощь людям в познании воли Божией, которая (воля Божия) и являлась источником их уникальных способностей чудотворения и прозорливости.

В одном из своих высказываний преп. Никон как бы резюмирует учение Оптинских старцев о познании и исполнении воли Божией:

...Наша жизнь устрояется не самолично, а Промыслом Божиим, успокоение обретается в отречении от своей воли, полного удобства никогда нельзя найти, невозможного Господь не требует от нас и посильное исполнение заповедей Божиих возможно везде и всегда. За посильное понуждение себя в данном месте и положении ко благочестию Господь, увидев человека приуготовленным, исполняет во благих желание его, сподобляя его желанию и образ жизни, если же не сподобляет, значит, оно пока еще для человека не полезно, но во всяком случае сподобляя спасения [1, с.472].

Глубоко символично было житие последнего из прославленных Оптинских старцев — прпмч. Исаакия II (Бобринского) (1865—1938). Он явственно показал, что Оптинские старцы учили следовать воле Божией всей своей жизнью, и если на то есть воля Божия — то смириться перед ней «даже до смерти». Своей мученической кончиной старец Исаакий II это засвидетельствовал.

Также символично и то, что по некоторым сведениям был и пятнадцатый Оптинский старец — Амвросий II. Он ушел от нас уже в послевоенное время (после Великой Отечественной войны), когда Оптина Пустынь была закрыта. Жизнь его также протекала большей частью вне этой святой обители, и о ней (о жизни) известно

сравнительно мало. Символичность жития Амвросия II заключается в том, что среди русского народа жил Оптинский старец тогда, когда сам народ этого не знал. И тем самым как бы символично открыто было то, что Оптинные старцы не только были, но они есть и будут с нами всегда. Даже тогда, когда мы этого не подозреваем. И потому они по-прежнему учат и будут нас учить следованию воле Божией.

Глава 2

УЧЕНИЕ О СМИРЕНИИ

Смирение — это путь к Богу. Таково краткое определение понимания Оптинскими старцами сущности смирения. Поскольку путь к Богу лежит через всецелое исполнение воли Божией, то учение о смирении является существенной частью учения Оптинских старцев о познании и исполнении воли Божией. Вместе с тем смирение — это надлежащий образ жизни христианина, в котором достигаются ее цели, независимо от того, протекает ли данная жизнь в монастыре или в миру. Поэтому тема смирения может рассматриваться относительно самостоятельно.

2.1. ПУТЬ К БОГУ

Смирение — это путь к Богу. Оптинские старцы многократно повторяли данное положение и всесторонне раскрывали его смысл. Первый Оптинский старец преп. Лев говорил так:

...Нам, ищущим спасения, при исполнении заповедей Божиих самонужнейшее есть смирение, которое привлекает к нам Божию благодать и освящает все наши действия, а без одного никакие подвиги и труды не могут нам доставить многожеланного мира, который даровал нам

*Премилосердый Создатель, глаголя апостолам: **мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам** (Ин.14,27), и о всем приносите Богу благодарение, а паче, воспоминая великия Его к вам благодеяния и милости [2, т.2, с.346].*

Человек, ищущий спасения и предпринимающий усилия для исполнения заповедей Божиих, не может не видеть, что его действия в этом направлении несовершенны. Все, что делается на земле, делается нескоро и негладко, и часто не приносит желаемого результата или далеко не достигает поставленных целей. Само отсутствие значимого результата обычно является источником душевного дискомфорта человека. Но в данном случае речь идет о большем. Насколько несовершенные, а порой и попросту неудачные действия в исполнении заповедей, согласуются с волей Божией, благой и совершенной?

Старец Лев разъясняет этот вопрос, говоря по сути вот о чем. Смирение начинается с видения и признания своей немощи в надлежащем исполнении заповедей, и терпеливом ожидании восполняющей эту немощь милости Божией. Коль скоро душа человека приняла таковое расположение, Господь ее не оставляет, посылая человеку благодать и освящение его действий. Благодать устраняет беспокойство в душе и наполняет ее миром, дает ей внутреннюю силу и дальше стремиться к исполнению заповедей. Освящение действий человека придает им богоугодный характер, хотя они сами по себе и несовершенны.

Благодать многожеланного мира в душе — это не только отрадное успокоение среди забот и огорчений мира сего. Прежде всего, это свидетельство человеку, что он не просто ищет спасения, но идет путем спасения, и идет правильно. Или, говоря непосредственно словами Священного Писания, благодать свидетельствует человеку, что он

один из «силою Божию через веру соблюдаемых ко спасению» (Пет 1, 1:5). Ради обретения спасительной благодати человек готов понести труды и даже подвиги, неизбежно связанные с исполнением заповедей.

Старец Лев, однако, вновь акцентирует, что спасение совершается не делами как таковыми, и благодать даруется не по одним трудам и подвигам, но по вере прежде всего. Смирение в этом смысле и есть проявление веры в то, что не сам человек своими действиями, но Господь своей силой совершает спасение и подает помощь человеку в выполнении заповедей. Ибо смирение — это признание своей немощи и ожидание милости Божией. Потому-то без смирения никак не обрести многожеланный мир в душе.

И вот, чтобы обрести и не потерять мир в душе, нужно всем приносить Богу благодарение, особенно вспоминая великие Его к нам милости и благодеяния. Благодарение Богу — это своего рода свет смиренной души, возжигаемый в ней милостью Божией. Этот свет рассеивает страсти и омрачения, не дает тьме поглотить мир, пребывающий в душе.

Преп. Лев продолжает:

*...Когда не имеете спокойствия, знайте, что не имеете в себе смирения. Это Господь явил следующими словами, кои вместе с тем показывают, где искать спокойствия. Он сказал: **Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обряцете покой душам вашим** (Мф. 11,29) [2, т.2, с.348].*

Спокойствие — это то, в чем являет себя смирение. Неспкойная душа неспокойна страстями и неправедными желаниями, которые ей не удалось усмирить. Сами по себе страсти не стихают, и если на них не найти узду, то они начинают терзать и мучить человека, толкая его к тому,

чтобы он стал рабом своего греха, ибо страсть находит свое удовлетворение в грехе.

Преп. Антоний говорит об этом на редкость выразительно:

Отчего несть мира в костех наших, в душе нашей и в сердце нашем? От грехов наших! От того, что нисколько не поучаемся в смирении, оттого, что любим очень спорить и доказывать, что мы более других все знаем, оттого, что мы не оставляем разговора с помыслами своими, которые вместо палачей непрестанно мучат нас [2, т.2, с. 334].

В противоположность этому, смирение есть спокойствие в добродетели. Добродетель не терзает душу человека, она дает ей спокойствие от исполнения должного. Должное же — от Господа, в его заповедях. И посему должное, как исходящее от Бога, есть одновременно и благодатное, несущее успокоение душе.

И вот, преп. Макарий раскрывает, каким способом в человеке достигается должное и благодатное:

Святые отцы... при всей их святости считали себя хуже всех и под всею тварию, и нас учат сему; и явственно показали, что где только учинилось падение, тамо предварила гордость... [2, т.2, с.323].

Преп. Макарий формулирует важнейшее положение учения Оптинских старцев о смирении. По этому учению, нет подлинного смирения в человеке, если он не в состоянии считать себя хуже всех. Почему так жестко? Назовем, по крайней мере, три причины, почему это именно так, а не иначе.

Первая причина — необходимость борьбы с помыслом о своей исключительности или о своем превосходстве над

другими людьми. Этот помысл ставит нас в крайне невыгодное и опасное положение. По сути, с таким помыслом мы начинаем преувеличивать греховность других людей в отношении нас лично, и преуменьшать — до слепоты — греховность нашу собственную в отношении других людей.

Но получаем-то мы воздаяние не за чужие, а за свои грехи. Причем грехи эти оказываются весьма большими, а воздаяние за них, с нашей точки зрения, непомерно тяжелым. Помысл о нашем превосходстве над другими людьми есть то оружие, с помощью которого наш враг желает скрыть ожидающее нас возмездие за греховность, и подтолкнуть на грехи еще большей тяжести. Для чего? — с тем чтобы сделать возмездие еще более тяжелым, доведя его до точки невыносимости, до той ситуации, когда человек ломается и терпит духовное поражение, отступая от веры.

Так вот, для того, чтобы это не произошло, нужно радикально изменить направление своего зрения, ориентировать его исключительно на наши собственные, а не чужие, грехи. Нам нужна достоверная информация о том, что с нами происходит. Но мы не сумеем рассмотреть наши грехи, если будем пребывать в иллюзии нашей исключительности, и не сумеем избежать падения, которое следует за всяким самопревозношением — ибо «где только учинилось падение, там предварила гордость», и там, где учинилась гордость, всегда воспоследует падение.

2.2. СЧИТАТЬ СЕБЯ ХУЖЕ ВСЕХ

Через отношение к себе как худшему из людей мы и получаем доступ к видению всего того худшего, что в нас действительно есть. Столкновение с этой реальной картиной нашей греховности очень болезненно, но полезно.

Полезно, прежде всего, потому, что рождает в нас настоящее покаяние, объемлющее все наши грехи. И рождает желание отмаливать эти грехи, не считаясь ни с чем. Подлинное зрение нашей греховности дает нам понимание, что отмаливать свои грехи нужно годами терпеливой молитвы, что положение слишком серьезно, что скорби и испытания на этом пути неизбежны — но сам этот путь безальтернативен.

Вторая причина — это необходимость научиться принимать волю Божию в отношении себя лично, какой бы она ни была. Мы не ведаем, что думает о нас Бог, и не знаем, какое место Он предопределил нам в этом мире. Смирение, как его определяют Оптинские старцы, есть готовность, если Господь изволит, занять худшее место среди людей, и даже среди всей твари. Это понимание доносит до людей очень простую мысль: если люди серьезно задумываются о своей духовной судьбе, то они должны понять безальтернативность воли Божией в отношении себя лично. И уметь быть благодарными, если Бог им определил, по их мнению, худшую долю. Потому что эта доля всегда лучше той, которую человек измыслил для себя, но которая никогда не состоится, ибо без воли Бога не состоится ничего.

Третья причина, по которой нужно смиряться — это понимание того, что смирение исходит от самого Бога, что это Его качество, и что по первоначальному смыслу человеческого существования как жизни по образу и подобию Божию человек должен идти путем смирения. Научиться от Господа, ибо Он кроток и смирен сердцем .... В этих евангельских словах заключено очень многое. Прежде всего то, что здесь Господь Сам о Себе говорит как о кротком и смиренном Боге. И при надлежащем размышлении

мы не можем не увидеть, что сила этого смирения велика. Ибо Господь, являя нам свое долготерпение и готовность прощать наши самые тяжкие грехи, тем самым являет и свое смирение перед своим творением.

Если коротко резюмировать сказанное, то мы придем к следующему: смирение достигается в духе и жизни через поставление себя худшим из всех, благодаря чему достигаются три цели: (1) отражается губительный помысл о нашем превосходстве над другим ради того, чтобы (2) склониться перед волей Бога, какой бы она ни была в отношении нас лично и (3) тем самым последовать примеру той жизни, которой Господь Сам живет ради нас.

Поэтому смирение действительно состоит в том, чтобы искренне считать себя ниже всех людей и даже всей твари. И тот, кто однажды испытал такое настоящее, подлинное смирение, и имел силу духа, несмотря на всю тягость его, до конца своей земной жизни пребывать в нем, тот и явил послушание воле Божией. Ибо Господь, и только Господь, определяет каждому, где ему быть в веке сем и будущем. И потому любое место, которое определит Бог смиренному человеку — и в веке сем, и в веке будущем — будет принято им как законное. Потому что это закон для человека — принять волю Бога, какая бы она ни была. Как и сам Господь воплотился и смирился до крестной, самой худшей, смерти, ибо такова была воля Бога. Считать себя наихудшим, для нас грешных, — это и есть готовность принять волю Бога во всем возможном ее диапазоне, обращенном к человеку.

Нужно подчеркнуть: учение Оптинских старцев о смирении во всем основано на Священном Писании и Священном Предании. В данном случае, можно указать на следующую притчу Иисуса Христа:

... когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! Пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится [Лк. 14: 8—11].

Здесь Господь как бы говорит всем нам, Его последователям и служителям: будучи избраны к служению, не задавайтесь целью определить место и значение вашего служения среди ваших духовных братьев и сестер. Ибо по греховности вашей вы всегда будете склонны преувеличивать роль и трудов, и молитв ваших. И потому вам не избежать разочарований, когда место, определенное вам Богом в этой жизни, выявится окончательно. Вот и надлежит смиряться, чтобы занять место, уготованное Богом, и не тратить время на бесплодные усилия к обретению незаслуженного нами.

Но принять волю Бога означает встать на путь спасения. И преп. Антоний замечает:

...Без смирения в духе спастися невозможно, а смирению от одних слов научиться нельзя — нужна практика, чтобы кто трепал нас, и мял, и выколачивал кострику <жесткая кора растений>, без чего и в Царствие Божие попасть нелегко, которое многими скорбями обретается [2, т.2, с. 335].

Без смирения спастись невозможно, но ему нужно учиться. Оптинские старцы говорят не только о том, что смирение — это путь к Богу, но и том, что идти к Богу возможно, если умеешь ходить. Т. е. речь идет о том, чтобы не только декларировать свое стремление к смирению, не только признавать таковое в качестве нравственной основы своей жизни, но и уметь на деле быть смиренным. «На деле» же означает необходимость опытной проверки способности человека к смирению, т. е. требует его пребывания в реальных ситуациях, в т. ч. и тяжелых, в которых нужно проявить смирение.

В ходе подобных проверок скорбями и напастьями, когда кто-то нас «треплет, мнет и выколачивает кострику», мы обыкновенно и познаем меру нашего смирения или, вернее сказать, меру нашего несмирения. Из чего и выявляется необходимость учиться смирению.

Смирение — не искусственный прием, имеющий целью успокоить человека. Оно есть способ увидеть свое реальное положение, и принять то неизбежное, что из него вытекает. Причем принять как должное. При таком подходе поведение человека становится адекватным: он не ропщет, не злится на кого-то, не осуждает окружающих и не пытается переложить свою вину на кого бы то ни было. Вот это-та способность видеть ситуацию такой, какая она есть, а также думать и действовать в соответствии с ней, и является началом пути к Богу.

Поэтому учиться смирению означает для человека учиться жить настоящей, а не иллюзорной жизнью. Этот прорыв к реальности, к духовному видению мира, легко не дается. Нам сложно мыслить о себе как об обычных, ординарных, непримечательных людях. Проблема, однако, в том, что мы такие и есть. И в той в мере, в какой мы

полагаем себя одаренными или особыми, мы удаляемся от знания себя такими, какие мы есть.

Нельзя быть по-настоящему одаренным, не пройдя путь смирения. Ибо закон гласит: «всякий дар приемлет смиренная душа от Бога, несмиренная же должна приять от Него смирение». Путь к одаренности лежит через понимание обыденности своего бытия и обыкновенности своего «я» — и их непредпочтительности перед другими. А путь к особой одаренности — полагание себя худшим из всех, ибо в этом заключено совершенное смирение.

2.3. ТРИ СТЕПЕНИ СМИРЕНИЯ

Преп. Амвросий показал три степени смирения и, соответственно, три стадии обучения смирению:

Ведати подобает, яко три суть совершенного смирения степени. Первая степень — покоряться старейшине, не превозносится же над равными. Вторая степень — покоряться равным, не превозносится над меньшими. Третья степень — покоряться и меньшим, и вменяти себя в ничтоже быти, яко единому от скотов, недостойну сопребывания человеческого [2, т.2, с.351].

Смирение начинается с принятия социальной нормы отношений между людьми. Что может быть естественнее утверждения, что мы должны подчиняться превосходящим нас по опыту, знаниям, нравственной силе, духовному или служебному положению, и не ставить себя выше тех, кто объективно равен нам во всех этих отношениях? Вследствие самоочевидности данной ситуации редко кто открыто оспаривает первую степень смирения. Да и сама жизнь нас заставляет признавать законность

и целесообразность подобного положения: невозможно работать в организации, если мы не будем выполнять указаний начальников, невозможно жить, если мы не будем подчиняться требованиям закона и т.д.

Первая степень смирения в своей простоте и доступности для всех раскрывает важный смысл смирения: оно необходимо ради осуществимости разумного порядка жизни людей, в котором каждый может достигать своих целей, не препятствуя другим в том же. Не личная наша воля должна формировать отношения между людьми, как полагают люди несмиранные, а возможность следовать своему жизненному пути, не противопоставляя его законным интересам других.

Поэтому обучение смирению начинается с простой дисциплинированности и законопослушности (не только юридическому, но и нравственному, духовному закону). Проявлять старание в исполнении указаний тех, кто имеет право давать нам указания, внимательно и непредвзято относиться к аргументам или пожеланиям наших коллег или друзей, уметь принять точку зрения правого, а не свою, когда сам оказался не прав — все это смирение. Трудно человеку, не имеющему таких обычных качеств, обосновать свои претензии на особо высокую духовность или даже святость.

Соответственно, недовольство начальниками, стычки с коллегами, неразумное навязывание своего взгляда на ту или иную проблему служат нам признаками нашей несмирности и доказательствами того, что всем нам нужно учиться смирению. Только соответствуя вышеназванной социальной норме, можно с известной осторожностью предположить, что мы готовы делать первые шаги

на пути к смирению, которое, как определяли Оптиные старцы, есть путь к Богу.

Опытно владея навыками поведения на первой степени смирения, человек способен понять смысл второй степени смирения. В самом деле, почему нужно подчиняться равным и не ставить себя выше тех, кто ниже? Здесь мы сталкиваемся с ограниченностью социальной нормы, которая не предполагает действий, соответствующих второй степени смирения. Ибо вторая степень — это уже степень главным образом духовная, находящая свое обоснование не в социальной практике людей, а в их подчиненности духовному закону.

При переходе ко второй степени человек обозначает свое движение в сторону истинного смирения, «поставления себя хуже всех и даже ниже всей твари». Основой такого движения является вера в Бога, внутреннего же основания для этого движения в социальном порядке людей нет. Но на второй степени смирения человек сообразует себя со своими силами и не ставит цели сразу достичь совершенного смирения. Он просто выявляет смысл второй степени и стремится сделать ее достоянием своей души в качестве основы для последующего движения к совершенному смирению.

Полагание себя ниже равного и равным низшему есть, по сути, «смягченный» или посильный для данных обстоятельств и уровня развития данной личности вариант совершенного смирения. Поэтому все то, что относится к задачам совершенного смирения (нейтрализация помысла о своем превосходстве, принятия воли Бога в отношении себя такой, какая она есть, последования примеру смирения Самого Господа) присутствует и здесь. Но присутствует в посильном объеме.

Подчиняясь равному, человек учится сознавать свою непредпочтительность перед такими же, как он сам. Он также учится верить, что действиями других людей руководит Бог, а потому, подчиняясь равным, он подчиняется воле Бога и, возможно, тому уроку, который Господь преподаст всем участникам той или иной жизненной ситуации. Держась вровень с низшими, человек помнит о том, что и он сам может оказаться среди них. С другой стороны, он помнит и о том, что все люди сотворены по образу и подобию Божию, и потому это духовное равенство людей должно признаваться и осуществляться им со всеми людьми без исключений.

Насколько формально это разделение смирения на степени, и нельзя ли перейти сразу к высшему смирению, минуя предшествующие стадии? Трезвомыслящие люди справедливо полагают, что путь духовного совершенствования есть длительный и трудный путь. Легко впасть в самообман, и принять свои мечтания о смирении за само смирение, легко мечтать о великой ноше, ленясь понести и малую. Тщательное рассмотрение даже первых степеней смирения покажет, что и их выполнить весьма нелегко, что и здесь требуется большая работа ума и приучение к дисциплине чувств и поступков. Нельзя построить здание совершенного смирения на песке, ему нужен крепкий фундамент в виде навыка жить по первым степеням.

Да и сам-то путь смирения означает познание глубокой нашей немощи во всем, в том числе и в способности к смирению. Поэтому преп. Амвросий говорит о степенях смирения еще и в другом смысле:

...Сердечно желаю тебе духовного восхождения приличными и законными степенями, от них же первая и самая главная есть познание глубокой нашей немощи душевной

и телесной. Вторая законная степень есть самоукорение, т. е. во всяком неприятном и прискорбном случае обвинение себя, а не других. Третья степень — благодарное терпение встречающихся и постигающих нас скорбных искушений. От сих трех степеней порождается четвертая — начало смирения, если первые три были растворяемы верою и молитвенным расположением и обращением ко Господу, по предписанным правилам Церкви Православной и наставлениям святых отцев, которые опытом прошли духовную жизнь и показали нам стези спасения. Впрочем, скажу прощ — когда по ступеням, когда просто, по ровному или неровному пространству, а всегда надо стараться ходить во смирении, согласно заповедям Господним [2, т.2, с.356].

Если имеем немощь во всем, то должны ее видеть; если видим, то должны и самоукорять себя за неделание должного и делание недолжного; самоукоряем, значит, и виним себя, а не других; коль скоро виноваты мы, то и скорбные искушения должны принимать с благодарностью, как лекарство, производящее в нас исцеляющее действие. И лишь от всего перечисленного рождается начало смирения, его первые и еще слабые ростки, которые нужно развить и укрепить.

Преп. Амвросий говорит еще и о парадоксальной вещи, о смирении перед своей неспособностью надлежаше смиряться. Он говорит, что надо стараться ходить во смирении, даже если не получается научиться ему по степеням, а приходится идти по ровному или неровному пространству наших жизненных обстоятельств.

Поэтому обучение смирению состоит в единстве двух процессов: (1) движения по степеням отношений с другими людьми, (2) движение по степеням осознания своей немощи и умения правильно реагировать на немощь.

В этой двойственности и кроется замысловатость пути людей к смирению. Когда мы подходим к делу односторонне, допустим, учимся смиряться перед людьми и доходим, кажется, до признания себя худшими из всех, мы нередко упускаем из виду свою большую немощь в способности смиряться. Проходит некоторое время, и наш опыт неожиданно доказывает, что от смирения мы легко переходим и к крайним степеням самомнения и раздражения, которые, как известно, есть весьма греховные состояния.

Преп. Никон помогает нам понять и решить эту проблему:

Смиренно считая себя всегда, до самой смерти, способным ко всякому греху, к малому и большому (по нашему пониманию), надо усердно молиться Господу о помощи, «да не увидем в напасть». Самомнение не заботится о хранении себя и бывает причиной великих падений; соблазны берут верх и низлагают человека [2, т.2, с.343].

Итак, смирение в решающей степени дается человеку Господом, а не его собственными усилиями. Уповающий на свои собственные усилия и увлекающийся ими посрамляется своей немощью, принимающий свое желание за смирение низлагается соблазнами. Наверное, путь к смирению нам дастся легче, если мы просто примем как неизбежное нашу неспособность надлежаще смиряться, и будем уделять больше внимания смирению на самых первых его степенях, не забегая вперед и постоянно моля Бога о помощи в этом важном для нас деле. При этом нужно всегда помнить, что хотя от смирения до несмирения — рукой подать, но смиряющийся человек всегда пройдет больший путь, чем несмиряющийся.

2.4. СМИРЕНИЕ В МИРСКОЙ ЖИЗНИ

Особенностью Оптинского старчества была его большая забота о жизни мирян. И если старцы придавали столь большое значение смирению, то они наставляли в нем, естественно, не только монахов. Сегодня представляет особый интерес именно приложение старческого учения о смирении к обстоятельствам повседневной жизни в миру. Мирские люди живут в динамичном, сложном мире, в котором свои проблемы и свои правила. Поэтому путь смирения здесь должен быть осмыслен несколько иначе, чем в монастыре.

Нужно принять во внимание различия в содержании монашеского и мирского путей. Монашеский путь — это путь экстремальный, построенный на сугубой молитве, аскезе и подвиге. Поэтому этот путь есть удел немногих избранных. Он духовно выше мирского пути, поскольку представляет, собственно говоря, концентрацию на духовной жизни, ради которой и оставляется мир. Через молитву, смирение и подвиг здесь стяжается благодать и духовные дары, недоступные в миру. Через благодать и духовные дары монах служит людям (особенно мирским), восполняя в них нехватку молитвенности, смирения и покаяния.

Мирской путь верующего — это нормальный, обычный путь. Здесь нет ухода из мира ради всецелой сосредоточенности на духовном, но нет и оставления духовности; мирской путь есть синтез духовного и материального. Ориентация на подвижничество здесь уступает стремлению к полноте земного бытия, аскеза сменяется умеренностью. Мирской путь духовно ниже монашеского, но в нем больше возможностей для творческой реализации личности и больше свободы для избрания стиля жизни.

Это — массовый путь, доступный и приемлемый для большинства людей.

С церковной точки зрения, оба пути необходимы и дополняют друг друга. Монашеский путь необходим для решения непростых задач спасения многих людей, мирской путь нужен для продления человеческого рода и создания достойных условий существования на земле. В каком — то смысле сочетание двух путей может быть раскрыто через образ креста, в котором монашеский путь образует вертикальную, а мирской горизонтальную стороны.

Специфика православного взгляда на оба названных пути заключается в том, что монашеский путь признается более значимым, хотя мирской путь, разумеется, не отвергается и благословляется. Это связано с тем, что монашеская традиция в Православии развита существенно сильнее, чем мирская, и наибольшие духовные достижения здесь показали именно монахи, особенно старцы. Есть и другая причина — известная нехватка у православных богословов и в целом у православных христиан интереса к мирской жизни, которая часто разумеется как слишком серая и скучная.

В результате православные миряне имеют определенную раздвоенность сознания. Они живут в миру и вынуждены выполнять мирские обязанности, однако их идеалом является монашеский, а не мирской, путь. Поэтому в глубине души у православного всегда живет тяга к монастырю, порой отчетливая, а временами смутная надежда, что обстоятельства жизни переменятся, и мирское платье сменит мантия.

Но годы идут, а надежды не сбываются. Люди не могут попасть в монастырь, но и довольно безучастно относятся к своим мирским делам — не хотят становиться хорошими

профессионалами в какой-нибудь области, не стремятся к достатку, стыдятся обычных проявлений мирской жизни — например, интереса к эротике, рок-музыке и т.д. Если указанный конфликт сознания достигает большой напряженности, то он может спровоцировать распад семьи, разлад с друзьями и появления общего ощущения неудачной жизни.

Как быть в этой ситуации с точки зрения учения Оптинских старцев о смирении? Первая степень смирения — признание своей глубокой немощи. Мирянин должен честно признаться себе, что он немощен избрать тесный монашеский путь, и даже более жестко — недостойн этого пути. И отказаться от иллюзий, что мирская жизнь есть всего лишь подготовка к иночеству.

Вторая сторона такого решения — столь же смиренно принять мирской путь как естественный и объективно наиболее приемлемый (т. е. посильный и желательный) для себя. А потому и относиться к мирскому пути как к сфере своих интересов и достижений, и что еще важнее, как к сфере, в которой надлежит придать своей жизни богоугодный характер.

По учению Оптинских старцев, обстоятельства жизни не складываются случайным образом — их предопределяет Бог. И потому, если в жизни устойчиво складывается мирская ситуация (хорошая семья, работа и т.д.), а уйти в монастырь все не складывается да не складывается, то нужно хорошо подумать над тем, а призваны ли мы к монашеской жизни? Неужели мы думаем преуспеть в том, чего Бог нам не дал, ценой пренебрежения тем, что Он нам дал? Конечно, я говорю не о тех, кто рано или поздно уйдет в монастырь, а о тех, кто не уйдет.

Принятие мирской жизни как своего пути не есть поражение в борьбе за более высокий идеал и замена этого идеала каким-то суррогатом. Просто каждый хорош на своем месте, и найти в жизни свое место означает найти в ней и место осуществления своего личного идеала. Если православный христианин мысленно пребывает в иноческой обители, а живет в миру и выполняет мирские обязанности, то он живет противоречиво и неоптимально.

Первый результат смиренного принятия своей стези заключается в устранении такой противоречивости и обретения внутренней целостности. Мысль обращается на непосредственные задачи человека — работу, семью и другие области социального бытия. Эти сферы перестают быть временными и малозначимыми, становятся областями постоянного интереса, в которых надлежит решать важнейшие жизненные задачи. Более того, мирской путь постепенно начинает осознаваться как наиболее приемлемый для данного человека способ реализации его духовных интересов.

В ситуации, когда человек не может (неможен) избрать вариант предельной духовной самоотдачи и аскетического ограничения своих естественных потребностей, он поневоле ищет более умеренные, сбалансированные варианты организации своей жизни. Данная сбалансированность естественным образом проявляется в более или менее равномерном распределении интересов, времени, сил и других ресурсов на обеспечение всего спектра духовных, душевных и телесных потребностей.

В обычном случае это означает, что ни одна из составляющих жизни мирянина не получает безусловного доминирования над другой. Есть молитва и чтение Евангелия для духа, но есть также семья, работа, друзья и увлечения

для души и тела. В то время как отсутствие концентрации на духовном не дает мирянину возможности достигать значительных результатов, например, в молитве, оно же (отсутствие концентрации) одновременно исключает и непосильную аскетическую нагрузку (пост, бдение, уединение, безмолвие и др.).

И все же посильность задач не является единственным плюсом обстоятельств жизни мирянина. По сути, эту жизнь можно и даже целесообразно организовать на основе другого (неаскетического) подхода, а именно на основе стремления к полноте земного бытия. Принцип полноты земного бытия означает, что в человеке подлежит развитию не только его духовное начало, но также душевные и телесные формы его жизнедеятельности на земле.

В отличие от монаха, который призван всемерно ограничивать душевно-телесные аспекты своей жизни, сводя их до возможного минимума, мирянин таковые аспекты должен не ограничивать, а развивать. Спектр естественных, а потому и непредосудительных потребностей мирянина довольно широк: потребность в продолжении рода, супружеская жизнь с полноценным эротическим содержанием, труд и работа, творческие устремления, эстетические запросы (тяга к искусству, литературе и т.д.), социальные потребности (общение с друзьями), познавательные интересы в широком смысле (наука, путешествия и т.д.), физкультура, спорт, увлечения и прочее.

Под развитием естественных аспектов мирской жизни здесь понимается отведение им определенного места в жизни человека, достаточного с точки зрения личности для ее полноценного существования и самореализации. При этом само названное развитие должно быть упорядоченным.

2.5. СРЕДИННЫЙ И МАЛЫЙ ПУТЬ

Упорядоченность достигается за счет установления приоритетов и умеренности. Для верующего мирянина приоритетной всегда остается духовная область, а потому вере и церковной жизни отводится главенствующее место. Затем идут базовые формы земного бытия — семья и работа, затем и другие. Умеренность нужна для того, чтобы какие-то аспекты не получили гипертрофированного развития (например, увлечения не сказались негативно на семейной жизни) или не нарушили приоритетности задач личности (театр не заменил бы храм). С точки зрения соотношения между духовным и материальным мирской путь есть срединный путь, с точки зрения духовной иерархии он есть малый путь. Привлекательность срединного пути для обычного человека заключается в том, что он исключает крайние, экстремальные условия жизни, является общедоступным и даже комфортным. Но и малость пути имеет существенные плюсы и привлекательность. И вот почему.

Малый (в духовном смысле) путь человека заключается в том, что человек преимущественно предоставлен самому себе, несет ответственность, прежде всего, за себя и свои действия, и имеет возможность выбирать образ жизни в соответствии с задачами развития своей личности. Духовная ответственность за других тоже есть, но она актуализируется лишь в той степени, в какой человек научился быть ответственным за себя. Поэтому человек на малом пути сосредоточен на своих духовных и материальных нуждах, а его духовные руководители — земные и небесные — обеспечивают ему возможность удовлетворить эти нужды и решить задачи развития конкретно его личности.

Практически это означает, что мирской человек выбирает интересующие его сферы жизни и осуществляет свободный синтез этих сфер, определяя место каждой из них и характер их сочетания на своем жизненном пути. Т. е. человек свободно решает, сколько ему молиться, сколько проповедовать, сколько совершать паломнических поездок, сколько читать духовных книг, сколько благотворить и т.д. Это относится к его духовной жизни.

Но и в социальной жизни и материальных вопросах действует тот же самый принцип. Человек столь же свободно должен определить, где и как ему работать, сколько денег зарабатывать и какой достаток иметь, сколько детей родить в браке, какой досуг избирать и какими вопросами интересоваться (политикой, искусством, спортом или чем-нибудь другим).

Осуществляя выбор своих духовных и материальных интересов, сочетая их сообразно особенностям своей личности, мирской человек приходит к определенному образу или стилю жизни, который в наибольшей степени соответствует его представлениям о том, что конкретно ему или ей нужно в этой земной жизни. Но верующий мирянин (мирянка) при этом обеспечивает главенство духовной стороны жизни, и это означает, что он или она осуществляют синтез различных сторон своей жизни на основе веры и духовного мировоззрения, в данном случае, на основе православной веры и православного мировоззрения.

В свою очередь, это предопределяет понимание того, что есть этот самый свободный синтез различных сторон жизни в его внутреннем смысле. Данный опыт многообразной и нелишенной приятных черт жизни нужен мирским людям для того, чтобы опытно пережить и осознать,

что жизнь есть бесценный дар Божий, и утвердиться в своей вере в Творца их жизни и их самих.

Сама по себе мирская жизнь непредосудительна, даже в том случае, когда ее духовные аспекты занимают сравнительно скромное место, а социальные и материальные — достаточно большое. Но нужно помнить, что мирская жизнь должна быть не просто непредосудительной, а еще и богоугодной. И богоугодной она становится через смирение, которое, как не раз подчеркивали Оптинские старцы, освящает нашу жизнь.

Нужно смиренно принять нашу неспособность (не-мощь) молиться до плача за всех, нести слово Божие всем, кого мы встретим на своем пути, помогать людям всегда и творить заповеди Божии во всем, забывать о себе ради всего только что перечисленного. И нужно смиренно принять нашу нужду в материальном достатке и наше стремление получить обычные радости жизни, нашу склонность желать спокойствия и избегать слишком трудных испытаний.

«Смирение есть без труда спасение» — так говорили святые Отцы и их слова хорошо подходят для обстоятельств мирской жизни. Впрочем, эти слова не следует понимать в том смысле, что мирской путь состоит в минимизации трудностей и упрощении жизненных задач. Своеобразие жизни мирянина в том и заключается, что его занятия довольно многообразны и пересекаются с деятельностью подчас большого количества людей. Это объективно требует хорошей организованности, целеустремленности и обязательности.

Организованность и целеустремленность являются мирскими эквивалентами монашеской аскезы и монашеского подвига. В миру нужно уметь ставить перед собой

позитивные цели и достигать их на основе хорошей организации своей жизни. Под хорошей организацией жизни здесь понимается не только наличие в ней некоего плана, распорядка и контроля. В большой степени речь идет и об относительно беспрепятственной и своевременной реализации значимых черт личности: интуиции, инновационности, системности, широты подхода, мобилизованности, гармоничности, трудолюбия, творческой яркости, традиционности, информированности, продуктивности, энергичности и т.д.

Организованность личности также достигается на основе смирения. Прежде всего, смиренный человек избегает ставить перед собой амбициозные и невыполнимые задачи, и не рассматривает такие вещи как славу, деньги, влияние в качестве самостоятельных и самодостаточных ценностей. Смиренный человек стремится к нравственности и реализации базовых ценностей — получить образование, найти занятие по душе, образовать семью и т.д.

Т. е. смирение в данном случае заключается в том, чтобы не приносить естественный и оптимальный порядок жизни человека в жертву страстным вожделениям роскоши, известности или непрерывных удовольствий. Вместо этого избирается серьезный подход и большое внимание к созданию семьи, получению необходимых знаний, поиску сферы проявления творческого потенциала.

Смиренный мирянин стремится делать в жизни все необходимое, но не стремится предопределить окончательный результат своих действий, отдавая его воле Божией. Поэтому, например, прежде чем вступить в брак, верующие мирские люди проведут внутреннюю нравственную работу, чтобы выработать в себе устойчивую ориентацию

на супружескую верность и любовь, а встретив соответствующего кандидата, обстоятельно поговорят о семейной жизни и не забудут обсудить интимные детали таковой. Но при этом все-таки будут молиться о даровании мужа или жены, и сердцем искать в потенциальном избраннике или избраннице знак благословения свыше.

В данном разделении сферы своих усилий и личной ответственности, и сферы действия воли Божией заключается сильная сторона смирения, которая и делает его эффективнее стимулов, построенных на личных амбициях. Смиранный человек вверяет себя воле Божией, и верует, что основные события его жизни, как и общий ход ее, определяется Господом. А потому как бы ни была скромна и неприметна его жизнь, все же ее значимые результаты будут всегда больше тех, которые могли бы быть достигнуты за счет всех более или менее эгоистических мотиваций.

Эту мысль можно выразить немного иначе. Смирение является оптимальным режимом развития личности, в котором она не втягивается тщеславием или жаждой чего-то вроде больших денег в неосуществимые проекты с одной стороны, а с другой — не ленится использовать свои ресурсы (знания, склонности и т.д.) для реализации посильных задач. Сутью смиренного подхода является ожидание, что Бог даст человеку все, что ему нужно, и в той мере, в какой нужно.

Возвращаясь к данному выше определению мирского пути как полноты земного бытия, нужно заметить следующее. Человек должен пройти через простые формы жизни и познать радость их. Он должен убедиться в том, что жизнь есть бесценный дар Божий, который остается таковым лишь при условии, что сама жизнь организуется на

основе заповедей Божиих. Там, где мы грешим, и особенно тяжко грешим, там жизнь превращается в наказание.

В идеале мирской путь состоит в последовательном прохождении объективно необходимых человеку стадий: сначала эти стадии связаны преимущественно с решением его личных задач, устройением его личной жизни и познанием радости ее, от чего происходит духовное возмужание человека; затем, по мере духовного роста, приходит и осознание необходимости служения Богу и людям во всем. Как отражение постепенного перехода человека к более духовным задачам, в его личном синтезе многообразных сторон жизни начнет наблюдаться усиление духовных элементов (молитвы, проповеди, помощи и т.д.) и ослабление гедонистических (веселых застолий, увлечений и прочего).

Такое понимание мирской жизни подводит к выводу, который в православной традиции глубоко не изучался. А именно: мирская жизнь может быть дорогой к святости, реализацией того высокого духовного идеала, которым столь славно монашество. Со временем задачу достижения святости через смирение Церковь перед мирянами неизбежно поставит.

Реальное поведение православных христиан в обществе далеко не всегда можно рассматривать как смиренное. От этого и возникают многочисленные проблемы и недоразумения. Еще раз: смирение освящает нашу жизнь и дает благодать многоценного мира. Оно же есть и путь к Богу. Поэтому нужно смиряться везде и всегда: в общественной деятельности, браке, церковной жизни и т.д.

Смирение является золотым правилом, которое не позволяет нам стать препятствием в осуществлении законных прав людей иного, чем мы, мировоззрения,

в ситуациях, которые мы не до конца понимаем в силу естественных ограничений, которые имеем: по знаниям, по уму, по доброжелательности, наконец.

С другой стороны, смирение ориентирует на действительные задачи подавляющего большинства из нас: хорошо работать в миру, терпеливо доносить Евангелие и святоотеческое Предание хотя бы до нескольких друзей или родственников, молиться о них и помогать им по мере наших возможностей.

Очень важно принять людей такими, какие они есть, и выстраивать с ними нормальные человеческие отношения. И помнить о том, что люди имеют Богоданную свободу, которую нужно уметь уважать.

Проявляется же такое уважение в отказе от навязывания другим своего образа мыслей и своего образа жизни, в умении быть внимательным и доброжелательным ко всем людям без исключения. Это означает, что нужно не отмахиваться от религиозного, политического и культурного плюрализма современного общества, и не воспринимать его как совокупность различных заблуждений, а относиться к нему как естественному и неизбежному пути общественного развития, в котором каждый решает сам, и имеет право решать сам, какую ему или ей веру исповедовать, каких политических идеалов придерживаться, с какой культурой себя идентифицировать.

Смирение не дается легко, но существует своего рода «технология» смирения. Как раскрыл преп. Амвросий, к смирению можно продвигаться по степеням смирения.

В отношениях с людьми необходимо поставлять себя на место худшего, и тем самым избежать соблазна гордости. Именно через гордость к нам приходит обольщение, что мы все понимаем правильно и лучше других, что наша

роль — быть руководителями других людей, а роль других — соглашаться с нами. Когда же жизнь не подтверждает эти иллюзии, а смирения нет, наступает черед движения по степеням гордости, которая, увы, всегда предваряет падение.

В отношении событий нашей жизни нужно памятовать о нашей немощи и греховности, и потому отдавать течение жизни воле Божией. Смирение не есть пассивность — оно есть способ надлежаще выполнить задачи, поставленные перед нами Богом. Несмирение окрашивает простую жизнь в скучные, серые тона, из нее несмиренному человеку хочется убежать туда, где его будут хвалить, где он будет пользоваться влиянием и ощущать себя центром внимания. И жизнь превращается в бег на месте, когда, сколько ни беги, этой цели не достигнуть.

А ведь она, эта цель, рядом. Нетленная красота кроткого и смиренного духа, это ли не обитель нашей подлинной жизни?

Глава 3

УЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ

О молитве Оптинские старцы сказали много, сумев охватить своими наставлениями широкий круг вопросов и проблем, с которыми приходится сталкиваться христианину на его молитвенном пути. Универсальная основа молитвенного пути, по учению старцев,— смирение. Поэтому многие их поучения, касающиеся молитвы, прямо или косвенно затрагивают тему смирения.

Вместе с тем, смиренному взору открываются и великие горизонты молитвы или степени молитвенных состояний, путь молитвы как все более высокая жизнь души. И эта сторона молитвы также была отчетливо раскрыта старцами. Наконец, молитва — это испытание молящегося, в котором он должен правильно реагировать на специфические трудности, которые неизбежно возникают при молитвенном делании.

3.1. СМирЕНИЕ — ОСНОВА МОЛИТВЫ

Смирение начинается с осознания своей немощи, т. е. неспособности к надлежащим действиям в основных сферах нашей жизни. Молитва, понимаемая старцами как жизнь души, в этом смысле не исключение. Преп. Никон говорит следующее:

...Мы сами по себе, без божественной помощи, и помолиться-то не в состоянии: не можем мы молиться как следует и не знаем, как и о чем молиться [2, т.1, с.425].

Здесь названы три немощи, которые дают о себе знать как только мы задумаемся о молитве и решим, быть может, в первый раз помолиться. Во-первых, мы не можем молиться как следует. Т. е. та степень концентрации мысли на молитвенном обращении и то состояние души, которое при этом требуется, для нас недоступны.

Во-вторых, мы не только не можем, но и не знаем, как молиться. Мы не чувствуем, что в произнесении каких-то слов, обращенных к невидимому для нас миру, есть некий особенный смысл. Мы не знаем, в чем состоит этот смысл и не ощущаем потребности прибегнуть к такого рода обращению. Молитва как жизнь души в этом смысле остается для нас тайной — мы просто не знаем, как можно сделать молитву жизнью души.

В-третьих, мы не знаем о чем молиться. Другими словами, у нас крайне смутное представление, что мы можем получить посредством молитвы и на каких условиях, есть ли здесь какие-то приоритеты, какая-то шкала ценностей и т.д. Перечисленные немощи приводят к немолитвенности, по сути — к нежеланию или неспособности жить подлинной жизнью души.

Старец Никон указывает на единственный источник преодоления немощи, и страдания как неизбежного спутника этой немощи. Он указывает на источник, из которого человек может обрести способности надлежаще молиться, а также обрести познание как и о чем молиться. Этот источник — Бог, Его помощь нам.

Поэтому, когда человек впервые захотел помолиться, и стал думать как это можно сделать, это означает, что

он услышал в глубине своего сердца голос Бога. И все, что нужно такому человеку в этот момент, это знание того, что Бог ожидает от человека при общении с Ним.

Оптинские старцы учат, что Бог ждет от человека прежде всего смирения. Богу угодна более всего именно смиренная молитва. Преп. Иосиф так говорит о смиренном молении:

Когда начинаешь молиться, приводишь себе на память грехи и оплакиваешь их. — Так и надо молиться. За тем иногда чувствуешь покой и радость и думаешь, что это от врага. — Но от врага если и бывает радость, то, по замечанию святых отцев, нестройная, не сообщающая душе мир и тишину. И не удивляйся тому, что Господь подает тебе в молитве мир и тишину, ибо не всегда бывает это по достоинству, а по неведомым судьбам Божиим. И потому, когда будешь ощущать такую радость и покой, считай себя всячески недостойною сего дара Божия и всячески укоряй себя пред Господом, что по нерадению твоему не можешь удержать в себе этот дар, и вскоре теряешь его [2, т.1, с.421].

Верный признак смирения молящегося — осознание своего недостойства. Недостойство наше наиболее видно нам, когда мы приводим на память свои грехи и видим их в истинном свете, в их подлинной тяжести, и не будучи в силах удержать слезы в раскаянии от соделанного оплакиваем их. Так и надо молиться, потому что в молитве мы приобщаемся к правде, которая горька для нас и одновременно целительна, поскольку устраняет иллюзии о нашей «хорошести», показывает нам наше невнимание и небрежение к заповедям, показывает меру нашей испорченности.

Смиренная, покаянная молитва приносит покой и радость. Но молящийся, познавший свои грехи и ощутивший свое недостойнство, может иметь опасения, что это от врага. Враг как бы торжествует над глубиной падения кающегося грешника и временно оставляет свое мучительство.

Старец Иосиф со ссылкой на святых отцов разъясняет эту ситуацию. Враг не в состоянии сообщить душе подлинную радость, мир и тишину. Ибо враг, не устоявший в истине, способен только на подделки, которые при должном внимании человека тут же показывают свою фальшивую природу. Фальшивая радость «нестройна», т. е. противоречива, хаотична, и не устраняет из души тревожность, болезненность и другие негативные состояния.

Но поданные Господом молитвеннику мир и тишина подлинны, а потому их и невозможно спутать ни с чем иным. Бог даровал человеку способность отличать подлинное от поддельного, а потому и принимать подлинное как ниспосланное от Него. Признаком подлинного покоя и подлинной радости души является ее неомраченность чем-либо.

Может вызвать удивление, что Господь подает мир и тишину душе грешного человека, остро переживающего свое недостойнство. Однако, как поясняют старцы, это не всегда бывает по достоинству молящегося. Неведомые судьбы Божии, назначенные Всеведущим Господом, недоступны нашему ограниченному разуму, но должны приниматься нами как часть той жизни, которую мы проходим.

Причем приниматься, опять — таки, смиренно. Т. е. получив утешение, не забыть о своих грехах и не склониться к мысли, что вот, дескать, достоин или достойна. Напротив, надлежит считать себя недостойным или недостойною

полученного дара Божия, и получить подтверждение своего недостойнства через скорую утрату утешения в результате собственного нерадения.

Нерадение к молитве чаще всего проявляется в лени, оставлении ее под каким-то предлогом, в том числе и под предлогом своей немощи. Однако преп. Макарий предостерегает от таких действий:

Когда ж вы не можете так, как должно, молиться или приготавливать себя к оной, то неужели надобно совсем молитву оставить? Напротив, надобно себя нудить к молитве, хотя бы и противилось тому сердце, а Господь, видя таковое наше поуждение и насилие к молитве, посылает Свою помощь, по словам святых Макария и Петра Дамаскина: давая молитву молящемуся; кто молится добре простою молитвою, тому дает Господь дар молитвы умной. Помните, дар молитвы, а не собственность твоя, надобно сей дар заслуживать не одною молитвою, но и прочими благими делами: смиренномудрием, простотою, терпением, простодушием, а без сих добродетелей, хотя мнится кто якобы стяжал молитву, но прельщается: не молитва это, но маска молитвы [2, т.1, с. 421].

По мысли старца, нерадение о молитве никак не может быть оправдано немощами. Недолжное исполнение должно все же лучше полного неисполнения. Отсюда начинается одна из глубоких сторон учения Оптиных старцев о смирении в молитве. Не нужно гордиться и оставлять молитву только потому, что не получается молиться легко и вдохновенно. Не получается потому, что и не должно получаться, если мы надеемся на свои силы, а не на помощь Божию.

С нашей стороны требуется произволение, т. е. сильное стремление обрести, или, как раньше говорили, стяжать молитву. Проявлением такого произволения будет поуждение

себя к молитве, т. е. преодоление лености, хладности сердца, отвлеченности ума от предметов духовных, усталости, некомфортности места и всего иного, что побуждает к оставлению молитвы. Естественно, что молитва с понуждением часто связана с не очень приятными переживаниями и по видимости далека от того пламенного молитвенного горения, о котором мы читаем в житиях святых.

И все же такая молитва очень важна для нас. Попытка преодолеть все препятствия для молитвы, часто нелегкие — в такой степени нелегкие, что преп. Макарий называет попытку их преодоления насилием к молитве, принимается Господом. Принимается как радение в доступной нам степени и потому вознаграждается благодатной помощью свыше. Крест, который христианин несет, следуя за Господом, должен быть понесен и в молитве. Так же как и помощь Господа нам в несении креста простирается и до помощи молитвеннику.

То же самое преп. Макарий излагает еще проще, ссылаясь на замечательное изречение святых Макария и Петра Дамаскина о том, что Господь дает молитву молящемуся. Доброе исполнение того, что в молитве является общедоступным — например, простая устная молитва — может быть благодатью Божией преображено к более высокой умной молитве, которая уже необщедоступна.

3.2. ДАР УМНОЙ МОЛИТВЫ НАДО ЗАСЛУЖИВАТЬ

Старец Макарий подчеркивает связь молитвенной жизни христианина со всей его жизнью. Он говорит о том, что умная молитва, которая дана не каждому, есть дар Божий, а не собственность молитвенника. Другими словами, умная молитва не является простым раскрытием

изначально присущих человеку способностей, а есть низпосланное свыше состояние человеку по конкретным обстоятельствам его жизни. И при изменении этих обстоятельств в худшую сторону (вследствие нерадения, неисполнения заповедей) данное состояние может быть отнято от человека.

Чтобы это не произошло, наставляет далее старец, дар умной молитвы надо заслуживать, причем не одной молитвой, но и прочими благими делами. Какими делами? Прежде всего, смиренномудрием — которое есть понимание жизни, основанное на смирении. Здесь мы подводимся к мысли, что смирение в молитве должно быть дополнено смирением во всей жизни. Тогда и сама молитва становится жизнью души, которая (жизнь души) подлинна в той степени, в какой пронизана смирением. Другие называемые старцем благие дела — простота, терпение, простодушие — могут рассматриваться как добродетели смирения.

Преп. Макарий говорит определенно: без этих добродетелей, порождаемых смирением, молитва не является подлинной. В этом случае она есть лишь маска молитвы, т. е. образ, лишенный своего внутреннего содержания.

Преп. Лев доносит до нас новые оттенки темы смирения в молитве и благодатной помощи Божией:

Молитву Иисусову проходи, как творишь, и придет время, когда самое дело и милосердие Божие просветит и вразумит вашу душу, как и кого спросить, и послется, что ищешь и желаешь [2, т.1, с.469].

Молись, как получается — вот совет начинающим молитвенникам. Т. е. неизбежное несовершенство молитвы начинающего не является и не должно являться для него проблемой. Ибо главная добродетель его

молитвы — смиренное прохождение степеней своего несовершенства, а не степеней совершенства. От полной неспособности молиться к подобию молитвы, от подобия молитвы к молитве неказистой, но уже обладающей некоторым внутренним содержанием — таков, по-видимому, путь многих начинающих молитвенников до того, как они окажутся милостью Божией в состоянии идти по степеням совершенства молитвы.

Старец Лев указывает на необходимость терпения и отмечает, что придет время, когда дадут результат два фактора развития молитвенности в человеке: опыт и помощь свыше. Опыт придет из самого дела, т. е. из самой постоянной молитвы вытекает возможность учитывать недостатки и производить некоторые исправления. В еще большей степени на такие недостатки укажет и подаст возможность исправления милосердие Божие.

Причем, по мысли преп. Льва, возможность видения недостатков и их исправления связана с просвещением и вразумлением души относительно того, как и кого спросить о возможностях развития молитвенного дара. Хотя и непрямо, но все же довольно очевидно старец указывает на необходимость проявить смирение и не считать себя способным к успешному самостоятельному освоению столь сложной науки как молитва.

Оптимальный путь — найти с помощью Божией искусного наставника, опытного прошедшего как начальные, так и последующие степени молитвы, и имеющего дар предупреждать большие и малые падения ученика. К слову, в святоотеческой позиции по вопросу духовного развития новичков четко указывается, что без опытного наставника «оные падают аки листвие». Напротив, под руковод-

ством наставника, старца, новонаначальному посылается то, что он ищет и желает.

Преп. Антоний как раз и показывает нам глубокое понимание молитвы старцами и их способность точно выражать самую ее суть. Он говорит следующее о «главном средстве» развития молитвенности в человеке:

Молитесь усердно Господу Богу...и хладное сердце свое разогревайте сладчайшим Именем Его; поелику Бог наш огонь есть. Оное призывание и нечистые мечтания истребляет, и сердце согревает ко всем заповедям Его [1, с.157].

Весьма поучительное наставление, в котором показывается, каким образом преуспеть в молитве. К смирению нужно добавить усердие, которое заключается в систематическом разогревании хладного сердца Именем Господа Бога. К хладному, т. е. остывшему и безразличному, сердцу легко прилегают нечистые мечтания, вытесняющие радение об исполнении заповедей Божиих. Эти же мечтания омрачают и саму молитву, препятствуя через нечистоту получению благодати Божией, посылаемой кающимся грешникам.

Ни собственной волей, ни другим качествами своей души грешный молитвенник не в состоянии устранить это «хладносердечие» и его пагубные последствия. Вот почему в молитве важна не аналитическая работа ума, изобретающая «правильную технологию» моления, а знание того единственного средства, которым указанная проблема разрешается.

Средство это есть именно разогревание своего сердца усердным призыванием Имени Господа Бога. Постоянное присутствие Имени Господа в сердце молитвенника есть дверь для вхождения в сердце Божественного огня.

Разогретое Божественным огнем сердце словно плавит и испепеляет нечистые мечтания, очищается от помыслов и становится способным принять заповеди Божии в качестве единственного своего закона. Вот почему молитва Иисусова принята монашествующими как главное духовное оружие, ибо суть этой молитвы и заключается в неустанном призывании Имени Господа Иисуса Христа, нашего Спасителя.

Вместе с тем, в приведенном наставлении старца Антония заключено еще одно важное положение. Выше уже говорилось о том, что молитва без смирения в жизни, без благих дел есть только видимость молитвы, «маска». Молитва обретает свое внутреннее содержание, становится живой и расцветает подобно драгоценному цветку питаясь от смиренной и наполненной благими делами жизни молитвенника. Праведная жизнь порождает и праведную молитву.

Из слов преп. Антония, однако, следует, что разогревание сердца призыванием Имени Господа Бога приводит к укреплению праведности жизни молитвенника, ибо «оное призывание ... сердце согревает ко всем заповедям Его». Здесь мы видим некоторое кругообразное движение, в котором правильная молитва ведет к правильной жизни, а правильная жизнь ведет к правильной молитве.

В этом, по-видимому, имеется поучительный смысл для нас, мирян. По сути, из сказанного вытекает внутреннее единство христианской жизни, которое может быть явлено различными сторонами или жизненными путями. Монашествующий сосредоточен на молитве, он от молитвы идет к праведной жизни и через молитву содействует людям, в частности мирянам, в решении их проблем (в том числе материальных). Миряне идут от праведной

(смиренной и наполненной благими делами, в том числе и преимущественно материальным служением Церкви и ближним) жизни к молитве, и благодаря своим благим делам начинает преуспевать и в молитве.

Поэтому хотя сферы служения у монашествующих и мирян разные, жизнь души у них принципиально едина, если ее понимать как своего рода кругообразное движение от молитвы к делам, и от дел к молитве, или наоборот, от дел к молитве, и от молитвы к делам. Посему, если здесь уместно заговорить о превосходстве монашеского идеала жизни над мирским (а такое превосходство, хотя и с оговорками, в Православии признается), нужно заметить, что автоматического превосходства здесь нет.

Скорее речь может идти о том, что миряне еще не оценили возможностей духовного развития в рамках своего, мирского, пути, а потому и не достигли тех духовных результатов, которые показало православное монашество. Есть и примеры, которые иллюстрируют данную мысль. Преп. Амвросий сообщал в одном из писем:

...мы слышали от покойного нашего старца, батюшки отца Макария, что к нему приходил один мирянин, имевший такую высокую степень духовной молитвы, что батюшка отец Макарий недоумел, что и отвечать ему, когда мирянин, ради получения совета, рассказывал старцу разные состояния молитвы, и батюшка отец Макарий мог ему только сказать: «держитесь смирения, держитесь смирения». И после с удивлением об этом нам говорил [2, т.1, с.463].

Итак, смирение и усердие в молитве ведут к превращению ее в жизнь души. Эта жизнь души может быть понята как кругообразное движение «молитва — благие дела — молитва». С другой стороны, рассматриваемое

кругообразное движение не неизменно, оно есть круговое движение сознания молитвенника вовнутрь молящегося, и по мере такового вхождения молящегося внутрь себя его молитва обретает разные степени совершенства.

3.3. СТЕПЕНИ МОЛИТВЫ

Значительное внимание вопросу о степенях молитвы уделил Оптинский старец преп. Варсонофий. Он, в частности, говорил:

Молитва бывает...во-первых — устная, во-вторых — внутренняя, сердечная, в-третьих — духовная. Внутреннюю сердечную молитву имеют весьма немногие, а имеющие духовную молитву встречаются еще реже. Духовная молитва несравненно выше внутренней, сердечной. Имеющие ее начинают познавать тайны природы, они смотрят все со внутренней стороны, на смысл вещей, а не внешнюю их сторону. Они постоянно бывают охвачены высоким духовным восторгом, умилением, от которых их глаза часто источают слезы. Их восторг для нас непонятен. Доступный нам восторг самых великих художников в сравнении с их духовным восторгом есть ничто, ибо он душевен. А преподобный Исаак Сирский говорит еще о четвертом роде молитвы, молитвы, выходящей за пределы нашего сознания... Что это за молитва, я не знаю. Быть может, ее и имел только один Исаак Сирский... [2, т.1, с.442].

В приведенном наставлении дана трехчастная классификация молитвы с добавлением четвертого рода молитвы, о котором старец предпочел сказать отдельно. Трехчастная классификация молитвы довольно естественно тяготеет к трехчастному строению земного человека. В

этом смысле мы можем определить устную молитву как осуществляемую через тело человека, внутреннюю сердечную молитву — как творимую посредством души и, соответственно, духовную молитву — как порождаемую духом.

Устная молитва является наиболее внешней, а потому и наиболее доступной для неуглубленного внутрь сознания человека. Она может произноситься вслух, так что бывает слышна другими людьми, но может произноситься и неслышно, «про себя». Поэтому принадлежность молитвы к устной определяется не тем, как она произносится — вслух или «про себя», но тем, где находится в данный момент сознание человека.

Устную молитву творят люди, сознание которых «регистрирует» в основном явления внешнего, физического мира. Потому и молитва для них есть обращение человека к горнему миру посреди мира физического, который и выступает наблюдаемой реальностью, в то время как более внутренние реальности «молчат», невидимы и нерегистрируемы сознанием. Понятно, что устная молитва является наиболее распространенным родом молитвы.

Молитва внутренняя более редка. Сознанию творящего внутреннюю молитву открыты не только явления физического мира, но доступны также и явления более внутреннего душевного мира, в том числе и переживание получаемой свыше благодати. На этой степени молитвы сердце человека уже в определенной мере согрето, а потому и способно воспринимать более тонкие явления — например, явственно ощущать благодать, исходящую от икон, мощей, благословения священника и т.д.

В православной литературе редко проводится четкое разделения души и духа; некоторые авторы исходят из

частичной и даже полной тождественности того и другого. В рассматриваемом здесь контексте душа понимается как своего рода посредница между духом и телом, способная воспринимать явления как телесного, так и духовного порядка, объединяя их для сознания в единую, но все же специфически ограниченную, «душевную» картину. У имеющего внутреннюю молитву сознание вошло в сердечный, душевный мир, и потому молитва творится оттуда, обретая свое качество «сердечной» по месту присутствия сознания и творения молитвы.

Духовную молитву старец Варсонофий характеризует как еще более редкую и несравненно более высокую, нежели сердечная. В его высказываниях о духовной молитве наиболее отчетливо видим и признак приведенной классификации — место пребывания сознания и творения молитвы. Так, относительно имеющих духовную молитву старец указывает, что они смотрят с еще более внутренней стороны, чем имеющие сердечную молитву, и смотрят на смысл вещей и начинают постигать тайны природы.

Эта способность созерцать смысл вещей так, как обычных человек созерцает их внешнюю сторону, есть способность духа. Или, по контексту нашего рассмотрения, есть результат вхождения сознания в область духовного, соединенности сознания с духом и способности человека творить молитву в духе и истине.

Бесспорно, это очень высокий духовный уровень развития человека. Постоянный духовный восторг и умиление духовных молитвенников вызван их способностью созерцать Царство Небесное и жить благодатью Божией, что, несомненно, далеко превосходит все виды эстетических восторгов, основанных на земном опыте.

Преп. Варсонофий называет еще один род молитвы, а именно молитвы, «выходящей за пределы нашего сознания». Действительно, в рамки примененной выше классификации эта молитва «не вписывается». Ибо «за пределами сознания» означает «не по месту пребывания сознания», а мы до сих пор исходили из классификационного признака «по месту пребывания сознания и творения молитвы».

Старец говорит об этой молитве совсем мало, указывая только на ее уникальность — наивысшую степень редкости, вплоть до обладания такой молитвой единственным человеком. Можно осторожно предположить, что речь здесь идет о молитве, таинственно совершаемой человеком непосредственно в Боге, в области Божественного бытия и присутствия, недоступной сознанию и пребыванию человека.

Применительно к молитве Иисусовой преп. Варсонофий снова дает трехступенчатую, с отдельным упоминанием четвертой ступени, классификацию и добавляет новые акценты:

Молитва Иисусова разделяется на три, даже на четыре ступени. Первая ступень — молитва устная; когда ум часто отбегает и человеку надо употреблять большое усилие, чтобы собрать свои разсеянные мысли. Это молитва трудовая, но она дает человеку покаянное настроение.

Вторая ступень — молитва умно-сердечная, когда ум и сердце, разум и чувства заодно; тогда молитва совершается непрерывно, чем бы человек ни занимался: ел, пил, отдыхал — молитва все совершается.

Третья ступень — это уже молитва творческая, которая способна передвигать горы одним словом. Тогда такую

молитву имеет, например, преподобный пустынный Марк Фраческий.

Наконец, четвертая ступень — это такая высокая молитва, которую имеют только Ангелы, и которая дается разве одному человеку на все человечество [2, т.1, с. 456].

В приведенном высказывании признаком классификации выступает характер процесса моления и его результат, а не место пребывания сознания и творения молитвы. Поэтому характеристика степеней молитвы выглядит несколько иначе, чем в предыдущем случае.

На первой ступени, т. е. при устной молитве, молитву творят именно уста, а ум часто отбегаёт от слов молитвы и касается предметов посторонних. Здесь молитва возникает и разрушается, имеет прерывистый характер, как бы борется за свое существование. Поэтому нужно употребить большое усилие, чтобы сосредоточиться на словах молитвы и удерживать на них ум максимально долго.

Старец метко называет такую молитву трудовой, ибо процесс устного моления в существенной степени включает в себя труд по удержанию ума на молитвенном обращении и предотвращению обесмысливания молитвы. Новоначальный молитвенник при этом не может не увидеть, сколь несовершенна его молитва, которая то и дело становится и не молитвой вовсе. Поэтому для такого молитвенника молитва становится образом его греховности, выражающей меру его поврежденности грехом и неспособности совершать надлежащие действия.

Тем не менее и такая несовершенная молитва ценна. Через созерцание «воочию» меры своей греховности, отражаемой молитвой, молящийся приходит к покаянному настроению и постигает неизбежность принятия смирения как единственного позитивного пути по разрешению

его духовной ситуации. Потому и действительным результатом устной молитвы является переход молитвенника к покаянию и, далее, смирению как универсальной основе молитвы — каковой оно и является в учении Оптинских старцев.

На второй ступени (при умно-сердечной молитве) рас-согласованность и даже хаотичность движения ума и сердца, разума и чувств преодолеваются. Силы души становятся заодно, одинаково устремляясь в молитве к Богу. В результате молитва становится постоянной. На данной ступени результатом процесса моления является само моление, т. е. в молитве достигается постоянство и стабильность, всегдашняя обращенность к Богу, что и выявляет такую молитву как настоящую — имеющую силу существовать непрерывно.

Ум и сердце, разум и чувства являются силами души. Их соединение воедино свидетельствует об обретении душой целостности, построенной на устремленности к Богу. Понимание жизни, основанное на всецелой устремленности к Богу, есть целомудрие. Для достигших умно-сердечной молитвы целомудрие является естественным взглядом на жизнь.

На третьей ступени реализуется творческая молитва, способная одним словом передвигать горы. Если устная молитва борется за свое существование и порождает в молящемся покаяние и смирение, а умно-сердечная молитва в этой борьбе одерживает победу и становится живущей, то творческая молитва набирает силу, способную творить чудеса.

Источник силы творческой молитвы — высокая степень совпадения воли человека с волей Божией. В этом совпадении слово человека представляет слово Бога, и потому

через слово человека Бог творит Свою волю, которая, как мы знаем, может не только гору передвинуть, но и Вселенную сотворить. Поэтому путь молитвы учит человека главному — исканию и пониманию, а также исполнению воли Божией.

Четвертая ступень молитвы для нас остается тайной. Она имеет исключительный, уникальный характер и о ней мало что известно. Можно лишь сделать некоторые общие замечания — например, что неведомым нам Промыслом Божиим людям может быть дарована молитва более высокая, чем творческая.

Для нашего более полного понимания степеней молитвы старец Варсонофий приводит еще один трехчастный вариант ее классификации:

Первый от Господа дар в молитве — внимание, т. е. когда ум может держаться в словах молитвы, не развлекаясь помыслами. Но при такой внимательной, неразвлекательной молитве сердце еще молчит. В этом-то и дело, что у нас чувства и мысли разъединены, нет согласия в них. Таким образом, первая молитва, первый дар есть — молитва неразвлекаемая. Вторая молитва, второй дар — это внутренняя молитва, т. е. когда чувства и мысли в согласии направлены к Богу. До сих пор всякая схватка со страстию оканчивалась победой страсти над человеком, а с этих пор, когда молятся ум и сердце вместе, т. е. чувства и мысли в Боге, страсти уже побеждены. Побеждены, но не уничтожены, они могут ожить при нерадении, здесь страсти подобны покойникам, лежащим в гробах, и молитвенник, чуть страсть зашевелится, бьет и побеждает. Третий дар есть — молитва духовная. Про эту молитву я ничего не могу сказать. Здесь в человеке нет уже ничего земного. Правда, человек еще живет на земле, по земле ходит, сидит, пьет, ест, а умом, мыслями

он весь в Боге, на небесах. Некоторым даже открывались служения ангельских чинов. Это молитва — молитва видения. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы, например, состояние души человека так, как мы видим чувственные предметы, как будто на картине. Они смотрят уже очами духа, у них смотрит уже дух [2, т.1, с. 458].

На первый план здесь выходит понимание молитвы как дара Божия, и степеней молитвы как степеней молитвенного дара. На устную молитву, творимую с покаянием и смирением, Господь подает дар внимания — способность ума удерживаться в словах молитвы. Посредством дара внимания человек восходит от устной молитвы к умной, которая занимает промежуточное место между устной (внешней) и умно-сердечной (внутренней) молитвой.

При внимательной, неразвлекаемой молитве ум уже обретает постоянную направленность на смысл слов молитвы, и через это устремленность к Богу. Но сердце еще молчит, оно еще не соединилось с умом в молитвенный союз. Второй дар — пробуждение сердца и соединение его с умом, посредством чего и ум, и сердце неразвлекаемо прилагаются к словам молитвы, постигают их смысл и совместно обращаются к Богу. Если первый дар начинает преобразование устной молитвы во внутреннюю посредством придания ей характера умной молитвы, то второй дар завершает такое преобразование, сообщая молитве качество умно-сердечной.

Преп. Варсонофий дает отличительный признак, по которому можно заключить о завершенности процесса формирования умно-сердечной молитвы. Признак этот — победа над страстями. На ступени устной молитвы страсти побеждали человека, отвлекая его ум и сердце от молитвы и тем самым погашая молитву. Однако стяжав

внутреннюю молитву, человек уже в состоянии не позволить страстям отвлечь силы его души (ум и сердце, разум и чувства) от устремленности к Богу.

Первый и второй молитвенные дары есть, таким образом, дарование Богом молитвеннику победы над страстями, или придание силы смирению молящегося, который, смиряя себя, получает силу смирить свои страсти. На ступени внутренней молитвы страсти побеждены, но не уничтожены. Поэтому и здесь от молитвенника требуется рвание о молитве, которое носит охранительный характер — т. е. направлено на недопущение рецидивов страстных состояний души.

Третий дар есть духовность молитвы. Первые два дара давали молитвеннику освобождение от страстей, но не освобождали его вообще от всего земного. Но на третьей ступени молитвенного дара именно это и достигается. Освобожденность от всего земного есть способность пребывать в духе и быть духовным существом. Отсюда человек, достигший столь высокого состояния, может непосредственно (не умозрительно) созерцать предметы духовные, вплоть до служения ангельских чинов.

Поэтому старец Варсонофий называет третий дар (третью ступень молитвенного дара) молитвой видения. Он как бы говорит о том, что здесь человек обретает способность видеть подлинную, вечную и истинную реальность, в которой и надлежит человеку жить. Реальность, к которой Господь дарует земному человеку путь постепенного восхождения Его благодатью в ответ на молитву о прощении грехов и помиловании. Но это — путь избранных, т. е. более высокая версия общехристианского пути. Общий же путь заключается в том, чтобы быть соблюдае-

мым силой Божией ко спасению, с духовными ли дарами, или «без оных».

Коротко обобщим вышесказанное. Преп. Варсонофий дал триединую классификацию степеней молитвы, раскрыв три ее составляющих как жизни души. Первая составляющая — место пребывания сознания и творения молитвы; вторая — процесс моления и его результат; третья — дары Господа молитвеннику. Поэтому молитву можно определить как движение сознания человека во все более внутренние реальности, творимое с сознанием своих грехов и обретающее место пребывания сознания по дару Божию. В этом движении человек все более приближается к пониманию и исполнению воли Божией, а потому и возрастает результат его молитвы, поскольку на высоких ее уровнях слово человека становится представителем слова Божия. Смирение является универсальной основой молитвенного пути, поскольку на высших степенях молитвы достигается полнота смирения, т. е. готовность и способность выполнить волю Бога во всем.

3.4. МОЛИТВА КАК ИСПЫТАНИЕ

Молитва всегда есть испытание для молящегося. Уже на самом первом, устном уровне молитвы испытывается способность человека к покаянию и смирению. Но на молитвенном пути человека ожидают также испытания и другого рода — брань врага, препятствующего нашему спасению. Эта брань ведется изошренно, и потому крайне важно изучить наставления Оптинских старцев и на этот счет.

Преп. Амвросий указывает на необходимость осторожности и разумности при прохождении степеней молитвы:

Устную молитву как бы кто ни проходил, не было примеров, чтобы впадал в прелесть вражескую. А умную и сердечную молитву проходящие неправильно нередко впадают в прелесть вражескую. И потому прежде всего должно держаться крепче устной молитвы, а потом умной, со смирением, а затем уже, кому удобно и кому благоволит Господь, переходить к сердечной, по указанию святых отцов, опытом прошедших все это [2, т.1, с.465].

Устная молитва как наиболее внешняя является начальной, а потому и наиболее безопасной. Сердце молчит, ум блуждает на земных предметах — парадоксально, но эти несовершенства молящегося являются для него определенной защитой. В чем суть этой защиты? В том, что сознание молитвенника не входит в сферы иного мира, и потому бесплотные враги не имеют возможности втянуть его в прелесть. Человек как бы все время кружит вокруг двери в иной мир, то приближаясь к ней, то удаляясь от нее, но не открывает ее и не входит. Бесы же находятся по другую сторону двери, и ждут вхождения в нее, чтобы напасть на молитвенника.

Старец Амвросий говорит о том, что нужно крепче держаться устной молитвы. Это означает, что нельзя пренебрегать устной молитвой, «перескакивать» через нее как занятие для неспособных к более высокому молению. Нужно надежно достичь того результата, который она предполагает, т. е. придти к покаянию и смирению, а также стяжать дар внимательной молитвы. Без этих добродетелей переход к умной молитве опасен.

Опасен он вот чем. Сети прелести, в которые уловляют нас враги, срабатывают только тогда, когда мы несмирены. Наше несмирение во многих случаях проявляется в том, что мы мечтаем о большей и лучшей доле, чем та,

к которой способны и которую имеем. Поскольку такое мечтание ошибочно, враги охотно с ним соглашаются, и начинают подбрасывать в сознание молитвенника мысли и образы, которые якобы служат свидетельством уникальной духовной роли, которую должен сыграть неосторожный молитвенник.

Расчет строится на то, что самопревозношение лишит молящегося благодати, которая сдерживает действия врага, и его можно будет увести в области, где массивный сброс лжи в сознание молитвенника подавит его способность правильно (т. е. покаянно и смиренно) противостоять угрозе гибели. Неправильное прохождение умной и сердечной молитвы, напоминает старец Амвросий, нередко и приводит к впадению в прелесть вражескую.

Для правильного же прохождения данных степеней молитвы нужно наличие определенных условий. От устной к умной молитвы можно перейти, имея смирение и дар внимания. А вот для того, чтобы перейти от умной к сердечной молитве этого уже недостаточно. Требуются еще три условия.

Во-первых, переход к сердечной молитве должен быть удобен для молящегося. Под удобством можно понимать отсутствие сдерживающих факторов — неуверенности в своих действиях, беспокойства, боязни последствий и т.д. С другой стороны, удобство выражается в естественности перехода к более высокой степени молитвы, его подготовленности и назрелости.

Во-вторых, невозбранно переходить к внутренней молитве суждено тому, «кому благоволит Господь». Такое благоволение молитвенник может ощутить через особое чувство спокойствия и уверенности, которое Господь по-дает выполняющим Его волю.

В-третьих, переходя к сердечной молитве, молитвенник должен полностью придерживаться указаний святых отцов, «опытом прошедших все это». Как и в любом важном деле, в молитве «теоретические» знания не дают гарантии успеха. Нужна информация об опыте, т. е. описание типичных ошибок и способов их исправления, пояснения и примеры из реальной жизни.

Преп. Амвросий умело доносил молитвенный опыт до своих духовных чад:

Пишешь, что во время молитвы у тебя бывают плотские движения и скверные хульные помыслы. Должно быть, ты во время молитвы держишь внимание ума внутри очень низко. Сердце человека находится под левым сосцем, и ежели молящийся человек держит внимание ума ниже, тогда и бывает движение плоти [2, т.1, с.436].

Внимание ума есть внутреннее направление или ориентация сознания человека. Те области естества человека, на которые направлено внимание ума, определенным образом активизируются. От них начинают поступать сигналы, которые автоматически начинают обрабатываться умом. Т. е. человек начинает непроизвольно мыслить об этих естественных функциях.

Если внимание ума внутри человека держится ниже уровня сердца, то оно активизирует для сознания человека чисто физиологические функции, и вызывает «физиологические» размышления. Враг использует эту удобную для него ситуацию двояким образом. Сначала он вызывает какое-либо движение тех органов, на которые направлено внимание ума, с тем, чтобы еще сильнее отвлечь внимание от молитвы. Далее с помощью прилогов (т. е. подбрасываемых мыслей) он стремится привести непроизвольное

размышление человека к какому-нибудь непотребному виду, особенно такому, которое в силу личных особенностей молитвенника вызывает его сильное смущение. Цель врага — столкнуть высокое (молитву) и низкое (физиология в непотребной интерпретации) так, что бы низкое подавило молитву.

Подобные ситуации и объясняют, почему для перехода к внутренней молитве необходимо иметь навыков удержания внимания на словах молитвы и на верхних областях естества человека, а также смирение. Борьба с врагом неизбежна во всех случаях, но имея «управляемое» внимание, человек держит его там, где врагу менее удобно нападать. С другой стороны, имея смирение, человек терпеливо переносит те искушения от врага, устранить которые полностью невозможно.

Если человек неподготовлен к рассматриваемой ситуации, он может сорваться. Т. е. ему не хватит сил перенести «плотские движения и скверные хульные помыслы». Дело это нешуточное, и старцы говорили о том, что мысленная брань приравнивается к мученичеству. И потому для некоторых людей столкновение с реальной мысленной бранью в силу их неопытности и неподготовленности заканчивается катастрофически, вплоть до повреждения ума.

Преп. Анатолий дает в этой связи дельный совет:

Сердечного места упруго отыскивать не должно: когда возраст молитва, она сама отыщет оное. Наше старание — заключать ум в слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Святитель Димитрий учит: «Где ум, там и сердце» [2, т.1, с.467].

Приведенное наставление является хорошим примером, как старцы общий подход к молитве применяли для

решения конкретных вопросов. Общий подход — это положение, что учителем молитвы является Бог, и от человека требуется естественное поведение в рамках святоотеческих указаний, чтобы усвоить те уроки, которые ему Господь преподает.

Искусственные приемы, вроде упругого отыскивания сердца, скорее вредят, чем помогают делу. То, что представляется наиболее простым — старательное заключение ума в слова молитвы — является наиболее правильным и эффективным. Вообще, не стоит увлекаться разного рода «технологиями» молитвы. Лучшая технология — смиренное и терпеливое ожидание, что Бог исправит молитву в нужное время и сообразно обстоятельствам.

В этом русле наставлял свою подопечную преп. Иларион:

Писала, понуждаешь себя на призывание имени Иисусова, чувствуешь пользу, хотя и не имеешь такого сокрушения, какого бы хотела иметь. Думаешь, не враг ли тебе представляет пользу молитвы? Молитва всегда полезна и может всякие помыслы прогонять. А если когда против желания ум пленится, — тогда продолжать молитву, а не противоречить, противоречить не твоей еще меры [2, т.1, с. 472].

Когда ум на молитве пленяется помыслами, далеко не всегда имеет смысл вступать с ними в борьбу. Борьба с помыслами требует изрядного навыка и опыта, она под силу молитвенникам, которые прошли суровую школу трезвения и опытно знают все вражеские уловки или просто уже недоступны помыслам в силу пребывания их сознания вне досягаемости врага.

Для менее искушенных лучше не противоречить помыслам, а, невзирая на их присутствие, смиренно

продолжать молитву. Ибо Господь смиренным подает благодать и устраняет помыслы по мере необходимости. Еще одна полезная мысль старца Илариона — не превращать осторожность в подозрительность, т. е., по пословице, «не выплескивать с водой ребенка». Молитва всегда полезна, и едва ли враг захочет убеждать нас в необходимости того, против чего он так ожесточенно борется. Поэтому на молитве осторожность не должна вытеснять здравый смысл.

Преп. Варсонофий еще раз напоминает, что по степеням молитвы людей ведет Бог, и что «ускорить» данное прохождение или не удастся, или такое «ускорение» приводит к нежелательному результату:

Молиться о даровании молитвы внимательной можно, но молиться о даровании высоких молитвенных состояний, я полагаю, погрешительно. Это надо всецело предоставить Богу. Некоторые выпрашивают себе молитву высокой степени; Господь давал им по безграничному Своему милосердию, но им самим она не была впрок... [2, т.1, с.434].

Внимательность молитвы уместна на всех ее степенях, и потому молиться о даровании внимания, которое есть первый дар Господа молящемуся, можно. Но вот с более высокими степенями дело обстоит сложнее. Да, по нашей настойчивости и по безграничному милосердию Божию некоторые из нас могут выпросить себе молитву высокой степени. И вскоре обнаружат, что взяли себе непосильное бремя.

В чем это может проявиться? Вот лишь некоторые возможные последствия. Стяжение высокой молитвы требует определенного нравственного состояния. Если человек помолится высокой молитвой, а потом по причине своей

несвободы от страстей пошел грешить так, как не грешат и начинающие молитвенники, то он окажется в сложном и двусмысленном положении.

Страсть как бы начнет насмехаться над ним: «в устах-то у тебя бисер, да вот валяешься ты у меня в грязи, избранничек». Как раз для того, чтобы не метать свой бисер перед свиньей, в роли которой можешь оказаться сам, и не надо стремиться обрести то, что тебя обличит и унизит, вместо того, чтобы принести пользу.

С другой стороны, чем ценнее дар, тем больше за него ответственность. «Кому много дано, с того много и спросится». Имеешь высокую молитву, а можешь ли молиться за людей день и ночь? Если не можешь, то не уподобляешься ли ленивому рабу, закопавшему свой талант в землю? Подобных соображений каждый может привести во множестве, если даст себе труд серьезно подумать над этим вопросом.

Потому-то преп. Лев говорит в одном из писем:

Вы, вкусивши по милосердию Божию сладость и утешение от молитвы, теперь не обретая сего в себе, смущаетесь, унываете, считаете себя виновницею сей потери, и ваше нерадение — это истинная правда. Но я нахожу здесь и промысл Божий, отъявший от вас сие утешение, не победивши страстей и не очистивши сердца своего, можно ли сохранить это богатство без вреда! И не дастся вам оно к пользе вашей, дабы не впали в прелесть [2, т.1, с. 445].

По мысли старца Льва, Бог по милосердию Своему дает нам радость и утешение от молитвы, и отнимает их, чтобы мы не повредились и не впали в прелесть. Есть какое-то сходство этого наставления с советом старцев не подавать нищему слишком много. Хотя нищий и нуждается

в помощи, однако такой же страстный, как и все мы, и потому, получив большую сумму, впадет в соблазн и все пропьет или как-то иначе недолжно потратит деньги, необходимые и другим нищим.

Увы! Большое утешение и сладость, полученные от молитвы, часто нас располагают к лени и самолюбванию. Мы обольщаемся и начинаем оценивать свою молитву: сердечная ли она, или уже духовная, творятся ли по ней чудеса и т.д. И как-то незаметно забываем, что учитель молитвы — Бог, и что оценки выставляет учитель, а не ученики.

Забываем о том, что универсальная основа молитвы — смирение, и что смирение состоит в том, чтобы считать себя ниже, а не выше всех. А если мы так не считаем, то гордость уже сладким ядом начинает капать в душу, и уже ставим себе в заслугу наше недовольство своей неспособностью горячо и усердно молиться, когда благодать молитвы к нашей же пользе от нас отнимается.

Что здесь сказать? Только покрепче запомнить то, что говорит преп. Макарий:

Огорчение твое о том, что не могла горячо, усердно помолиться, неправильно...Смиранный может ли когда подумать, что он хорошо молится? Он всегда видит свою худость и не мечтает о высоте молитвы, а вопиет, как мытарь, а Бог приемлет молитвы смиренных и дает им цену, а не сами мы [2, т.1, с.434].

Глава 4

УЧЕНИЕ О ПОКАЯНИИ

Невозможно представить христианина без покаяния. Поэтому вряд ли вызовет удивление, что Оптинские старцы тщательно и всесторонне наставляли покаянию. В главе, главным образом, рассматривается определение истинного покаяния, борьба и ошибки кающихся, необходимость искать помощь Божию в деле покаяния.

4.1. ПРИЗНАКИ ИСТИННОГО ПОКАЯНИЯ

Как и любое духовное действие человека, покаяние должно быть истинным. Быть истинным означает соответствовать своей природе, своему внутреннему смыслу — той природе и тому смыслу, которое в покаяние заключил Бог. Преп. Макарий раскрывает условия истинного покаяния, а тем самым — природу и внутренний смысл самого покаяния:

...Покаяние тогда только истинно, когда человек, во-чувствуя грехи свои, коими прогневал Создателя своего, оставляет греховное действие, сожалеет об оных и раскаивается, и удостоивается прощения благодатию Христовою через разрешение священнослужителя Церкви. А когда не оставляет, хоть и кается, то сие не есть покаяние, а даже

и опасное, чрезмерное и безрассудное упование на благость Божию, которое так же, как и отчаяние, в равной мере судится пред Богом [2, т. 2, с. 38].

Началом покаяния является «восчувствование грехов своих». Не умозрительное, формальное и в чем-то равнодушное согласие признать совершенные грехи, а отчетливое сердечное ощущение неправильности и неприемлемости своих греховных действий, справедливо вызывающих гнев Создателя человека — такова точка зарождения покаяния.

В этой точке человек ощущает всю противоестественность положения, в котором он, будучи образом и подобием Божиим, находится в противоречии с тем, что Бог определил ему в качестве нормы жизни. И единственным выходом из этого губительного противоречия он принимает оставление греховного действия.

Оставление греховного действия здесь рассматривается как фундамент истинного покаяния. Если оставления нет, то дом покаяния строится на песке, и упование на то, что он устоит опасно, чрезмерно и безрассудно. Несомненно, преп. Макарий давая это наставление держал в памяти сказанное Иисусом Христом в Нагорной проповеди о необходимости не только слушать, но и исполнять заповеди.

Оставив греховное действие человек не приходит в состояние умиротворенности или довольства. Ибо содеянный однажды грех уже принес зло в мир и заставил страдать других людей или самого человека. Количество зла в мире увеличилось, и зло как «антидобро» образовало утрату для людей. Вот об этой-то утрате человек и начинает сожалеть, а также раскаиваться в совершенном греховном действии, повлекшем утрату. Почему же

истинное покаяние не может совершаться без сожаления и раскаивания?

Потому что в сожалении и раскаивании проявляется неприятие человеком греха и сокрытого в грехе зла. Если кто-то равнодушен к последствиям совершенных грехов, тот лишь мнит себя кающимся. На самом деле он еще не разорвал окончательно связь со злом и находится под его воздействием.

Но оставивший греховное действие, сожалеющий о грехах и раскаявшийся становится достойным прощения. Это прощение совершается благодатью Иисуса Христа через разрешение священнослужителя. Истинное покаяние, следовательно, состоит из нескольких тесно связанных сторон, каждая из которых обязательна: (1) восчувствование своих грехов, (2) оставление греховного действия, (3) сожаление и раскаяние и (4) исповедь и разрешение священнослужителя, через которое человек получает прощение Христовой благодатью.

Эти стороны покаяния получили дальнейшее разъяснения в поучениях Оптинских старцев. Преп. Макарий о восчувствовании грехов говорит следующее:

Пишешь ты, что живешь во всяком нерадении и много грешишь, а покаяния не имеешь, других осуждаешь; поэтому ты еще не ощутила того в чувстве сердца, что ты грешна, а только языком произносишь сие слово. Постарайся в чувстве сердца иметь себя грешну, от чего стяжешь и смирение, не станешь других судить, а паче не подлежащих твоему суду, стяжешь и покаяние с умилением... [2, т. 2, с. 39].

Жизнь в нерадении и многих грехах, в осуждении других вместо собственного покаяния приводит к неразвитости и огрубелости сердца. Человеку сложно в этом случае

встать на путь покаяния, поскольку его сердце не ощущает греховности содеянного. Язык, конечно, произносит слово «грех», но сердце молчит и не распознает греха своим собственным сердечным чувством. Как следствие, человек, не обличаемый сердцем, увлекается идеей собственной праведности, из которой обыкновенно выводит и свое «право» судить других.

Поэтому преп. Макарий предлагает «постараться», т. е. предпринять некоторые усилия, чтобы преодолеть неразвитость и огрубелость сердца и почувствовать себя грешником или грешницей по-настоящему. Это восстановит связь человека с реальностью, выведет его из плена ложных представлений о себе и других.

И как только грех неопровержимо засвидетельствован сердцем, согрешивший вынужден признать, что он далек от праведности и не имеет никаких преимуществ перед другими. В этом признании обретается смирение, которое ведет к отказу от осуждения других и к началу самоосуждения, полаганию себя худшим перед другими. Смирение имеет особую ценность в покаянии, поскольку, по мысли старцев, Бог о покаянии человека будет судить по мере его смирения.

Преп. Иосиф говорит об этом так:

Бог будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. В оный день Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы (так и когда-либо правила), но за то, что не покаяться! Велия бывает радость Ангелам на небеси о едином грешнике кающемся. Будем же молиться: «Господи, помилуй. Господи, даруй ми смирение и кротость». Или же: «имиже веси судьбами спаси меня, Господи!» И Господь по милости Своей помилует и спасет нас всех Своею благодатию.

Каждый день и каждый час клади начало ко исправлению, и Бог милости, человеколюбия и щедрот подаст и нам руку Своей помощи, как Петру, святому апостолу, утопающему в волнах морских [2, т. 2, с. 41].

Каждый день и каждый час надо класть начало к исправлению, которым (началом) является восчувствование собственных грехов и приобретаемое через то смирение. Видение («зрение») своего греха, ощущение подлинности своей греховности в сердце ведут к отторжению греха. Тяжесть осознанного и прочувствованного греха и угроза нового падения смиряют человека, побуждают его обратиться к Господу за помощью.

Так совершается спасение, ибо смиренные молитвы кающегося грешника принимаются Богом и Господь милует и спасает покаявшегося Своей благодатью. Преп. Иосиф говорит не просто об отдельных попытках исправления некоторых греховных склонностей, но о ежедневном и ежечасном обновлении человека, достигаемом через попытки исправления многих, а в перспективе — всех греховных проявлений. Решительность и постоянство в борьбе с грехом призывает Божию милость на кающегося грешника и Бог подает ему руку Своей помощи. Опираясь на Божию помощь, человек перестает утонать в море греха, страстей, душевной неразберихе и т.д., но обретает способность быть над ними, в состоянии спокойствия и безгрешия, душевной и телесной чистоте. Это состояние есть состояние защищенности от греха, которое надо удерживать.

Преп. Никон советует:

Старайтесь иметь душевную и телесную чистоту, старайтесь после исповеди уже не грешить сознательно, произвольно не грешить в надежде на покаяние, так как, по

учению Святой Православной Церкви, если кто грешит в надежде на покаяние, тот повинен в хуле на Духа Святого [2, т. 2, с.44].

Первая мера по удержанию защищенности от греха — не грешить сознательно, не иметь собственного произволения к греху после исповеди. Это означает, что подготовка к исповеди должна включать и выработку в себе решимости оставить грех, в котором есть намерение исповедоваться, а также и стремление его избежать уже после исповеди. Если человек борется с грехом, он уже не склоняется к нему добровольно и не подменяет оставление греха надеждой на покаяние. Такая подмена, по замечанию преп. Никона, есть еще больший грех хулы на Святого Духа.

Немощь в оставлении грехов, безусловно, существует. Но она не должна превращаться в правило. «Старание иметь душевную и телесную чистоту» означает становление на путь пусть и не всегда мгновенного, но хотя бы постепенного высвобождения от действия греха. И надеяться в этом деле надо не только на собственные силы, которых часто недостаточно, но и, прежде всего, на благодать Божию.

В этом правило и норма. Т. е. вместо произвольного (добровольного) греха, совершаемого в надежде на покаяние и фактически означающего согласие на жизнь в грехе и тем самым несогласие на жизнь в святости,— должно быть отрешение от греха с надеждой на помощь Божию в достижении душевной и телесной чистоты. И в этом проявляется искание человеком Святого Духа и желание освящения своей жизни.

Преп. Иосиф говорит об этом так:

Покаяние тогда истинно, когда после него все усиленно будешь стараться уже жить как должно, а без этого оно мало действительно, если каешься лишь бы проговорить о грехах, а жить по старому [2, т. 2, с. 39—40].

Покаяние — это исправление, и чем меньше исправление, чем больше в жизни остается «старого», греховного, тем менее действительно само покаяние. Признак истинного покаяния заключается в его совершении не на словах, а на деле. Именно это и должно быть осознанно прежде всего. Т. е. дело не только в том, чтобы признать свои грехи и остро пережить («восчувствовать») их. Но и в том, что покаяние требует усилия воли и соединения ее с образом жизни, достойного покаяния. Как же практически достичь этого?

Преп. Иосиф указывает:

Надо всеми силами бежать и удаляться греха, ибо если мы будем сами по своему нерадению впадать в грехи, то заслужим только большее осуждение. А в случающихся невольно или по нашей немощи да будем очищаться покаянием. Избегай гордости, ибо она бывает причиной многих и лютых падений. Смиряться, укоряй себя, считай себя последней и хуже всех, не осуждай никого, то и милость Божию получишь [2, т. 2, с. 40—41].

Постоянное приложение всех сил к избеганию греха является первым условием в обретении практического навыка победы над ним. Без такого приложения сил человек ведет себя безвольно и по беспечности легко впадает в грех. Безвольное и беспечное поведение можно рассматривать как нерадение о праведности, нежелание тратить много сил на устроение собственной жизни в соответствии

с волей Божией. А поскольку такое попустительство греху и способствует его развитию, то тем большее осуждение получает человек.

Поэтому отсутствие произвольных грехов, творимых с сознанием того, что делается именно грех и грех этот не отвергается — есть начало очищения. Для очищения же от грехов случающихся невольно или по немощи нашей существует покаяние. Следовательно, в покаянии должна быть явлена воля к исправлению. Причем даже в том случае (невольность или немощь), когда этой воли в силу обстоятельств оказывается недостаточно для преодоления греха.

Восполнять нехватку воли можно и нужно через смирение. Смирение удобнее всего душе принять через избегание гордости, от которой происходят многие и лютые падения. Смирение, как не раз подчеркивали Опти́нские старцы, привлекает благодать и освящает человека. Именно в действии благодати заключена возможность преодоления немощи и изглаживания невольных грехов, и освящения как придания жизни человека богоугодного характера.

В целом действительное, истинное покаяние охватывает собой три действия. Первое — отказ от добровольной греховности, вынуждаемой нерадением. Второе — избегание гордости и принятие смирения, которое отвращает отчаяние тогда, когда немощь или невольность все же дают греху взять свое. Третье — привлечение смирением благодати, которая исцеляет немощь, изглаживает невольные грехи и дает возможность жить в чистоте и святости.

Этому правильному пути может помешать болезнь души, заключающаяся в тайной любви к греху. Преп. Никон разъясняет:

К нам, духовникам, приходят люди, больные душою, каются в своих грехах, но не хотят с ними разстаться, особенно не хотят разстаться с каким-либо любимым своим грехом. Это нежелание оставить грех, эта тайная любовь ко греху и делает то, что не получается у человека искреннего покаяния, а потому и не получается и исцеления души. Каким человек был до исповеди, таким оставался во время исповеди, таким продолжает оставаться и после исповеди. Не должно быть так [2, т. 2, с. 45].

Чтобы двигаться по пути покаяния постепенно, достигая все большей глубины и истинности в нем, необходимо хотеть оставления грехов и желать состояния чистоты. Эта жажда праведности и задает правильное направление развитию души. Однако бывает, что человек как бы останавливается на пути покаяния и не может им следовать. По каким-то причинам человек зло возлюбил больше, чем добро, и его попытки покаяться получаются неискренними. Привязанный таким нездоровым расположением души к греху, он кается формально, поскольку нет намерения оставлять грех, нет желания изменяться в лучшую сторону.

Двери покаяния остаются открытыми и для таких людей. Но им надо обратить особое внимание на первую сторону или ступень покаяния — восчувствование своего греха, острое переживание неприемлемости его для себя. Борьба между отторжением греха и любовью к нему может оказаться непростой. Но она должна быть начата и продолжена до преодоления болезненного влечения к греху,

этих своего рода цепей, которые не дают человеку истинно покаяться. При смирении это возможно. Тогда больная душа получает исцеление.

4.2. УЛОВКИ ВРАГА И ЧТО ГОСПОДЬ ЗАКОНОПОЛОЖИТ СОГРЕШАЮЩИМ

Важно знать не только признаки истинного покаяния, но и то, в каких условиях оно происходит. Эти условия связаны с противодействием покаянию со стороны врага, и помощью покаянию со стороны Бога. Нам надо знать уловки врага, чтобы не прельститься, и знать волю Бога, чтобы обрести Его помощь.

Об уловках врага преп. Варсонофий сказал:

Вы знаете, какая у дьявола тактика? Вам это надо знать. Он, зная, что какой-либо человек имеет грех более или менее тяжкий, старается, чтобы человек в нем не покался. С этой целью он всячески умаливает степень тяжести греха, внушая такие мысли: «Это не важно, Бог тебе это простит», — и тому подобное. И даже старается, чтобы человек забыл об этом грехе. Но когда этому человеку удастся как-либо исповедать духовнику на исповеди грех, то дьявол всячески увеличивает тяжесть греха, внушая, что грех этот настолько велик, что Бог даже никогда не простит. И старается привести человека в уныние и отчаяние. Видите, как хитер враг. Он отлично знает, что исповедию смываются все грехи, поэтому и не допускает человека до исповеди, а если он не исповедуется, то враг всячески смущает... [2, т.2, с. 42].

Враг стремится разрушить адекватность восприятия человека. Чем более искаженно будет человек восприни-

мать свои мысли, слова и поступки, тем больше вероятность, что он не сможет исправить греховную линию своего поведения. Первое испытание нас ожидает тогда, когда мы уже совершили грех более или менее тяжкий. Дьявол ставит своей задачей произвести «уценку» этого греха в нашем сознании, добиться чтобы он (грех) воспринимался нами как нечто несущественное, что Бог и так простит.

Если такая тактика приносит плоды, враг постарается развить свой успех и придать ему систематический характер. Он будет каждое последующее прегрешение уменьшать все сильнее, как бы расчищая тропу для все более тяжких грехов. В общем, как говорится, «посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу». При этом враг будет делать все, чтобы не допустить человека до исповеди.

Но и в том случае, когда человек оказался адекватен в отношении содеянного и несмотря на козни врага все же исповедал свой грех, дьявол и тут не оставляет человека. Он приступает с другой стороны, и начинает в нашем сознании «работу по дооценке» совершенного греха. Вызываемая врагом неадекватность связана с неправильным отношением к греху как «непростительному», как к такому, за который Бог непременно накажет. Если врагу удастся закрепить в человеке это восприятие или, правильнее сказать, помрачение, тогда он переходит к попыткам ввергнуть в уныние и отчаяние.

В такой ситуации надо срочно вспоминать святоотеческое учение о том, что нет греха непрощенного, а есть грех нераскаянный. И что спасительная жертва Иисуса Христа значит много больше, чем любые грехи. Преп. Анатолий (Зерцалов) в одном из писем сказал так:

*Радуюсь за тебя, М., что поборола врага своего, как радовался полк белоризцев после низложения исполина мурина святым Андреем Юродивым. Да не один полк, а все неисчетные полки Небесных Сил радуются, по слову Самого Господа, **о едином грешнице кающемся** (Лк. 15, 10). Мир тебе и спасение! И благословение Господне отныне и до века. «Несть грех не прощен, точию нераскаянный». Так учат святые отцы. Если бы весь мир был переполнен твоими грехами, то одна капля крови Спасителя все сожжет во мгновение. Собери грехи всего мира, учит Златоуст, они все-все окажутся, как одна капля в безпредельном море [2, т. 2, с. 43].*

Покаяние, завершенное исповедью и прощением Иисуса Христа по разрешительной молитве священника — это победа над врагом. Трудность этой победы заключается совсем не в том, что враг якобы может умалить жертву Спасителя или сделать наши грехи, так сказать, равными ей или даже превосходящими ее. Одной капли крови Господа достаточно для того, чтобы сжечь любые грехи.

Но трудность победы над врагом заключается только в том, что враг может поколебать, хотя и временно, нашу веру в Бога, Его любовь к нам и веру в Его силу спасти даже самых отъявленных грешников. Поэтому охранение собственной веры от нападков лукавого существенно с точки зрения нашей способности приносить покаяние. Сильная вера не только побуждает с надеждой идти на исповедь, но и кладет начало подлинному исправлению. Ибо сильный в вере силен и с помощью благодати в исполнении заповедей, т. е. в любви к Богу: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14:21).

В этом смысле учение святых отцов о том, что нет греха непощенного, а есть только грех нераскаянный — это учение о должной вере и должной любви к Богу. О вере

в то, что все грехи искуплены Спасителем и не прощается лишь то, что разрушает до основания способность покаяться. Так, сознательное и полное отвержение истины (хула на Святого Духа) закрывает дорогу к прощению, но не потому что любви Божией недостаточно, а потому что угасла в грешнике любовь к Богу и привела его к отречению от Него.

Но если искренне пошел человек на исповедь покаяться, то его любовь к Господу жива, и Господь по молитвам Церкви явит грешнику Свою любовь, прощение и силу. И должно совершиться в покающемся то, о чем сказано в Евангелии: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит (Лк.7:47). Следовательно, путь покаяния — это путь любви к Богу, где через прощение многих грехов человек обретает способность и любить своего Господа много, т. е. творить Его волю и не впадать во множество грехов.

Итак, если враг пытается исказить сознание человека и сделать неадекватным его восприятие, то Оптиные старцы стараются помочь людям выработать и сохранить ясное понимание того, что Господь законоположит согрешающим. Преп. Амвросий говорит:

*Что законоположит Господь согрешающим? Законополагает, чтобы каялись, глаголя во Святом Евангелии: **покайтесь, аще не покаетесь, погибнете** (Лк. 13, 3).*

Некоторые из христиан от неверия совсем не каются, а некоторые, хотя и каются для порядка и обычая, но потом без страха опять тяжко согрешают, имея неразумную надежду на то, что Господь благ, а другие, имея в виду одно то, что Господь правосуден, не перестают грешить от отчаяния, не надеясь получить прощения. Тех и других исправляя, слово Божие объявляет всем, что благ Господь ко

всем кающимся искренно и с твердым намерением не возвращаться на прежнее. Несть бо грех побеждающ человеколюбие Божие. Напротив, правосуден Господь для тех, которые от неверия и нерадения не хотят каяться, также и для тех, которые хотя иногда и приносят покаяние для порядка и обычая, но потом опять без страха тяжко согрешают, имея неразумное упование на то, что Господь благ. Есть и такие христиане, которые приносят покаяние, но не все высказывают на исповеди, а некоторые грехи скрывают и утаивают стыда ради. Таковые, по слову апостольскому, недостойно причащаются Святых Таин, а за недостойное причащение подвергаются различным немощам и болезням, а немало и умирают [2, т. 2, с. 49].

Снова подчеркивается, что воля Господа к грешникам заключается в том, чтобы они каялись. И что без покаяния ожидает согрешающих погибель. Преп. Амвросий указывает на основное препятствие для покаяния, которое всячески пытается возвести и укрепить враг — неверие. В неверии любовь к Богу ослабевает, заповеди Божии перестают восприниматься как императив, их нарушение трактуется как неизбежная и в чем-то даже нормальная черта человеческой жизни, в суждениях о жизни начинают преобладать релятивистские мотивы и т.д. «Венцом» неверия становится суждение «а зачем каяться, когда в целом все и так нормально и объяснимо». Скатывание в духовную слепоту и самомнение — таков обычный результат неверия.

Ненамного лучше дела идут у тех, кто кается лишь для порядка и обычая. Среди них есть своего рода «оптимисты» и «пессимисты». Первые склонны считать, что Господь по благодати Своей все простит и так, и что не нужно настраивать себя на серьезное переживание совершенных

грехов и оставление их после исповеди. Покаяние становится актом формальным, предназначенным для сохранения определенного порядка и обычая, или внешней формы церковной жизни. Таким образом таинство покаяния трансформируется в обряд, некое условное действие, которому сами кающиеся не предадут большого значения.

Противоположную по смыслу ошибку допускают «пессимисты». Они грешат не от легкомыслия, а от отчаяния. По их мнению, Господь правосуден и воздаст за совершенные грехи непременно. Следовательно, больше или меньше нагрешит человек, в этом случае уже не так важно.

Преп. Амвросий разъясняет, что слово Божие исправляет и тех, и других. Благ Господь ко всем, кто кается истинно, т. е. искренне и с твердым намерением оставить грехи. В этом случае нет такого греха, который мог бы победить человеколюбие Божие и воспрепятствовать прощению. К тем же, кто не кается по неверию и нерадению от отчаяния, или кается лишь иногда для порядка и обычая, Господь правосуден. Если нет истинного покаяния, то грех не омыт кровью Спасителя и человек не получил прощения. Следовательно, за нераскаянным грехом последует воздаяние.

То же самое относится и к скрытым и утаенным во время исповеди грехам. Они являются нераскаянными и, следовательно, непрощенными. Причащение через эти грехи становится недостойным и от этого люди впоследствии подвергаются разным немощам и болезням, а то и умирают.

Истинное же покаяние ведет к исцелению и миру душевному. Преп. Никон выразил это так:

Только у Господа и в Господе ты можешь найти себе мир душевный. Твоя истерзанная душа только в Господе, в покаянии и исправлении жизни может найти себе отраду. Грех

ядом своим убивает душу человека. Воскресает душа от живительного действия покаяния. Когда покаешься, тогда увидишь на своем собственном опыте истину слов моих. Да отыдет от тебя далеке всякое уныние. Господь стирает Свои святейшие руки, готовые принять тебя, как и всякого другого грешника кающегося, в объятия Отца. Если Господь не отвергает кающихся грешников, как мытаря, как блудницу, как Павла апостола, преподобную Марию Египетскую и других многих, то не отвергнет тебя и церей православный. Лишь только кайся, лишь скажи от сердца: «Согреших, — прости!» О покаянии твоём возрадуются и Господь, и Ангелы, и человеки Божии. Опечаливает их коснение во грехах. Итак, приступи ко Господу во смирении и покаянии, оставь увлечение грехом, вкуси от чаши покаяния и увидишь благодать Божию, ибо сказано: **Вкусите и видите, яко благодать Господь** (Пс. 33, 9). Да вразумит тебя Господь! [2, т. 2, с. 44].

Без покаяния и исправления душа терзается, не находит себе покоя и вечно чем-то недовольна. И дело здесь не только в «обстоятельствах», внешних препятствиях к устроению жизни. Но еще в том, что грех свои ядом убивает душу, а через душу вызывает и болезни тела. Внутренняя деградация может привести к тяжелому кризису — как душевному, так и физическому. Во избежание такого кризиса необходимо заблаговременно понять, что только в Господе, покаянии и исправлении жизни можно избежать самого худшего и получить отраду. Покаяние обладает живительным действием, которое необходимо пережить на опыте своей жизни и убедиться, что это действительно так.

Преп. Никон подчеркивает:

Оживление души совершается волей Божией и силой Божией, но от человека требуется его произволение в принесении

Богу покаяния. Срок покаяния, потребного согрешившему, известен единому Богу. Кающийся грешник, будучи как бы даже забыт Богом, как ему кажется это, по чудному усмотрению Божию обретает пользу душевную, приходит в преуспеяние.

Господь ведет ко спасению! Дивная премудрость и благодать Божия в пощущениях Божиих человеку падать [2, т. 2, с. 45].

Душа живится благодатью, но для получения благодати необходимо чтобы человек хотел принести и приносил Богу покаяние. Другими словами, только добровольное, основанное на вере обращение к Богу с признанием своих грехов и просьбой их прощения привлекает на кающегося грешника благодать прощения и целительное действие воли и силы Божией на душу человека.

Для того, чтобы придти в состояние внутренней готовности к покаянию, необходимо время, порой длительное. Человек должен на основе своего опыта, своих размышлений и всего своего жизненного пути обрести веру в Бога и осознать необходимость покаяния как единственно верного пути к Богу. Сколько именно времени нужно для этого человеку — знает только Бог. Соответственно, Бог и дает каждому человеку то время, которое объективно необходимо для покаяния. Из чего и вытекает, что каждый человек имеет в своей жизни возможность покаяться и стяжать благодетельное воздействие Бога на свою душу и жизнь.

Преп. Никон указывает, что даже в том случае, когда кающийся грешник не видит и не ощущает, так сказать, помощи Божией, Господь таинственно подает такую помощь и приводит человека к пользе душевной и преуспеянию. В пощущениях Божиих человеку падать, совершая те или иные грехи, заключена дивная премудрость и благодать Божия. Ибо через эти падения мы и приходим

к пониманию того, какой должна быть наша жизнь и выработываем стремление ее исправить. А Господь подает возможность такого исправления посредством покаяния и ведет через это к спасению.

4.3. ЕСЛИ НЕ ИСПРАВЛЯЕШЬСЯ, ИЩИ РАЗРЕШЕНИЯ И ПРОЩЕНИЯ

Но что делать, если на пути покаяния возникают препятствия и не удастся исправиться? Когда вместо прогресса мы топчемся на месте, а то и откатываемся назад, то поневоле приходится задуматься об осуществимости в нашей жизни истинного покаяния.

Преп. Иосиф дает на этот счет следующее разъяснение:

Когда видишь, что не исправляешься, а только прила-гаешь грехи к грехам, то надо стараться приносить в них покаяние. Спешి открывать язвы душевные пред Господом и ищи разрешения и прощения. И если по прощени паки в то же впала, паки прибегай к покаянию, и так до конца. И Бог, видя твой труд, твое покаяние, не оставит тебя без Своей помощи и милости. Если Он нам завещал прощать кающемуся брату седьдесят раз седмерицею, то не больше ли Сам подаст нам прощение, когда мы прибежем к Нему с покаянием. А что страсти не отступают, то сие по смотрению Божию. Пишут святые отцы, что страсти и падения смиряют человека, приводят его в сокрушение сердечное и тем привлекают ему Божие милосердие [2, т. 2, с. 40].

Из приведенного наставления старца следует, что неспособность покаяться должным образом (с исправлением) не отменяет необходимости каяться в совершенных грехах. Более того, надо еще и понять, какие именно язвы

душевные мешают исправлению, и поспешить открыть их пред Господом. Нужно искать разрешения внутренних конфликтов и противоречий души, искать их прощения у Господа. И если по прощении падения продолжаются, необходимо смиренно продолжать и покаяние. Сколько продолжать? Преп. Иосиф говорит определенно — до конца.

Должна быть вера, что Бог не оставит без Своей милости и помощи. Вера, основанная на заповеди самого Спасителя прощать кающегося брата «семьдесят раз седмицею», т. е. всегда. Этот образ всепрощающей любви и есть надежда покаяния, с которой надо идти до конца — до конца верить, что Бог простит и поможет. И не смущаться, что страсти не отступают, ибо Богу может быть угодно, чтобы эти страсти и падения смирили нас, привели в сокрушение сердечное. «Сердце сокрушенное Бог не уничтожит». Милосердие Божие ничто не привлекает так, как смирение и плач о грехах. И ради такой способности смиряться и сокрушаться о совершенных грехах, и привлекать милосердие Божие человек идет по тропе покаяния в страстях и грехах.

Ярко об этом сказал преп. Анатолий (Зерцалов):

Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде (Пс. 117, 18). *Для чего же? Чтобы мы покаялись. И остепенелись. А мы с тобой так, кажется, и сгнием бессознательно. Нам все-то мгла страстей не нравится. Поди ты. Нам бы все Солнце Правды сияло, а люди за это молились бы, постились. Люди бы смирялись, а мы бы смеялись. И утешение нам все-таки подавай. Неразумная послушница: да в этом то весь и секрет, чтобы потомить-то нас. Елико внешний человек тлеет, толико внутренний обновляется по всяк день, говорит Святое Писание (2 Кор. 4, 16) [2, т.2, с. 42—43].*

Окружающая человека мгла страстей порабощает его и вызывает томление. Мы томимся этим каждодневным пленом, переживаем свою неспособность вырваться из него. Но истлевает в грехах и немощен в исправлении внешний человек; внутренний же борется за покаяние и собирает силы, обновляясь каждый день. До тех пор, пока длится эта борьба и нет исправления по причине недостатка духовных сил, до тех пор мы будем терпеть некоторое поражение в противостоянии греху. Поражение ограниченное и неокончательное, которое приучит нас к смирению с одной стороны, а с другой — выработает привычку не сдаваться злу.

Эта привычка заключается в том, чтобы терпеливо переносить всю тяготу вызываемую злом и постоянно искать в обновлении внутреннего человека силу, преодолевающую действие страстей и живучесть грехов. И лишь само искренне раскаяние в совершенных грехах, за которым следует желание исправиться и упование на помощь Бога в этом деле и вызывает приращение духовной силы, необходимой для победы над грехом.

Ошибочен же путь, который основан на самодовольстве и иллюзорном видении себя как достойного похвалы и оправдания. Здесь уже есть опасность серьезного поражения. Преп. Иосиф предупреждает:

В словах самохваления и самооправдания всегда кроется непокорность и гордость, чего отвращается Бог. По согрешению немедленно надо «бежать», скажешь: куда же? — К тихому пристанищу сердечного покаяния. Каждый вечер перед сном выскажи Богу Сердцеведу все свои погрешности, соделанные в деле, слове, в помыслах, и верь, что Бог принимает твое сердечное покаяние. При этом старайся сокрушать свое сердце памятью внезапной смерти [2, т. 2, с. 40].

Если кто-либо склонен расценивать свои действия всегда к собственной похвале, а причиняя зло легко находит повод оправдать себя, такой человек внутренне непокорен и горд. Отсутствие покаяния — вернейший признак гордости. Гордому человеку всегда присуща уверенность, что он сильнее, умнее и лучше других. И в этом своем суде он неправеден и слаб. Неправеден потому что не может составить правильного понимания своего места в отношениях с другими людьми, а слаб — потому что не имеет силы смиряться. Потому и терпит серьезное поражение в борьбе с грехом. Нелишне вспомнить, что говорили Оптинские старцы: там где случилось падение, всегда предварила гордость.

Смиранный поступает иначе. По согрешении он немедленно «бежит» к тихому пристанищу сердечного покаяния. И в этой способности незамедлительного распознавания своих грехов, незамедлительного раскаяния и понимания собственной неисправности как раз и проявляется внутренний, духовный человек. Тот человек, для которого праведность начинается с правильной оценки своих неправильных действий. И чем быстрее, искреннее человек прибегает к покаянию, тем он ближе к покаянию истинному.

Видимо, в этом смысле следует понимать поучение преп. Амвросия:

Для истинного покаяния нужны не годы и не дни, а одно мгновение [2, т. 2, с. 48].

Если же удалось покаяться истинно, с полным сокрушением о допущенных согрешениях, то надо и охранять покаяние, превращать его в покаяние полное, с исправлением. Здесь старцы проявляют гибкость, их советы всегда настроены на конкретную ситуацию и даются для

разрешения возникающих трудностей. Так, при угрозе повторения раскаянного греха преп. Макарий рекомендует руководствоваться следующим:

Покаяние, говорю, не тогда только, когда придешь к духовнику на исповедь, но имей всегдашний залог оного в сердце своем, памятуя грехи свои, о которых ты кратко воспомянул; чувствуя, кого ты оными оскорбил, удобнее востягнешь <удержишься> от повторения оных [2, т. 2, с. 38].

Память о совершенных грехах полезна для охранения покаяния, поскольку эта память вызывает в сердце и чувство сокрушения, нежелания повторять грехи, которое имел кающийся на исповеди. Это сокрушение и нежелание становится барьером для повторения греха, и человек приучается этот барьер укреплять, превращать его в духовную крепость.

Но может быть и иная ситуация. Например, когда раскаянный грех не повторяется, но человека гнетут воспоминания о нем. В этом случае покаяние также нужно охранять, но уже в ином смысле. Охранению подлежит вера в прощение и чувство прощенности, которые неотъемлемы истинному покаянию. Для такого охранения нужно уметь забывать прощенные грехи.

Преп. Иосиф наставляет:

Старайся прежде забывать да приноси покаяние пред Богом. Если что не исповедано имеешь из прежней жизни, то надо исповедать духовнику на исповеди, а то все будешь вспоминать оное [2, т. 2, с. 41].

И все же следует подчеркнуть, что способность забывать прощенный грех не должна превращаться

в беспамятство о своей греховности. Смирение проявляется в том, что человек до конца жизни полагает себя способным к совершению греха, благодаря чему не впадает в самонадеянность и не перестает надеяться на милость Божию. Другими словами, через это человек не теряет способности приносить покаяние и принимает покаяние, говоря словами преп. Никона, за «основание нашего спасения».

Поэтому другой Оптинский старец преп. Варсонофий призвал беречь сознание своей греховности:

*Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности. Это — самое драгоценное перед Богом. Что спасло мытаря? Конечно, это сознание своей греховности: «Боже, милостив буди мне грешному!» Вот эта молитва, которая прошла уже почти два тысячелетия. Но смотрите, мытарь сознает себя грешным, но в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись... Господь сказал: **Я пришел спасти не праведных, а грешных...** (Ср.: Мф. 9, 13). Кто здесь разумеется под праведниками? Это, конечно, относится и к человекам, не сознающим своей греховности, но все-таки грешным [2, т.2, с. 41—42].*

Вот так: люди гибнут, теряя сознание своей греховности... Можно ли удивляться тому, что перед человеком Богом данное качество человеческого сознания «самое драгоценное»? Оно драгоценно — потому что Господь желает всех спасти, но спасти от греха для праведности и святости, которые одни только и пригодны для вечной жизни. Если же нет сознания своей греховности, то нет и понимания того, каким человек

не должен быть, и каким должен быть чтобы творить Его волю. Для того, чтобы спастись, надо быть в единстве с Богом; следовательно, надо знать в чем это единство состоит.

4.4. ПРИЗНАНИЕ СУДА БОЖИЯ О НАС ПРАВЕДНЫМ

Единство с Богом начинается с признания суда Божия о нас праведным. Характер жизни нашей, которой мы так часто недовольны по причине ее переполненности скорбями и лишениями, заслужен нами. Поэтому в глубине покаяния живет согласие с Богом в отношении Его к нам и начало примирения с Ним.

Преп. Никон говорит:

Признание суда Божия о нас праведным, ибо все мы погрешили. Пусть совесть каждого из нас подтвердит нам, что грехи наши велики. Сами мы виноваты. Надо смириться и благодарить Бога за все [2, т. 2, с. 46].

Надо отбросить все помыслы и мечтания, все обиды и недоразумения, чтобы увидеть и понять всю правду о себе, которую подтвердит наша совесть. Эта правда не только проста, но и страшна — она в том, что грехи наши велики. И не с этими грехами надеяться на какую-то особую ценность своей личности пред Богом и людьми, на какую-то особую значимость своих дел. И виноваты в том мы сами, а не обстоятельства или другие люди.

Если это так (а это, увы, так), то надо смириться и принять ту жизнь, которую имеем. И благодарить Бога за все, что он дал в ней свершиться или, наоборот, не свершиться. Ибо скорби, посланные Богом для нашего

исправления, гораздо ценнее тех незаслуженных благ, о которых мы мечтали и которыми Он нас не благословил. Самый же ценный дар и самое лучшее человеческое качество, которое Сам Бог прежде всего ищет в человеке,— это смирение. Как только человек обретает смирение, он приобретает и все необходимое. Потому что смиренному всего достаточно, всего хватает. Смирение же и возносит человека к Богу, подающему смиренным благодать.

Но придти к смирению невозможно, если не знать своих грехов, пребывать в духовной слепоте. Поэтому радость прозрения заключена в сознании своей греховности. Преп. Никон обращает на это внимание:

Успех и радость инока в сознании своей греховности, в видении грехов своих. Нужно не только видеть свою греховность, нужно и все поступки свои, всю жизнь и деятельность построить в полном согласии с сознанием и видением своей греховности.

Зрение грехов есть дар Божий. Его надо просить себе у Бога [2, т. 2, с. 46].

Построить всю жизнь на осознании своей греховности означает построить ее на покаянии. Если на покаянии, значит, на терпеливом несении своего осознания себя как неисправного, худшего, недостойного — но идущего к исправлению, к тому, что Бог определил как достойное и лучшее. Ради достижимости этого лучшего, вплоть до святости, принимается положения худшего, вплоть до последнего грешника.

Парадокс? Нет, единственный правильный ответ на раздвоенность нашей жизни, ее протекание между двумя полюсами напряженности, полюсом добра и полюсом

зла. Ибо чем глубже и полнее видение своей греховности, тем меньше самопревозношения, тем решительнее разрыв со злом, тем сильнее и естественнее тяга к добру, тем скромнее оценка себя и большая любовь к другим. Потому зрение грехов воистину есть дар Божий, который надо просить у Бога. Получив же этот дар, хранить его и беречь.

Преп. Иларион отмечает:

В случае какого-либо поползновения в делах, словах и мыслях тотчас раскаиваться и, познавая свою немощь, смиряться и понуждать себя видеть свои грехи, а не исправления: от разсматривания грехов приходит человек в смирение и сердце сокрушенно и смиренно стяжывает, которого Бог не уничижит [2, т. 2, с. 46].

Как только сознание зафиксировало движение к греху, будь то дела, слова или мысли, необходимо сразу же раскаяться. Причем вслед за раскаянием должно последовать познание своей немощи, неспособности удерживаться от греха. А затем и смирение как отказ от помысла о собственном совершенстве в виду явного собственного несовершенства.

Такое редко кому нравится, так как самолюбие человека страдает, но польза от этого неоценимая. Поэтому надо понуждать, заставлять себя видеть свои грехи, а не исправления. Переключив внимание на грехи, человек острее и полнее их видит, глубже осознает их губительную роль в своей жизни. С другой стороны, он меньше подвержен преувеличению собственных достоинств, которое от повышенного внимания к исправлениям обыкновенно происходит.

Рассматривание грехов означает не мимолетное и поверхностное, но постоянное внимание к ним, вплоть до мелочей. От этого человек привыкает к мысли о своем несовершенстве и быстрее приходит к смирению. В состоянии смирения он уже может рассчитывать на помощь Божию, так как Бог смиренным подает благодать. И, таким образом, достигает цели покаяния — соединения с Богом через милость Божию.

Привычка к смирению необходима еще и для того, чтобы вынести очистительное наказание. Преп. Амвросий замечает:

*Хотя Господь и прощает грехи кающимся, но всякий грех требует очистительного наказания. Например, благоразумному разбойнику Сам Господь сказал: **днесь со Мною будешь в раи** (Лк. 23, 43), а между тем после этих слов перебили ему голени, а каково было еще на одних руках, с перебитыми голеньями, повисеть на кресте часа три? Значит ему нужно было страдание очистительное. — Для грешников, которые умирают тотчас после покаяния, очищением служат молитвы Церкви и молящихся за них, а те, которые еще живы, сами должны очищаться исправлением жизни и милостынею, покрывающею грехи [2, т. 2, с. 47—48].*

В очистительном наказании человек страдает, но это страдание ведет его к чистоте. Например, исправиться закоренелому грешнику очень трудно. Каждый день праведной жизни для него — страдание, ибо грех с силой влечет к себе и потому противодействие греху требует борьбы, затраты душевных сил и связано с существенным дискомфортом. И лишь постепенно, часто через долгий период времени, греховные склонности

в человеке начинают ослабевать и отступать, и он становится чище.

Для того, чтобы очищение стало реальностью, нужно иметь смирение, которое привлечет благодать Божию и позволит перенести страдания, приходящие в период очистительного наказания. Немаловажное значение здесь имеет активная позиция самого человека, его способность и решимость «взяться за настоящий разум».

Преп. Амвросий говорит:

*Что ни думай, что ни толкуй, а смерти не миновать и Суда Божия не избежать, на котором воздастся кому ж до по делом его. Поэтому хорошо заблаговременно опомниться и взяться за настоящий разум. Евангельское учение начинается и заканчивается словами: «покайтесь!» **Не приидох бо призвати праведная, но грешники на покаяние** (Мф. 9, 13). **Придите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз успокою вы: возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим** (Мф. 11, 28—29). Призывает Господь труждающихся в борьбе со страстями и обремененных грехами и обещает успокоить их чрез искреннее покаяние и истинное смирение [2, т. 2, с. 48].*

Путь христианина с самого начала основан на покаянии, которое есть основа его жизни. Через покаяние мы и идем к Богу на протяжении всей жизни. Правильная жизнь — это та, которая начинается и заканчивается в покаянии. Мыслить так означает взяться за настоящий разум. Настоящий разум выделяет то, что для нас первостепенно, что важнее других сторон жизни, хотя и также необходимых. Первостепенно то, что смерти не миновать

и суда Божия на избежать. Воздаяние каждому за его дела — будет.

Поэтому покаяние и выражает правильную линию в жизни, линию, которая всегда направлена в сторону благоприятного суда Божия. Эта линия всегда выражает стремление освободиться от грехов, отделяющих человека от Бога и всегда построена на желании быть с Богом, и никогда — на желании быть без Него.

Оттого-то данная линия и упрочивается делом всей жизни, а не сводится к отдельным ее эпизодам. Преп. Амвросий учит:

...Покаяние не совершается (не оканчивается) до гроба и имеет три свойства или части: очищение от помыслов, терпение находящих скорбей и молитву, т. е. призывание Божией помощи против злых прилогов вражиих. Три эти вещи одна без другой не совершаются. Если одна часть где прерывается, то и другие две части там не тверды бывают [2, т. 2, с. 51].

Очищение от помыслов в каком-то смысле играет роль «протирки» взгляда человека на жизнь, ведет от мутной и обманчивой, ложной и опасной картины своей исключительности и особенности к простому и ясному взгляду, что «я — один из многих, ничем не лучше, а часто и хуже других». И эта ясность взгляда обнажает в сердце человеку ту правду, которую он непременно должен в себе открыть. Что он — грешник, и перестать быть грешником и есть его подлинная задача.

Как только происходит осознание этой задачи, появляется и понимание того, что перестать быть грешником — трудно. Что многое из греховного прошлого и настоящего уже вошло в жизнь и исказило ее. И что пришло время

терпеть скорби, неизбежных спутниц своей и чужой греховности.

Более того, ясное желание избавиться от грехов — это вызов врагу спасения, который обязательно в этом случае вступает в открытую войну против нас. Выстоять в этой войне сами мы не можем. Но мы можем молить Бога о помощи и получать ее. Только так можно устоять и все выдержать. Соединив в жизни все три части покаяния — очищение от помыслов, терпение находящих скорбей и молитву — мы и приходим к истинному покаянию. Покаянию как дороге к Богу, которую Бог для нас создал и по которой Он нас ведет в Царство Небесное.

Глава 5

УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ

Покаяние обращает на путь спасения. Поэтому многое из того, что есть в покаянии, спасительно. Учение старцев о спасении продолжает и развивает их учение о покаянии. Как и вообще во всяком деле, старцы особое внимание уделяют смирению — благодатному состоянию, в котором человек и может совершать свой путь в согласии с волей Божией. При этом они разъясняют и то, что относится непосредственно к самому спасению.

5.1. СОЗНАНИЕ СВОЕЙ ГРЕХОВНОСТИ

Наше спасение начинается тогда, когда мы сумели выработать в себе искреннее сознание своей греховности. Т. е. ясно увидели в грехах, творимых нами, не случайное или независящее от нас явление, вынуждаемое обстоятельствами или другими людьми, но результат действия нашей собственной воли. Только в этом случае раскаяние (сожаление о содеянном грехе, желание избежать его в будущем) обращает человека к необходимым для его спасения качествам личности: самоукорению, смирению и отвержению своеволия.

Преп. Макарий учит:

*... Начало нашего спасения состоит в искреннем сознании своей греховности и протекающем отсюда самоукорении и смирении себя пред Богом и людьми. **Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит** (Пс. 50, 19). И при этом надобно иметь самоотвержение, т. е. отвергнуться своей воли и разума и повиноваться начальствующим и поставникам, как учат святые отцы... [2, т.2 с. 388].*

Если источник наших грехов — мы сами, то и винить во всем неправедно содеянном надо самих себя. Самоукорение, следовательно, есть правильный протест против греха и греховности. Правильность данного протеста заключается в том, что он не требует от других людей изменения обстоятельств, которые мы сами же и создали своими действиями. Но он требует от нас самих принять эти обстоятельства как законные, хотя и ограничивающие или даже ущемляющие наши собственные интересы. «Раз сам виноват, сам и расплачивайся».

Проще говоря, от нас требуется смирение перед Богом и людьми. Мы наказаны за своеволие — но наказаны последствиями самого своеволия. Нужно принять это наказание «сокрушенно и смиренно», сокрушаясь о своей злой воле и смиренно принимая ее последствия как зло для нас самих, в котором кроме себя некого винить. Такое расположение сердца Бог признает правильным, соответствующим Его воле в подобных ситуациях, и потому «не уничижит» человека, не лишит его Своей помощи.

Смиряться, мы приобретаем верный образ мысли, который приводит к осознанному желанию избавиться от причины греха — «своей воли и разума». Отвержение своей воли и разума для несмиранных выглядит противоестественным. Ведь они видят в своей воле закон не только собственного существования, но и существования других

людей. Но смиренному уже открылась его немощь в объективной оценке намерений и действий как других людей, так и своих собственных. Он видит, что упорное полагание только на свои субъективные оценки и желания, приводящих в действие его волю, формирует непрочные, а зачастую и обратные против ожидаемых результаты в жизни.

Поэтому выходом для смиренного становится обращение к более сведущим и мудрым начальствующим и наставникам, повинувшись которым он и может изменить течение своей жизни на более благоприятное. Через послушание своеволие преодолевается, и взамен его человек приобретает куда более надежную основу своей жизни — умение жить по заповедям Божиим, действительно идти путем спасения.

На это и обращает внимание преп. Макарий:

... Вы имеете желание приблизить себя к Богу и получить спасение. В этом состоит весь долг каждого христианина; но сие совершается чрез исполнение заповедей Божиих, которые состоят все в любви к Богу и ближнему и простираются до любления врагов. Читайте Евангелие, там найдете путь, истину и живот... [2, т.2, с. 391].

Характерный и важный для дела старцев момент. Отмечая общее и бесспорное для всех христиан понимание, что нужно «приблизить себя к Богу и получить спасение», что в этом, собственно, и состоит весь долг христианина, старцы как бы поясняют и суть своей задачи, когда к ним обращаются за помощью.

Она состоит в исправлении того разрыва, который обычно возникает у людей между правильно понимаемым долгом и той запутанной и неясной жизненной ситуацией, возникшей вследствие своеволия. Запутанность

жизненной ситуации ослабляет ясное восприятие того, что спасительным для человека является исполнение заповедей, а не исполнение своих желаний.

Поэтому преп. Макарий сразу же и показывает истинный смысл жизненных испытаний: они есть школа послушания Богу, в которой каждый должен научиться открывать в себе заложенную Богом способность любить Всевышнего и близких совершенной любовью, «простирающейся до любления врагов». Читая Евангелие, мы и находим там образы такой любви, в полноте преподанной Иисусом Христом, а также и Его учениками.

Направляя людей к исполнению заповедей Божиих, подчеркивая спасительность такого жизненного пути, старцы стремились оградить своих подопечных от повторения ошибки своеволия в более «утонченном» виде. Такая ошибка, в частности, может возникать, когда человек увлекается своей ролью в исполнении заповедей и незаметно для себя начинает полагать или склоняться к полаганию, что его-то воля и труды по исполнению заповедей и являются средством его спасения.

Преп. Варсонофий четко разъясняет этот вопрос:

*Вход в рай, в вечное блаженство открывается не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и Искупительною Жертвою Спасителя Христа Бога нашего. Прежде всего, это совершается чрез Таинство крещения, коим омывается первородный грех Адама, и человек становится способным к принятию Божественной благодати Господа Иисуса Христа, которою мы и вводимся в жизнь вечную, а наши добрые дела, т. е. совершение Евангельских заповедей, нужны только как доказательство нашей любви к Господу, ибо сказано в Евангелии: **Любяй Мя, заповеди Мои соблюдет** (Ср.: Ин. 14, 21). Без любви к Господу невозможно блаженство, нельзя*

войти в рай, обязательно спросят: «А ты любил Господа?» — «Любил!» — «А чем ты это докажешь?» — «По силе моей, сколько мог, исполнял заповеди Божии, кои и есть доказательство любви». — «Ну, иди» [2, т.2, с. 396].

Подлинным источником нашего спасения является Сам Господь, Его заслуги и Искупительная жертва. Поэтому спасение благодатно, и со стороны человека для спасения нужна способность к принятию Божественной благодати, вводящей человека в жизнь вечную, а не добрые дела, рассматриваемые как самодостаточные для спасения.

Добрые дела, под которыми преп. Варсонофий понимает совершение Евангельских заповедей, нужны как доказательства нашей любви к Господу. Но доказательства любви к Господу есть одновременно и свидетельства веры в Него. Ибо нельзя любить Того, в Кого не веришь. Следовательно, добрые дела, совершаемые из любви к Господу, есть те самые дела, без которых вера мертва. Посему то, что старец сказал о доказательствах любви к Господу, приводит к обетованию Самого Господа: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11:25). Вера, засвидетельствованная добрыми делами, есть проявление той же самой способности к принятию Божественной благодати, которую человек обретает через Таинство крещения.

Старцы неоднократно напоминают и подчеркивают, что путь исполнения заповедей — спасителен. При этом они указывают и на то, что идти этим путем надо осмотрительно, внимательно наблюдая за состояниями собственной души и опираясь на опыт святых отцов.

Преп. Макарий отмечает:

*Для всех, ищущих спасения, Господь показал путь — исполнение Его заповедей, во Святом Евангелии нам преданных, а оные суть любовь к Богу и ближнему: **любяй Мя заповеди Мои соблюдает**, сказал Господь (Ср.: Ин. 14, 21), и далее. Святые отцы, прошедшие путь сей деятельно, оставили нам учение, как и нам идти путем сим, и показали нам различные образы противу каждого устройства нашего, могущие нам способствовать ко спасению. И как гордость виновна всех наших грехопадений, зол и смущений, так, напротив, смирение губительно <для> всех страстей и грехов и подает спокойствие, по слову Господню: **научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обряцете покой душам вашим** (Мф. 11, 29) [2, т.2, с. 388].*

Святые отцы прошли путь исполнения заповедей деятельно. Т. е. они практически исполняли повеления Господа и хорошо познали все трудности, встречающиеся на этом пути. Поэтому святые отцы обладали глубоким и полным знанием всех «проблемных» устройств человеческой души, всех соблазнов, недоумений и ошибок, связанных с такими устройствами, а также располагали надежными средствами решения проблем.

Весь практический духовный опыт святых отцов привел их к осознанному пониманию, что несмотря на значительное разнообразие людей как личностей и обстоятельств их жизни, основная трудность на пути исполнения заповедей Божиих заключена в конфликте между самым опасным грехом — гордостью, и самой ценной добродетелью — смирением.

Гордость «питает» множество других грехов, которые часто прикрываются благовидными по видимости соображениями. Если человек недостаточно бдителен, это может привести к неправильному устройению его души,

в котором ложное принимается за истинное, грех объявляется праведностью и происходит упорствование в грехе. Это упорствование в грехе и есть отпадение от спасительного пути.

В основе такого отпадения лежит подмена воли Божией своей собственной волей, так что вместо исполнения заповедей человек начинается добиваться исполнения своих неправедных желаний, тем самым являя вместо любви к Богу и ближним любовь к своему эго. Неконтролируемо растущая любовь человека к своему эго, которая все более настойчиво требует изменения в его пользу и даже подчинения ему всех отношений с другими людьми, которая заповеди трактует только в смысле обязанности других людей по отношению к данному человеку — это и есть гордость. Она-то, как и указывает старец, есть подлинная виновница «всех наших грехопадений, зол и смущений». Если гордость начинает определять мысли, слова и поступки человека, это означает, что она взяла верх в конфликте со смирением. Смирение — антипод гордости. Важнейшая добродетель состоит в «отвержении себя», отвержении своего произвола, отвержении гордости. Поэтому смирение губительно для всех страстей и грехов. Оно подает спокойствие, являющееся следствием свободы от беспокоящих и терзающих человека страстей и грехов. И, что особенно важно, смирение дает возможность действительного понимания и исполнения заповедей Божиих.

Наличие конфликта в душе человека, конфликта между смирением и гордостью, и то обстоятельство, что от самого человека зависит, какую сторону конфликта он поддержит в своем самоопределении, приводит к еще одному важному положению учения старцев о спасении.

А именно положению о том, что если мы не спасаемся, то по нашей вине.

Преп. Макарий говорит об этом так:

*...Бог всем хочет спастися и в разум истины прийти (1 Тим. 2, 4), но как видим из священных повествований, что есть спасающиеся и погибающие, то неужели виновен Бог, что не дал им мысли благой, могущей их к Нему привести? Это была бы хула на Бога. Он сотворил человека самовластным и хочет, чтобы он сам избирал правый путь и к Нему стремился. Он же готов ему воспомоществовать и укреплять в оном, но не нудит не хотящего избирать правый путь, а попускает по злой его воле, и потому виновен сам человек, не избравший благого пути, как пишет в псалме: **не восхоте благословения, и удалится от него** (Пс. 108, 17). Посему надобно, по данному от Бога нам разуму и самовластную, избирать самим благое и просить, да утвердит Он в нас сие Своим благоволением и поможет исполнить, **ибо без Него не можем творити ничесоуже** (Ср.: Ин. 15, 5) [2, т.2, с. 389—390].*

В том, что есть не только спасающиеся, но и погибающие, Бог не виноват. Он всем желает спасения и разума истины. Настоящая проблема заключается в том, что не все хотят спасения и разума истины. Как поясняет старец, Бог сотворил человека самовластным, т. е. свободным избирать свой путь и полностью ответственным за свои поступки. Воля Божия заключается в том, чтобы человек сам делал правильный выбор и сам стремился к Богу. В этом случае Господь готов помогать человеку и укреплять его благодатью, соблюдая к спасению.

Не хотящего избрать правильный путь Бог не принуждает. Он попускает такому человеку поступать по его злой

воле, не устраняя и полной ответственности за результаты, которые приносит злая воля ее обладателю. Таким результатом может быть преобладающая любовь к тьме, а не к свету, влекущая человека в погибель через усиление роли зла в его душе и жизни.

Если человек способен все же осознать исход своей жизни и даже, будучи великим грешником, все же пытается исправиться, Бог приходит ему на помощь через возможность покаяния и прощения грехов. Но если любовь к тьме победила в душе человека любовь к свету окончательно, то совершается сказанное Господом: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:21). И никто, кроме самого такого человека, не будет виноват в том, что его душа окажется в царстве тьмы, аду.

Принимая во внимание неотъемлемость для каждого человека свободы выбора и личной ответственности за него, которые и проистекают из данного Богом человеку самовластия и разума, старец дает краткое и верное определение нашей роли в собственном спасении. Она заключается в том, чтобы самим избирать благое и просить Бога, чтобы Он утвердил в нас благое и помог его исполнить.

И вот на этом-то положении о необходимости первоначального стремления человека к добру основано также и понимание старцами вопроса о предызбрании к спасению. Преп. Иосиф поясняет:

Пишешь: «Я от кого-то слышала, что спасутся только те, которые предызбраны Богом». — Правда. Но почему некоторые предызбраны Богом ко спасению? — Потому что Бог Всеведущий от века знал и знает, кто из людей как будет жить, а потому и предопределил от века одних, проводящих жизнь в покаянии и смирении, к славе, а других, ленивых и нерадящих о своем душевном спасении, к вечному

мучению. Притом из истории мы видим, что и самые суды Свои Господь перемещает при перемене обстоятельств. Например, Господь определил некогда истребить ниневитян. Но когда ниневитяне проповедью Иониной покаются, Он отменил Свой суд несмотря на то, <что> пророк Божий уже изрек ниневитянам волю Божию: «еще три дня, и Ниневия превратится...» [2, т.2, с. 392].

Бог от века знал и знает, кто из людей как будет жить. Другими словами, знал и знает, кто будет самоопределяться к доброму, а кто — к злumu. И попуская это самоопределение, не вмешиваясь в волю человека, но зная, к чему она приведет, Бог тем самым предопределил одних к славе, других — к вечному мучению.

Старец обращает внимание на то, что предызбрание некоторых к вечному мучению не связано с желанием Бога так предопределив их судьбу. Господь, напротив, делает все, чтобы люди спаслись и желает им всем спасения. И даже самые суды свои Господь обращает в милость, предупреждая людей о грозящей им гибели вследствие их своeволия.

Ниневитяне должны были погибнуть, если бы продолжили упорствовать в своих грехах. Но Бог послал им пророка, объявившего им трехдневный срок покаяния, и своей проповедью обратившего ниневитян к покаянию. В результате покаяния суд Божий был сменен на милость.

Поэтому избрание участи вечного мучения — это полностью выбор и решение тех, кто является закоренелым противником воли Божией. Следовательно, никто кроме них самих в этой участи не виноват. Всем остальным Бог предлагает путь спасения, который надо успешно пройти. В чем же состоит успех на пути спасения?

Преп. Макарий говорит:

В чем же состоит успеяние нашего спасения? Как вы полагаете? В том ли, чтоб проходить большие подвиги и думать, что мы уже успели и находимся на пути спасения, и сим утешаться? Нет, успеяние нашего спасения состоит во смирении. Когда мы, и делая благо, не полагаем во оном надежды спасения, но считаем себя землю и пепел. Когда же мы, делая что благо, возмним о себе нечто, тогда отнимается от нас сила к творению благого и попускается побеждаться страстями, дабы смирили свое мудрование, почитая себя хуже всякой твари. Или вы не знаете, что Господу Богу приятнее грешник с покаянием, нежели праведник с гордостью? Теперь понимаете ли вы, что обеты монашеские и самая одежда есть нам помощь к стяжанию смирения? [2, т.2, с. 388—389].

Вновь важное рассуждение о роли смирения. По своей сути смирение есть универсальная основа всякого правильного мышления и поведения. Сам Господь говорит о том, что Он — смиренный Бог (Мф. 11:29). Для человека смирение означает пребывание в своей изначальной сущности образа и подобия Божия. Ибо если Бог смирен, то и человеку подобает также быть смиренным.

Разумному сотворенному существу, каковым является человек, смирение дает верное понимание того, что в сотворенном мире только Бог дает силу совершать все благое. Если мы совершаем благие дела и не ставим их себе в особенную заслугу, считаем их нормой — то Бог подает нам силу совершать их и далее. Но если мы начнем превозноситься, думать о себе как об особо достойных людях, то покидаем смирение и приближаемся к гордости. Тем самым, к сожалению, покидаем свою сущность образа и подобия Божия. Для предупреждения нашего схода со спасительного пути Господь отнимает в таких случаях от нас

силу к творению благого. И не только отнимает, но и попускает побеждаться страстями.

Побежденные страстями, не способные к творению благого, мы обыкновенно этим вразумляемся. Со стыдом признаем ошибочность своих прежних мудрований и начинаем смиряться — умалять себя в своих глазах вплоть до почитания себя «худше всей твари». И становимся грешниками с покаянием, а не праведниками с гордостью. Старец напоминает, что такие мы приятнее Богу, ибо вновь обращаемся к смиренному и верному восприятию себя и мира. Поэтому успех нашего спасения заключен в смирении.

Преп. Никон учит:

Немощны мы. Ничего не можем сделать своими силами. Какое бы ни было великое дело, все это — внешнее, земное. Все по воле Божией и по неисповедимым судьбам Его обращается в ничто. Все — временно, и дорожить им мы должны, поскольку оно служит нам для спасения нашей души. Одно только это надо неизменно помнить и об одном только этом, спасении своей души, заботиться, а все остальное предать в волю Божию. Смиряться должно [2, т. 2, с.399].

Здесь старец объясняет, почему надо смиряться и не думать много о себе, своих способностях и роли в жизни других людей. Мы сами по себе немощны, хотя бы и думали что это не так. Ничего без Бога сделать не можем. Но даже и в том случае, когда Господь благоволит нам совершить великие по нашим меркам дела, то и они затрагивают лишь внешнюю, земную сторону жизни, и по Его воле носят преходящий характер. Со временем след этих дел изглаживается, и новые нужды требуют новых усилий.

Оттого-то и надо дорожить всем временным лишь в той степени, в какой оно служит нам для спасения души.

Например, использовать обстоятельства для добрых дел, для выполнения заповедей, но понимать это как норму, как необходимую часть нашей жизни, а не как нечто особенное и возвеличивающее нас.

И только так нас Господь ведет по жизни, давая силу совершать то или иное благо, или отнимая ее, если мы начинаем превозноситься и вредить спасению своей души. В этом постигаем необходимость умеренного, ровного отношения к нашей жизни, которое позволяет избежать ненужных крайностей.

5.2. УМЕРЕННЫЙ ПУТЬ

В избегании крайностей состоит одно из самых важных требований прохождения спасительного пути. Преп. Макарий отмечает:

...Путь, ведущий ко спасению... должны проходить, не уклоняясь ни на десно, ни на шее, не простираясь к превосходениям и не уклоняясь во оскудение делания; при благом нашем произволении, имеющем основание веру, должно отвергнуться во всем своей воли и разума и предаться в повиновение духовному отцу и учителю, от сего стяжывается смирение, которое сохраняет инока от всех сетей и козней вражеских [2, т.2, с. 389].

Как для канатоходца в равной степени опасно склониться вправо или влево, так и для проходящего спасительный путь необходимо поддерживать равновесие. Нельзя «простираться к превосходениям», т. е. стремиться к достижению непосильных целей, брать на себя чрезмерную нагрузку в совершение тех или иных дел. Результатом будет срыв и душевный надлом. Столь же нежелательно

и уклонение «во оскудение делания» — сведение жизненных задач к минимуму, отказ от добрых дел. В этом случае лень и апатия будут преследовать спасающегося.

Лучший способ избежать всех сетей и козней вражеских, неизбежных в земной жизни — предаться в повиновение духовному отцу. Для этого нужно иметь благое произволение, т. е. собственное невынуждаемое, свободное, основанное на вере желание отвергнуться своей воли ради послушания отцу и учителю. В этом случае собственная несовершенная воля, вытекающая из малого духовного опыта и недостаточных знаний, перестает быть источником ошибок и заблуждений. Поэтому слушающийся отцу или учителю проходит свой путь ровно, преуспевает более тех, кто самодетелен, и по смирению наделяется благодатью.

Старцы часто призывали к умеренности в восприятии спасения, стремились не допустить крайностей в этом вопросе. Однажды преп. Амвросию был задан вопрос: «Как это праведники, зная, что они хорошо живут, по заповедям Божиим, не возносятся своею праведностью?» Преп. Амвросий ответил:

«Они не знают, каков ожидает их конец». «Потому,— прибавлял старец,— спасение наше должно соделываться между страхом и надеждою. Никому ни в каком случае не должно предаваться отчаянию, но не следует и надеяться чрезмерно» [2, т.2, с. 393].

Никто не должен опрометчиво считать, что его спасение — дело решенное и само собой разумеющееся. Даже праведники не знают, каков ожидает их конец и потому не возносятся своей праведностью. К этому можно добавить, что превозношение собственной праведностью

есть обыкновенная самонадеянность, которая вредна, поскольку истинно спасающийся надеется не на себя, а на Спасителя, и всегда помнит о Его суде. Поэтому мы должны иметь «страх», т. е. понимание и чувство того, что мы всей нашей жизнью проходим путь спасения, и пока жизнь не прожита, пока Господь не взял нас в райские обители, наше спасение не является завершённым. Нам предстоит еще доказывать и доказывать свою верность Богу, окончательность своего выбора и способность претерпеть все до конца и не отпасть от Бога по своей воле.

Также нужно быть осторожным и не впасть в другую крайность — отчаяние. К отчаянию может привести обостренное чувство собственного достоинства, греховности, слабости и неспособности исправлять грехи. Как ни странно, и это состояние тоже вытекает из самонадеянности, когда человек свое спасение ошибочно связывает только со своими мыслями, чувствами, словами и поступками. Вследствие такой ошибки неудача попытки жить праведно истолковывается как неудача самого спасения. Старец учит, что мы всегда должны иметь «надежду» — память о том, что Господь милостив. И помня об этом, смиренно уповать на Его благодать, как в этой жизни в виде помощи во всякой нужде (особенно духовной), так и в загробном мире в виде прощения всех наших грехов и поселения в раю.

Поэтому спасение наше должно совершаться «между страхом и надеждой»: ни праведность не должна вызывать иллюзию легкого спасения, ни греховность вести к заблуждению о невозможности спастись. Отсюда становится понятным, почему старцы считали бесполезным ясное видение спасения.

Преп. Амвросий в одном из писем замечает:

Из твоих суждений и рассуждений ясно показывается, что ты желаешь видеть, как на ладони своей, свое спасение. Но такое ясное видение может приводить человека или к гордости, или к разленению, а бесполезное и не дается людям, равно как и безвременное, т. е. преждевременное ведение о смерти своей [2, т.2, с. 391].

Ясное видение спасения может лишить человека «страха», привести к неправильному выводу, что спасение есть дело исключительно Божие, а сам человек к этому мало причастен и может вести себя как угодно. Однако гордость или лень, которые могут последовать за мыслью о неизбежности спасения, являются врагами спасения, и могут вовлечь человека в опасные обстоятельства.

В другом месте преп. Амвросий дает еще более подробные разъяснения по этому вопросу:

*...Пишешь, что ты вполне не получаешь удовлетворения в том месте, где живешь. На это много причин, а не одна. Святой апостол Павел пишет: **верою ходим, а не видением** (2 Кор. 5, 7). А ты хочешь спасение свое так видеть ясно и удовлетворительно, как на ладони, тогда как, по свидетельству опытных и духовных мужей, спасение христианина во всю жизнь его находится между страхом и надеждою. Ты же все вдруг хочешь знать и видеть ясно, тогда как и человеческого своего знания, относительно грамматики и прочего, не могла и не можешь вдруг передать своей Н. А для этого требуется немалое время, особенно когда человек пожелает побольше приобрести научного знания. Потребуется многие годы и много усилия и труда, к тому же и немало издержек. Словом, ты хочешь быть скорохватом. И, подобно апостолу Фоме, хочешь все испытывать осязательно. Хотя Господь и оказал снисхождение святому*

апостолу Фоме, но с упреком, глаголя ему: блаженни не видевшии и веровавши (Ин. 20, 29) [2, т.2, с. 394].

Спасение осуществляется через веру, а не через видение. Ссылаясь на святого апостола Павла, старец вновь напоминает о бесполезности для человека того знания, которое человек по своей немощи (недостаточной духовной крепости в виде склонности к тщеславию, гордости и т.д.) не способен понести. Общее правило для спасающихся заключается в умении держать себя между страхом и надеждой, что позволяет человеку сохранять необходимый баланс сознания и избегать опасных крайностей.

К этому преп. Амвросий добавляет указание на то, что даже обычное и общедоступное знание, вроде знания грамматики, не передается и не воспринимается вдруг и легко, но требует труда и изрядных затрат времени. С тем большим основанием можно приложить это указание к более сложному и ответственному знанию, которое касается обстоятельств пути спасения данного человека, трудностей и испытаний, которые он должен пройти и т.д.

По особой милости и ради помощи нам Господь наделяет некоторых Своих избранников (в частности, святых старцев) таким знанием через дар прозорливости. Но чтобы удостоится такого дара необходима особо чистая, святая жизнь, непоколебимая вера и большая любовь к Богу и людям. Такого знания мы, грешные, не заслужили да и не можем понести. Поэтому и не должны соблазняться, но должны укреплять себя в вере и держании спасительной срединности между страхом и надеждой.

А соблазн, к сожалению, всегда преследует, особенно от гордости. Посему действительная наша задача заключается в умении отразить соблазн, а не в произволении поддаться ему. Преп. Макарий так говорит на этот счет:

Ты пишешь, что хочешь спастись, но гордостное твое устроение много тебе мешает, а святые отцы пишут, что гордость и совсем лишает спасения; для того-то и книги нам написаны, чтобы мы отвергали гордость и стяжали смирение, и каким образом оное делать — учат нас и вразумляют. Читая книги, внимай более всего сему: как прогнать гордость и как приобретать смирение. А Бог подаст тебе случай к тому, например: тебя оскорбляют, укоряют, причиняют тебе досаду. Как же они могут сами собою это делать, ежели бы Бог им не попустил сего? И потому они суть орудия, коими действует Бог в деле твоего спасения [2, т.2, с. 391].

Все внимание и все усилия спасающегося обращаются прежде всего на получение знания и обретение опыта «как прогнать гордость и приобрести смирение». Если гордость приходит, то она сразу же начинает придавать ложное устроение душе. Признаки гордости: крайняя самоуверенность, с отвержением того, что не мое; превозношение, о себе мнение, зазрение людей, унижение и осуждение их.

Гордый надеется занять в жизни исключительно высокое место, а отношение других людей к себе видит только как обращенное к нему почитание и признание особой его правоты и глубины, служение ему. Такая модель отношений в корне ошибочна, и гордый никогда не получает того, на что рассчитывает. Как следствие, он впадает в гнев, жестокость, раздражение и злобу. Заканчивает он упорством в отказе от помощи Божией, т. е. отказом от спасения.

Распознать в себе первые побегии этого губительного произволения и не дать им обратиться в навык, не дать им «заматереть» — вот в чем заключается духовное попечение о себе. И Бог подает случай проверить, смирение

или гордость заняли сердце человека. Например, когда нас кто-то оскорбляет, укоряет, причиняет досаду. Старец прямо указывает, что не сами собой это делают люди, но Бог попускает им.

Для чего? Для того, чтобы мы опытно убедились чего в нас больше. И, с одной стороны, учились отгонять гордость, т. е. не впадать в злобу и раздражение на наших обидчиков и не быть слепыми в отношении наших собственных грехов, а с другой — прилежно учились приобретать смирение, т. е. терпеливо сносить обиды, сглаживать конфликты и не полагать других более грешными, чем мы сами.

Этим объясняется на первый взгляд странная мысль старцев, что оскорбления и укоризну надо воспринимать с благодарностью. Просто старцы указывают, что оскорбляющие и укоряющие нас люди являются орудиями Бога, посредством которых Он учит нас жить так, как подобает человеку. Поэтому в таких случаях надо благодарить Бога за науку, а людей — за то, что послужили Богу в деле нашего обучения и воспитания.

Проходя через такой опыт прогнания гордости и приобретения смирения, мы и учимся надеяться на милосердие Божие, которое действительно есть источник нашего спасения.

Преп. Макарий замечает:

Я не думаю, что вы полагаете свое спасение в исполнении правил, но предостерегаю вас от сего. И не только не надеяться на правила и на дела, но даже и на духовные дарования, — много и сим были обольщаемы, но на милосердие Божие возлагаться надобно о своем спасении. Надобно и делать, но с великим смирennemудрием [2, т.2, с. 394].

Даже духовные дарования могут обольстить человека. Ибо и они нередко становятся поводом для подмены в сознании человека подлинного источника спасения, каковым является Господь, свидетельствами Его попечения о нас, которые ошибочно принимаются человеком за проявление исключительно качеств своей личности и, как следствие, приводят к ложному мнению о «самоспасении». Эта тенденция утверждения «самости» есть действие все той же гордости, которая и перечеркивает порой даже сами духовные дарования.

Старец дает правильное понимание этого вопроса, которое заключается в том, чтобы о своем спасении всегда возлагаться на милосердие Божие, а не на правила, дела и духовные дарования. При этом роль дел отнюдь не отрицается, но указывается, что делать надо «с великим смиренномудрием», т. е. в состоянии смирения и освобожденности от гордости, что и позволяет человеку стать мудрым исполнителем воли Божией.

Или, как кратко и предельно ясно сказал преп. Макарий:

Спасение наше состоит в вере и уповании на милосердие Божие, предание в Его святую волю себя и всех нас... [2, т.2, с. 389].

В нас должна быть вера и упование на превосходящую все наши немощи и грехи силу милосердия Божия; в этой вере и этом уповании мы всегда должны предавать себя и всех нас в Его святую волю. Этим мы избегаем отчаяния когда дела, кажется, совсем плохи. Старцы умели с редкой убедительностью отвести отчаяние от своих подопечных.

Преп. Анатолий (Зерцалов) говорит:

Господь всех призывает, всех любит, за всех пролил Свою Святейшую Кровь, чтобы спасти человека, а не погубить. И вот видим — Святая Церковь воспевает спасенных блудников, разбойников, мытарей, хищников — и мы со святой Церковью молимся: «Господи, сопричти мя мытарю, разбойнику и блуднице». Вон какие спасаются! А ты какую ахинею взвалила на мою голову, будто ты не спасешься. Но хотя бы ты была даже хуже меня, и тогда не теряем надежды, что Господь спасет тебя [2, т.2, с. 394—395].

Утверждая веру и упование на милосердие Божие в деле спасения, старцы, вместе с тем, наставляли смиренномудрию в необходимых для спасения делах. В чем же заключается это смиренномудрие?

5.3. ТРУД И ЛИШЕНИЯ

Прежде всего, нужно помнить, что для спасения необходимо постоянно трудиться и терпеть нередкие в земной жизни лишения. То, что совершается легко и безболезненно, часто не имеет большой ценности. Вспомним слова Спасителя о бедной вдове, пожертвовавшей две лепты, которые составляли все ее дневное пропитание.

Поэтому преп. Антоний говорит:

...Сколько должно пролить поту, употребить трудов и претерпеть лишений, болезней, печалей и воздыханий для приобретения себе вечного покоя на небеси! А мы думаем, как и я, лежащи на боку, т. к. с мягкой постели, и после роскошной жизни, да и в Царство Небесное! [2, т.2, с. 390].

Если уж старец Антоний, известный своим исключительным смирением тяжелой болезнью и исключительным

радением в исполнении заповедей так говорит о себе, то сколько же нам всем надлежит укорять себя за стремление к легкой и безоблачной жизни? Мы порой считаем, что когда у нас все спокойно и хорошо, то и мы сами становимся спокойными и хорошими. При этом упускаем из виду, что отсутствие испытаний маскирует наши недостатки, грехи и пороки. И как только приходит какое-либо лишение, мы тут же и видим себя такими, какими и являемся на самом деле: малодушными, изнеженными, себялюбивыми, боящимися трудностей.

Без испытаний нам сложно увидеть все это в себе, а если и видим — то преуменьшаем и склоняемся к самооправданию. Духовный рост осуществляется через многие трудности, и в них на приходится проливать пот, трудиться и терпеть: только так возможно для нас приобрести хотя бы некоторые важные черты характера и личности, необходимые христианину, и изжить хотя бы часть того, что в нас неприемлемо с точки зрения христианских норм жизни.

И еще одно важное обстоятельство. Часто испытания приходя к нам как результат нашей собственной греховности. Плохо трудимся, ленивы — пожинаем материальные трудности. Неразборчивы и легкомысленны с людьми — имеем запутанные и сложные отношения с ними, и т.д. Поэтому страдания, которые неизбежны при нашей греховности, имеют воспитательный характер. Они подталкивают нас к переоценке того, что мы думали и делали, побуждают нас к более глубокому и правильному пониманию того, что в нашей жизни происходит.

Как только такое понимание вырабатывается, возникает и потребность привести свою жизнь в соответствие с этим пониманием. Здесь и надлежит терпеть последствия

своих прошлых грехов, бороться с негативными чертами собственного характера, которые стали для нас очевидны, и пытаться развить те качества нашей личности, очевидный недостаток в которых мы начали испытывать.

Старцы подводят нас к мысли, что Господь попускает нам испытания, чтобы мы исправлялись и становились способными к движению по пути спасения. Преп. Анатолий (Зерцалов) учит:

Смирись! Верю, что и тебе, и Г. тяжело, но разве и у нас, при старцах, нет таких примеров? Ей, обильно бывает, а чем поможешь, когда Бог попускает? Не на погибель же Он на нас попускает искушения, беды, скорби и болезни, потому что иначе и надежды спасения негде отыскать. А Господу Спасителю нашему, за спасение наше умершему позорною крестною смертью, хочется всех спасти. Он зовет, учит, угрожает,— а мы что? Мы себе почиваем на одре лени и самообольщения, а о спасении и думать забыли. некогда: надо то пороптать, то поспать, то посудить других, а других-то много; ну, и некогда подумать о душе своей и вечности! [2, т.2, с. 395].

Так и проходит наша грешная жизнь. Ропщем, спим, судим других ... и ничего не делаем для своего спасения так, как надо. Увы, «гром не грянет, мужик не перекрестится». Потому то и надо, когда нам тяжело, вспоминать свою прошлую жизнь и ясно видеть то, как мы своими же действиями и создали ситуацию, в которой нам тяжело. И не отчаиваться, не коснеть в этой ситуации, доводя ее до безысходности, но исправлять ее. Как?

Преп. Иосиф дает оптимальный совет — через понуждение себя на всякое доброе дело:

...Будь внимательной к своему спасению, пока есть день, т. е. надо себя всячески понуждать на всякое доброе дело, повторяю тебе: понуждать надо себя, ибо нуждницы получают Царство Небесное [2, т.2, с. 392].

Пока есть возможность, надо стремиться совершать всякое доступное доброе дело. Это может помешать комфортности нашей жизни, вызвать напряжение сил, к которому мы, возможно, не привыкли. Следовательно, здесь нужно понуждение, т. е. совершение доброго дела через усилие. Но как раз такая способность совершать добро через усилие и является признаком внимательности к своему спасению. Ибо понуждающие себя к добру и получают Царство Небесное.

Итак, смиренномудрие проявляется в понимании общих обстоятельств нашего пути. Говоря коротко, эти общие обстоятельства сводятся к следующему. По нашей греховности мы уклоняемся от спасительного пути и начинаем терпеть скорби; в скорбях начинаем разбираться в причинах происшедшего и видим виновниками себя самих; осознав себя виновниками, пытаемся выработать более правильное отношение к жизни; выработав такое отношение, сталкиваемся с необходимостью трудиться и терпеть, чтобы новое отношение стало реальным; в конечном счете привыкаем к мысли, что через понуждение себя ко всякому доброму делу мы и исправляемся, отчего и начинаем идти путем спасения.

Идти путем спасения означает, как учат старцы, нести «иго Христово». Это трудно с обычной человеческой точки зрения, но вознаграждается как в мире ином, так и еще на земле. Преп. Иосиф говорит:

Надобно стараться быть кроткой и смиренной, и тогда взятое иго Христово будет благо и бремя легко. Ухаживай за больным, как за самим Христом, и за это ты получишь спасение и на земле будешь избавлена от тяжелых страстей. Не бросай больную, а то Господь пошлет другую, добрую, а ты лишишься уготованной тебе награды. Враг потому больше и нападает, что твое послушание ему очень не по вкусу, а может быть он, пронырливый, и приметил близкий конец и хочет лишить награды. Кто за мзду делает что, то за что же еще ему будет награда? Кто охотно ради Христа делает туне, тот и получит от Него во сто крат больше и наследует жизнь вечную [2, т.2, с. 392].

Нелегко бремя служения людям ради Христа, и лишь кротость и смирение делают его легким благодатью Божьей. Старец обращает внимание, что в служении нужно терпение и постоянство, даже тогда, когда оно кажется тягостным. Враг всегда нападает особенно яростно, когда послушание соответствует воле Божией и приносит очевидную пользу людям. Так враг хочет отвратить людей от добрых дел и лишить их уготованной им за послушание награды — спасения и венца. В терпении искушений и постоянстве в послушании заключен еще один важный смысл: уже на земле человек через это избавляется от тяжелых страстей и становится чище.

Но не надо отчаиваться и тогда, когда дела спасения по каким-то причинам не удаются. Преп. Иосиф дает совет:

... Смиряться больше — когда не успеваешь в делах спасения, считай себя хуже всех в свете, прощай всех всегда и за все и прибегай всегда с покаянием и за помощь ко Господу [2, т.2, с. 393].

Если послушание не удастся, отступаем перед трудностями и грехи перевешивают наши добродетели, то и здесь есть надежное средство против бессилия и уныния. Надо смириться и признать очевидное: мы хуже всех, потому что другие делают, а мы ленимся; другие терпят и не отступают, а мы сдаемся и бросаем. И в этой ситуации нет ничего лучшего как прощать всех и всегда, памятуя о своей собственной неисправности. А вслед за этим — прибегнуть с покаянием и за помощью к Господу, чтобы Он дал нам послушание по силам и укрепил нас.

Поступая так, мы не утратим надежду на спасение. Об этом нужно особенно помнить в многозаботливой мирской жизни, в которой к тому же бывает и немало соблазнов. Как бы не был тернист наш путь, преп. Лев напоминает:

*О ваших скорбях касательно трудности спасения в мире, и при мирских занятиях, и в семейной жизни отвечаем словами Спасителя нашего: **от человек невозможно, от Бога же вся суть возможна** (Мф. 19, 26), только бы произволение ко исправлению не ослабевало, и нелicenseмерное покаяние смягчало бы суд Божий [2, т.2, с. 393].*

Нелегко прожить жизнь так, чтобы в ней были сплошь духовные успехи, а огорчения и недоразумения касались бы одних мелочей. Большинство из нас все же сталкивается с более или менее серьезными проблемами как внутреннего, так внешнего порядка. И под давлением этих проблем нас нередко посещает мысль, что трудно при данных обстоятельствах угодить Богу, трудно спастись.

Однако старец призывает нас верить Спасителю нашему, Который сказал о том, что Богу все возможно. И потому наша мысль должна обращаться не столько к вопросу

о трудности спасения, сколько к тому, чтобы не ослабевало наше произволение к исправлению и наше усердие в покаянии. Именно здесь мы и способны к деланию, а в том, что лежит за пределами наших сил — должны уповать на Господа.

Преп. Макарий показывает, в чем заключаются трудности спасения в миру:

...Вы скажете: везде есть спасение, и в мире с женами можно спастися. Истинно правда! Но тем более требуется труда к исполнению заповедей Божиих: жена, дети, попечение о стяжании богатства, мирская слава — все сие служит большим препятствием к благоугождению Божию. Заповеди Божии всем повелено исполнять, а не одним монахам, монахам же точию излишнее: сохранение себя в девстве и нестяжание, которые способствуют к сохранению прочих заповедей. Не заботимся о пище и одеянии, ибо в оных Промыслом Божиим оскудения не имеем... В мирском же житии удобнее увлекаются в преступление заповедей; имуще в сердце залог страстей, не только не пекутся о искоренении их, но и не считают за нужное, и при всяком случае пришедшей вине является действие страстей...

*Слава же мирская сколько увлекает человека от Бога и святых Его заповедей, известно из слов Господних: **возлюбиша человецы паче славу человеческую, неже славу Божию** (Ин. 12, 43)... Видите, что и самая вера от славы человеческой оскудевает, то может ли исполниться любовь к Богу и ближнему? [2, т. 2, с.397].*

Общие условия жизни в миру предполагают, что человек много внимания и сил должен прилагать к вопросам отношений с близкими. Эти отношения включают

материальные (обеспечение семьи) и бытовые (психологические и прочие) аспекты. Нередко добавляется и стремление разбогатеть или стяжать славу. Отсюда вытекают два следствия.

Первое, человек значительно меньше отводит времени на изучение слова Божия, молитву и осмысление того, как заповеди должны исполняться в его жизни. Внимание человека в известном смысле рассеивается, и он начинает пропускать многие духовно важные вещи.

Второе, по недостатку внимания к духовной стороне жизни, он нередко не принимает во внимание действие страстей и потому не искореняет их в себе. Страсти же влекут ко многим ошибкам и нарушению заповедей. Поэтому, действительно, в миру возникает много препятствий к благоугождению Божию. Но старец говорит о том, что эти препятствия надо преодолевать, и что они преодолимы — правда, потребуются больше труда для исполнения заповедей.

Данную тему продолжает преп. Амвросий:

*Нигде не сказано, чтобы спасение наше местом определялось, а, напротив, в Святом Евангелии прямо и ясно читаем: **аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди** (Мф. 19, 17), где бы кому не пришлось жить, по сказанному в псалмах: **на всяком месте владычество Его: благослови, душе моя, Господа** (Ср.: Пс. 102, 22). Спасение может получить христианин на всяком месте, и в мире живя. Но в Евангелии, в другом месте, читаем и следующее: **аще хочещи совершен быти, продаждь имение и даждь нищим** (Мф. 19, 21) и проч. Святой Исаак Сирий на основании этих слов пишет: «можно получить милость Божию малую и милость Божию великую в совершенстве, — которые совершенно посвящают себя Богу, оставляя мир». При этом*

*вникни в слова Господа: **аще хочещи внити в живот; аще хочещи совершен быти** (Мф. 19, 17, 21) и увидишь, что нигде Господь не хочет неволею понуждать человека, а везде представляет благому нашему произволению, и чрез собственное произволение люди бывают добры или злы. Поэтому напрасно будем обвинять, что будто бы живущие с нами и окружающие нас мешают и препятствуют нашему спасению или совершенству духовному. Самуил жил и воспитывался у Илии священника, при развратных его сыновьях, и сохранил себя, и был великим пророком.*

А Иуду и трехлетняя жизнь пред лицом Самого Спасителя не сделала лучшим, когда он видел столько чудес, постоянно слышал евангельскую проповедь, а сделался еще худшим, продал Учителя своего и Избавителя мира за тридцать сребреников... [2, т.2, с. 395 — 396].

Спасение не зависит от места жизни человека, ибо на всяком месте владычество Господа. Существенную роль в спасении играет произволение самого человека, его вера и отношение к заповедям (стремление их исполнить). Именно исполнение заповедей и дает возможность мирянам благоугождать Богу и идти в жизнь вечную.

Влияние же «среды» не должно абсолютизироваться. Старец Амвросий указывает на то, что «напрасно будем обвинять, что будто бы живущие с нами и окружающие нас мешают и препятствуют нашему спасению или совершенству духовному». Мешают наши страсти, грехи и недостаток произволения к угождению Богу. Если мы способны оставить все это, стать смиренными, кроткими и послушными Богу, то и в миру спасение и духовное совершенство возможны.

Но способность оставлять страсти и прочее не средой определяется, а лишь собственным произволением человека, ибо «чрез собственное произволение люди бывают добры или злы». Вот почему нам требуется осторожность и внимательность к спасению.

5.4. ОСТОРОЖНОСТЬ И ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ К СПАСЕНИЮ

Преп. Амвросий предостерегает:

*...Все мы христиане, пока живы, должны быть осторожны и внимательны к своему спасению. И мнящиеся из нас стоять, по слову апостольскому: **да блюдутся, да не падут** (1 Кор. 10, 12), памятуя всегда ужасающий пример погибшего Иуды. Немощные же из нас и падающие да возбуждаются надеждою исправления, видя утешительный пример благо-разумного разбойника, наследовавшего рай [2, т. 2, с.398].*

Те из нас, которые полагают, что усвоили заповеди и хранят их, должны быть всегда настороже: ибо страсти и грехи (гордость, зависть и т.п.) могут заставить нас врасплох и направить наше произволение ко злу. Бог предоставляет нас нашему произволению, и не только благому, но и — как показывает «ужасающий пример погибшего Иуды» — злomu также. Поэтому до конца жизни надо смиренно признавать свою способность впасть в грех и принимать все возможные меры для избежания падения.

Если же по немощи все же падаем, то опорой нам становится «надежда исправления», которая и свидетельствует самим фактом ее существования в нас, что наше произволение все же обращается к благому, к исправлению, а не закоренению в грехе. Утешительный пример

благоразумного разбойника показывает, что и после больших падений надо не терять эту надежду и с покаянием обращаться к Господу, который силен восставить нас.

Необходимость постоянного внимания к своему спасению предопределяет то, что каждый более должен заботиться о себе. Преп. Амвросий учит:

*Каждому из нас более должно заботиться о себе самом, о своей душе и о собственной пользе душевной, потому что, по слову Апостола, каждый из нас сам о себе воздаст слово Богу. — У нас же путаница оттого и происходит, что мы все более склонны к вразумлению других и стараемся не только убедить, но и разубедить и доказать многоразличными аргументами. — Дело же спасения совершается очень просто, как говорит Апостол: **мир и мейте и святыню, ихже кроме никтоже узрит Господа** (Евр. 12, 14). — И паки: **друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов** (Гал. 6, 2) [2, т. 2, с.398].*

Как просто: заботиться надо о себе (своим поведением), так как за себя, а не за других, придется отвечать перед Господом. Тем не менее и здесь часто возникает путаница вследствие нашей всегдашней склонности к вразумлению других. В общем, с бревном в глазу, зорки до сучков в чужих очах.

В противовес этому старец говорит о том, что спасение не заключается в убеждении и разубеждении других (тем более, когда речь идет о навязывании наших несовершенных мнений другим), а заключается в обретении мира и святыни, взаимопомощи в тяготах, чем и исполняется закон Христов.

Поэтому преп. Амвросий резюмирует:

...Все оставим на суд Божий и предадим забвению, заботясь только о своем спасении; так поступая, можем обрести и мир душевный, оставляя свои претензии на других. Если они не так действуют, то они за свои действия будут отвечать. Мы же позаботимся о себе — и довлеет нам [2, т. 2, с.398].

Много огорчений мы доставляем себе, обращая претензии на других и переживая временное и частное как основное в своей жизни. Помня о том, что Сам Господь оставляет нас нашему произволению, должны и мы уметь оставлять других их произволению. Ибо и им, как и нам, отвечать за свои, а не за наши действия.

С нас довольно позаботиться о себе. Такая забота направлена на стяжание мира и святости, что возможно только в состоянии бесстрастия. В освобождении от страстей и есть одно из проявлений подлинной свободы человека; к этому надо идти, и если хотя бы малая степень бесстрастия достигнута, то далее надо хранить себя чтобы не спастись из сего благодатного состояния. Об этом говорит пример жизни святых.

Преп. Иосиф замечает:

Если святые, достигшие бесстрастия, должны были иметь бдение над собою, чтобы не спастись из своего благодатного состояния, то тем паче нам грешным необходимо повседневное внимание и забота о своем вечном спасении. То, что мы еще живы, означает, что Господь терпит наши грехи и ожидает нашего исправления, а если кто законно потрудится о спасении, то того берет Господь в то время, когда он становится достойным милости Божией. Ленивых же и нерадивых берет смерть после того, как они перестанут подавать какую-либо надежду на свое спасение. Нам дана

свобода выбирать вечную радость или горе; потщимся же избрать первое [2, т. 2, с.399].

Бесстрастие — благодатное состояние освобожденности от страстей. В бесстрастии достигается ясность сознания и контроль чувств, которые позволяют не допускать ошибок омраченного сознания и преступления заповедей, вынуждаемого действием страстей. Данное состояние ценно для спасения, поскольку оно открывает наибольший простор для исполнения заповедей.

Вместе с тем, старец указывает, что и святым необходимо было бдение над собой, чтобы не утратить бесстрастия. Грешникам же надо намного больше потрудиться, чтобы удерживать те островки освобожденности от страстей, которые действием благодати в них появляются. Так надлежит поступать, ибо «то, что мы живы, означает что Господь терпит наше грехи и ожидает нашего исправления». Мы не можем исправиться, если растет наша страстность и усугубляются наши грехи. Исправление возможно в обратной ситуации — когда действие страстей, а вместе с ним и склонность грешить ослабевают в нас.

Тогда мы можем в большей степени выполнять волю Божию и надеяться, что Господь заберет нас в то время, когда мы станем достойны Его милости. Если же вовсе не печемся о спасении души, ленимся и не радеем о заповедях, то рискуем утратить способность к исправлению. В этом случае смерть заберет нас по причине того, что в глазах Божьих мы перестали подавать надежду на свое спасение.

Старец говорит, что нам дана свобода выбирать вечную радость или горе. Потщиться выбрать первое означает

выбрать труд и постоянное бдение над собой, чтобы быть достойными милости Божией.

В этом же смысле высказывается преп. Лев:

Прошу тебя внять своему спасению и не верить своим глазам... кои видят издалека чужие пороки, но не свои... [2, т.2, с.399].

Не чужие грехи, а свои собственные мешают спасению. Склонность высматривать чужие грехи и не видеть собственные — опасное повреждение духовного зрения. При нем нередко ложное впечатление об особенной греховности других дает и ложное ощущение собственной праведности. Так утрачивается самоукорение, смирение, терпение и любовь, с помощью которых и совершается спасительный путь.

Преп. Макарий говорит:

... Без самоукорения, смирения, терпения и любви спастись невозможно; с этими средствами и брани облегчаются, и коварства вражии низлагаются [2, т.2, с. 390].

Труд и бдение над собой как раз и заключаются в выработке и охранении в себе перечисленных старцем средств спасения. Они же есть и оружие против врага. Если оружие крепко (самоукорение непритворно, смирение подлинно, терпение долго и любовь нелицемерна), то и брани облегчаются, и коварства вражии низлагаются, а между близкими царят мир и согласие. Тогда и надежда на спасение основательна.

Если же этого нет, то преп. Макарий говорит о сомнительности спасения:

... Я, сколько мог, говорил им о согласии, о снисхождении друг другу, но они плохо на деле исполняют, и сами говорят, что не могут мирно между собою жить, а что толку из этого? И какая надежда спасения? Не имея плодов мира, любви и смирения, хоть бы и великие подвиги подъяли, но пользы не принесут... Без мира, любви и смирения сомнительно спасение [2, т.2, с. 390].

Мало абстрактно соглашаться с необходимостью согласия, снисхождения друг другу. Надо еще уметь всего этого достигать в действительности. Склоки, ссоры, взаимные обвинения как раз и указывают нам на нашу гордость, не смирение, завистливость и прочее. С таким «грузом» спасение и впрямь сомнительно...

И чтобы преодолеть таковую сомнительность спасения, нужно понимать, что средства спасения заключены в ближнем нашем и неискании своего. Преп. Макарий подчеркивает:

*...Спасение наше в ближнем нашем состоит, и повелено искать не **своего си, но еже ближняго** к созиданию (1 Кор. 10, 24) [2, т.2, с. 390].*

Любовь не ищет своего, но она живет внутри нас. Жизнь в любви к ближнему есть исполнение закона и обретение Царствия Божия внутри себя. Это и есть спасение, и есть внутреннее христианство, о котором преп. Амвросий написал так:

*О себе же самой пишешь, что ты постоянно более желаешь достигнуть внутреннего христианства. И держись этого, памятуя всегда Евангельское слово: **Царствие Божие внутри вас** (Лк. 17, 21) и паки: **еще внутренняя***

сткляницы будут чисты, тогда и внешняя будет чисты (Ср.: Мф. 23, 26). *Очищается же внутреннее наше исполнением заповедей Божиих, и терпением, и смирением, и искренним раскаянием, чего ежедневно требуем или требуется от нас* [2, т. 2, с.398].

В этих словах и заключен смысл учения Оптинских старцев о спасении. Старцы учат, что спасение заключается в благодатном (совершаемом силой Божией) обретении людьми Царствия Божия внутри себя через очищение души исполнением заповедей, терпением, смирением и искренним раскаянием. Пока мы на земле, нужно беречь и охранять от врага и собственного неразумия это присутствие Царства Божия в нас — ради того, чтобы после смерти навечно в нем поселиться.

Глава 6

УЧЕНИЕ О ПОМЫСЛАХ

С помыслами (скверными мыслями) мы сталкиваемся часто и порой считаем их обычным проявлением нашего собственного мышления. Хорошие ли мысли пришли нам в голову, плохие ли, считаем их по незнанию или недостатку опыта своими. Но помыслы — это не просто плохие мысли. Это не наши мысли, таящие в себе угрозу для нас. Оптинские старцы глубоко и всесторонне осветили важнейшие вопросы, касающиеся помыслов.

6.1. КОГДА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ БЕЗГРЕШИЕ

Появление мыслей (помыслов, помышлений) далеко не всегда подконтрольно человеку. Поэтому плохие мысли, если они не задерживаются в сознании человека и не действуют негативно на его поведение, не ставятся в грех.

Преп. Антоний говорит:

*О помышлениях же ваших святой Давид в книге псаломстей пишет так: **весть Господь помышления человеческая, яко суть суетна** (Пс. 93, 11). А посему и за грех не ставьте их, о чем я лично вам говаривал, но вы привыкли беспокоиться по-пустому [2, т.2, с. 67].*

Мимолетный помысел не создает вины, так как его возможность вытекает из обычных условий нашего мышления. Мы опытно знаем, что не способны заранее оградить себя от нежелательных мыслей, но и не связаны необходимостью одобрять и принимать любую мысль. Скоротечные и быстро забываемые плохие мысли, не повлекшие никаких последствий — суетны. Они безрезультатны, и потому беспокоиться о них означает беспокоиться попусту.

Тем не менее, было бы серьезной ошибкой полагать, что помыслы вообще не несут никакой угрозы человеку. Опасность — в поддержке помысла своей волей, которая дает возможность помыслу укорениться в сознании, набрать силу желания и превратиться в действия.

Поэтому старцы четко различают две ситуации. Первая — когда человек безгрешен, хотя бы и ему пришла на ум плохая мысль, но не укоренилась и миновала без последствий для самого человека или для другого. Вторая — когда плохая мысль не исчезла, но стала набирать силу и влечь человека к дурным поступкам. Здесь уже наступает ответственность человека за принятие помысла и согласие с ним. Соответственно, возникает задача охранения своей души от таких помыслов.

Преп. Варсонофий говорит:

Охранять свою душу от помыслов — это трудное дело, значение которого даже непонятно людям мирским. Нередко говорят: зачем охранять душу от помыслов? Ну, пришла мысль и ушла, чего же бороться с нею? Очень они ошибаются. Мысль не просто приходит и уходит. Иная мысль может погубить душу человека, иной помысл заставляет человека вовсе повернуть на жизненном пути и пойти совсем в другом направлении, чем он раньше шел. Святые отцы говорят,

что помыслы есть от Бога, помыслы от себя, т. е. от своего естества, и помыслы от бесов. Для того, чтобы различать, откуда приходят помыслы, внушаются ли они Богом, или враждебной силой, или происходят от естества, требуется великая мудрость [2, т.2, с. 69].

Отсюда мы действительно видим, что наши мысли отнюдь не всегда исходят от нас самих и потому нам неподконтрольны. Наличие трех источников помыслов должно подразумевать и три вида отношения к помыслам.

Мысли от Бога всегда важны, истинны и спасительны. Нам важно учиться распознавать их, всецело принимать и стремиться по ним выстраивать всю свою жизнь. Это бывает непросто. Как мы знаем из притчи Спасителя о сеятеле, слово Божие, к сожалению, может и утрачиваться нами. Бог не принуждает нас к выполнению Своей воли, но ждет от нас добровольного ее принятия. Поэтому наше нерадение может приводить и к отпадению от воли Божией. Преодолевать такое нерадение мы можем через опыт мышления, направленного на распознавание мыслей от Бога и их закрепление в сознании.

Помыслы от себя (от своего естества) столь же естественны, сколь необходимы. Как разумные существа мы, естественно, не можем жить без своих мыслей. Наше мышление в некотором смысле свободно: мы сами избираем предмет своих размышлений, делаем выводы из осмысленного и руководствуемся этими выводами в жизни. Но при этом должны не забывать, что ограниченность личного опыта, знаний и самой способности к мышлению может приводить к ошибкам или неточностям, которые становятся помехой на жизненном пути. В силу этого мы должны соотносить наши помыслы со Священным Писанием и Пре-

данием (в том числе и поучениями старцев). Это позволяет существенно снизить риск серьезных ошибок.

Помыслы от бесов разрушительны и несут серьезную опасность для людей. Они противоположны тому, что человек получает от Бога или законно (в согласии с заповедями и при помощи Божией) вырабатывает сам. Конечная цель таких помыслов — погубить человека, и поэтому учение старцев о помыслах в основном и предназначено для успешного противостояния этой угрозе со стороны врага. Говоря кратко, старцы наставляют правильному мышлению и правильным мыслям. Это правильное мышление вполне реализуется тогда, когда человек полностью очищается от бесовских помыслов и всецело принимает мысли от Бога, что и создает настоящую возможность для свободной и праведной мыслительной деятельности.

6.2. ПРАВИЛА БОРЬБЫ С ПОМЫСЛАМИ

Как же выстраивается, согласно старцам, линия обороны от душевредных помыслов? Она начинается с некоторого общего уяснения нами ситуации. Преп. Макарий объясняет:

Помыслы стужающие и беспокоящие имеют многое различие: прилог, или приражение помысла, не имеет греха, но есть искус нашего самовластия, к чему оное преклоняется — к ним ли, или к сопротивлению им, а когда бывает сосложение и сочетание с оными страстьми, считается грехом и подлежит покаянию. Не в силах будучи самим противиться оным, должно прибегать к Богу, повергать свою немощь и просить Его помощи, просить и Матерь Божию о помощи на оные. Когда кто одолевает бывает помыслами,

то это знак, что предварила гордость, а потому надобно через оные более смиряться [2, т.2, с. 66].

Как следует из приведенного наставления, нужно обратить внимание на следующее:

Первое соприкосновение с помыслом называется прилогом или приражением помысла. Враг «прикладывает» или «приражает» помысл определенного греховного или неудобопроизносимого содержания в надежде на его принятие человеком. Однако сам по себе контакт с этим помыслом, который вне нашего контроля, нашим грехом не является. По сути, он — искус нашего самовластия. Т. е. значение имеет не то, что помысл появился, а то, как на него человек реагирует — отвергает ли, сопротивляется, или пропускает в сознание для дальнейшего рассмотрения (собеседования с помыслом).

Если помысл прошел в сознание, рассматривается и анализируется нами, то произошло «сочетание». Ум принял помысл, а враг получил площадку для дальнейших действий. Ближайшая цель врага — превратить сочетание в «сосложение», т. е. добиться согласия человека с помыслом. На основе такого согласия помысл превращается в пленение и страсть — греховные состояния души, выливающиеся и в греховные действия. В сочетании и сосложении уже есть грех человека. Он проявляется в согласии допустить помысл к рассмотрению при сочетании, и в согласии с самим греховным содержанием помысла при сосложении. Эти грехи подлежат покаянию.

Чем глубже проник помысл в душу, тем труднее от него освободиться и тем более греховные последствия он имеет. Поэтому при первых признаках немощи, т. е. неспособности одолеть помысл и избавиться от него, следует

прибегать к Богу, исповедовать Ему свою немощь и просить помощи. Также нужно просить помощи и у Божией Матери. При этом частая подверженность помыслам и трудность освобождения от них нам указывают на неслучайность мысленной брани. Наша гордость приводит к тому, что Бог попускает приближаться к нам тем, кто имеет этот грех в избытке — бесам, и мы видим, кому мы через нашу гордость уподобляемся. Поэтому покаяние и просьбы к Богу и Божией Матери о помощи должны сопровождаться нашим радением о смирении, какового должно быть достаточно для одоления гордости.

Старцы советуют решительно вступать в борьбу на самой ранней стадии прилога, когда еще есть возможность победить самостоятельно. Преп. Макарий говорит:

Ты не понимаешь, как это: «побеждать и побеждаться от нас зависит»? А как же иначе? Приходит прилог какого помысла скверного; в твоей воле состоит принять оный или отвергнуть; когда сочетаешься с ним и сложишься, то уже пленилась и стала побеждена, а когда отвергла прилог, то победила... [2, т.2, с. 66].

Когда приходит прилог скверного помысла, еще в нашей воле принять его или отвергнуть. Если же принимаем, то и получаем свидетельство о том, что склоняемся перед относительно слабым действием врага, а потому и мало имеем надежды устоять перед более сильным.

В этой связи преп. Макарий учит:

Спротивляйтесь первому прилогу мысленному, сокрушайте младенцы вавилонские, пока они еще младенцы,— молитвою и смирением, а когда возрастут, то уже будут исполинами и трудно им сопротивляться [2, т.2, с. 66 — 67].

Совет старца прост и логичен. Не стоит ждать, когда прилог произведет сочетание и сосложение, и набрав в этих последних силу создаст для нас сложную ситуацию. Ведь тогда придется уделять особое внимание борьбе с злой силой, которая уже начала действовать в нас, а сама эта борьба может оказаться трудной и длительной.

Гораздо разумнее отвергнуть помысл, когда он еще не пустил корни в душе человека, не начал забирать из нее соки, не окреп и может быть отброшен сравнительно легко. Лучшее средство борьбы в этом случае — молитва и смирение. По молитве мы можем получить помощь свыше для противодействия (отбрасывания) прилога, а смирением не позволить врагу зацепиться за гордость или иной наш грех, которые предательски вводят врага в наши души.

Простое правило, которым прежде всего надлежит руководствоваться, преп. Макарий сформулировал так:

...Не предавай самовластия твоего первомыслию прилогов, которые по сложению с ними возжигают сласть в теле [2, т.2, с. 80].

Как только прилог обнаружен, т. е. появившаяся мысль идентифицирована нами как плохая и вредная, так сразу же мы должны употребить свою волю для отказа иметь какое-либо дело с этим прилогом. Его нужно игнорировать, «пропускать мимо ушей» и т.д. Уловка врага заключается в том, чтобы мы все же втянулись, по неосторожности ли, из любопытства ли, или из приобретенной ранее (увы) склонности к греху в рассмотрение прилога. И хотя субъективно мы можем иметь и благие намерения в этом случае, например намерение разобраться в содержании прилога и дать ему надлежащую оценку, все же это будет промахом с нашей стороны.

Ибо враг начнет убеждать нас в правильности прилога, искусно подбрасывая ложные, но не выявляемые нами немедленно как ложные, аргументы. А это значит, что нам нужно будет рассматривать и эти аргументы, а потом и следующие — и все это время прилог будет внедряться в наше сознание, а враг искать наши слабые стороны чтобы добиться своего. Это «свое» заключается в том, чтобы мы в том или ином виде приняли бы прилог («сложились» с ним), в результате чего у врага появилось бы уже и орудие телесного воздействия на нас — сласть в нашем теле.

Преп. Антоний закрепляет это правило, указывая границу между тем, что мы не в состоянии предотвратить, и тем, чего мы уже можем избежать:

А что вы в домашней молитве своей, а иногда даже и в церковной, ощущаете разные мысли и разсеяние, то это бывает так иногда невольно, а иногда произвольно. Например, в Москве и Санкт-Петербурге почти непрерывно проходят мимо окошек разносчики с разными мелочами и кричат: «купите, купите! продаю очень дешево». Чтобы не проходить им и не кричать, это не в нашей воле, а остановить их и вступить в разговор с ними и в рассмотрение разносимых мелочей, это в нашей воле, и мы не без убытка бываем, когда купим у них что. Так должно разуметь и об мыслях. Чтобы они не приходили, это не в нашей воле, а разговаривать с ними в нашей, т. е. если усладимся нечистым воображением, от чего да сохранит нас Господь! [2, т.2, с. 68].

Ненужные мысли часто появляются без нашего согласия на них. Но это несогласие должно сохраняться, т. е. мы не должны «разговаривать с ними». Если же такой разговор все же происходит, то это означает, что нечистое содержание ненужных мыслей привлекло нас и мы

услаждаемся таким содержанием и влечемся нечистым воображением. Но это и указывает на то, что наше несогласие сменилось на согласие, хотя бы мы и внутренне противились и укоряли себя за это. Старцы предлагают не давать врагу подобных лазеек и призывать Господа в помощь ради сохранения от этого соблазна.

Преп. Макарий показывает, к чему ведет уступка соблазну и призывает не поддаваться действию врага:

Ежели ж ты повинисься помыслам, влекущим тебя в мир и приносящим удовольствие от плотских наслаждений, то что безумнее этого? Будь уверена, что ни на малое время не получишь утешения, а томление и мучение совести всегдашнее обрящешь, когда же будешь противиться, то помощь Божиею и убежит от тебя враг [2, т.2, с. 80].

Помыслы зовут в мир плотских наслаждений, представляя его привлекательным. Но они скрывают то, что мир этот обманчив и не дает утешения. Удовольствия скоротечны, и это подталкивает человека к ненасытности, а через «зацикленность» на удовольствиях ослабляется и затрудняется все истинное в человеке. Томление и мучение совести будет постоянным сигналом о нерадении об истинном, и не будет спокойствия и утешения праведности. Поэтому надо сопротивляться помыслам и избегать участи, которой хочет для нас враг, и помощь Божия, если мы ее призываем, отгонит врага с его помыслами.

Борьба с помыслами делает человека духовно искуснее и мудрее. Преп. Анатолий (Зерцалов) говорит так:

Без помыслов не проживешь. Все равно как без навоза хлебушка не вырастишь. Премудрому они венец сплетают. Дай премудрому вину, и премудрший будет. А кто ими

оплетается, тот пусть кается, возстает и спасается [2, т.2, с. 76].

И для имеющего навык ведение мысленной брани не бывает легким. Случается, что и такой человек пропускает прилог и вовлекается в тот или иной помысл. Но обнаруживает позже, с какой мыслью он имеет дело, и чувствует свою вину. Осознание вины побуждает его к большей бдительности, неотложно требует умения быстро распознавать и отражать даже тщательно замаскированные врагом прилоги. От такого опыта человек еще больше умудряется, а терпение и неподатливость греху «сплетают премудрому венец». Но и тем, кто менее искусен, кто «оплетается», т. е. запутывается в помыслах как в сетях, дан тот же самый путь: через покаяние восстать, избавиться от помыслов и спрятанного в них греха, и спастись, держась веры и праведности.

Праведность, т. е. правильная и сильная жизнь, есть щит от помыслов и вызываемой ими тяготы. По грехам нашим мы бываем далеки от нее, потому и оплетаемся помыслами, ропщем и малодушничаем. Но и в этом состоянии нужно помнить сказанное преп. Анатолием (Зерцаловым):

А что помыслы мутят, и ропот, и малодушие, то это обычный плод неправильной и слабой жизни. Но придет час, и ныне есть, егда мертвии (т. е. духом) услышат глас Сына Божия и услышавши оживут, то есть Духом Святым [2, т.2, с. 69 — 70].

Неправильная и слабая жизнь! Как изменить ее к лучшему? Ответ дан: надо услышать голос Сына Божия и ожить Святым Духом. Все старческое учение направлено к пониманию и правильному исполнению заповедей, все в нем указывает через многий опыт на слышание голоса Божия без

искажений, которые вызываются нерадением, ограниченностью и привычкой увлекаться внешним. Усвоение учения в его полноте и дает понимание, как неправильная и слабая жизнь может быть исправлена, сделана чище и сильнее. И в этом обновлении жизни отстают помыслы, ропот и малодушие.

Прийти к такой жизни можно только через смирение, о чем напоминает преп. Амвросий:

...Сама сознаешься, что часто бываешь в борьбе с высокоумием. Блуди же за этим и отвергай гордые и всякие другие Богу противные помыслы. Все святые считали себя худшими всех, землю и пеплом, значит, если кто высокое о себе помышляет, тот не идет путем, указанным святыми отцами [2, т.1, с. 176].

Высокоумие — плод гордости человека, такое состояние ума, в котором ум постоянно упражняется в доказательствах превосходства над другими. Обычные проявления высокоумия: убежденность в собственной непогрешимости, вера в собственную исключительность, пренебрежительное отношение к способностям других и т.д. Святые противопоставляли высокоумию смиренномудрие, т. е. мышление, основанное на смирении. И если человек затруднялся следовать смиренномудрию, то это говорило и о его неспособности идти путем, указанным святыми отцами.

Преп. Амвросий замечает:

...Ты не можешь сознавать себя грешнее и хуже других. Чувство это явно горделивое, от которого и рождаются, и укрепляются хульные помыслы и хульные глаголы, как свидетельствует святой Лествичник, говоря: «корень хулы есть гордость». Если желаешь смирить себя, то помни

всегда слово одного святого, глаголющего, что самая исправная жизнь человека-христианина подобна только купели, а заповеди Божии подобны неизмеримому морю, как глаголет псаломник Господу: заповедь твоя широка зело (Пс. 118, 96). Если сравнить великое море с малою кадочкою воды, то и нечем возноситься будет возносящемуся [2, т.2, с. 88].

Гордость мешает нам признавать себя хуже других, мешает принять смирение, в котором гаснут недовольство, раздражительность, гневливость и другие греховные наклонности. Напротив, в горделивом расположении человека эти наклонности получают простор для развития. Гордый человек отягощен постоянными помыслами осуждения других, он мысленно и вслух ругает других, полагая себя во всем более осведомленным.

Если человек не закоснел в гордости, т. е. не утратил способность замечать ее в себе и сожалеть об этом, то он рано или поздно захочет смириться. Смиряющимся старец советует помнить о том, что самые лучшие наши дела и самая исправная жизнь всего лишь капля в неизмеримом море добра, которое заключают в себе заповеди Божии. Ощущение этой разности масштабов, несоизмеримости того, что делаем мы, и того, что подразумевают заповеди, и смиряет нас.

Проходя школу смирения, нам надо учиться не смущаться и не унывать от разных неудобств, причиняемых помыслами. Преп. Антоний говорит:

В рассуждении частого разговора вашего с помыслами своими также не должно смущаться вам и приходиться в уныние, ибо помышления таковые, кажется мне, не больше, как сонная греза. Некоторые люди бредят только ночью в глубоком сне, а мы с вами грешные часто бредим и наяву... Вречество

на сие одно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную и силою креста Твоего огради моя помышления от суетного и душевредного парения! [2, т.2, с. 67].

Если прилоги не удастся сразу отразить и мы по немощи вступаем в разговоры с помыслами, то это становится и некоторым испытанием для нас. Помыслы привязываются к нам, начинают подавать разные поводы для сомнений, тревог, страхов, стыда и других малоприятных переживаний. Но и здесь надо не унывать и тоже применять правило игнорирования, как и в случае с прилогами. Помыслы надлежит рассматривать как сонную грезу, т. е. нечто иллюзорное, мимолетное, мало затрагивающее реальную жизнь человека. Чем меньше придается значения помыслам, тем больше они слабеют и в конце-концов оставляют человека. От навязчивых и тяжелых помыслов ограждает Господь. Ему и надо в таких случаях молиться.

Преп. Никон также отчетливо выражал эту линию:

Мимолетные мысли, к которым сердце не прилепляется, быстро проходят, как в калейдоскопе. Ум наш никогда не останавливается, всегда занят. Дурные мысли не надо считать своей неотъемлемой собственностью, они не от нашего естества. Не может один и тот же ум и славословить Бога, и хулить. На такие мысли не надо обращать внимание, надо выбрасывать их, как сор, как нечто постороннее. Если же какая-либо дурная мысль неотступно приходит на ум и сердце к ней прилепляется, сочувствует ей, тогда надо приложить все силы, чтобы выбросить ее с помощью молитвы Иисусовой и исповеданием старцу [2, т.2, с. 76].

Мысли, которым мы не уделяем особенного внимания, образуют своеобразный «фон» в нашем сознании. Они не

становятся началом идей или практических замыслов, не притягивают другие мысли и не образуют с ними те или иные сочетания. Они мимолетны, и ум перебирает их, никогда не останавливаясь в своем занятии, но и не цепляясь ни за одну из них. Это свойство ума не привязываться к мыслям — полезно, ибо оно удерживает нас от обязательного рассматривания помыслов, если таковые пришли.

Среди мимолетных мыслей случаются и дурные, например, богохульные. Не нужно сильно смущаться или скорбеть по поводу таких мыслей — старец ясно указывает, что они не наши. А раз не наши, то и нечего беспокоиться, нужно лишь выбросить их из головы как мусор. И лишь в случае особой навязчивости, неотступности дурных мыслей следует освобождаться от них усилием воли, молитвой Иисусовой и исповедью старцу.

По поводу исповеди помыслов преп. Иларион замечает:

На вопрос твой, какие исповедовать надо помыслы. — Только те, которые борют душу, а о прочих много беспокоиться не надо, а то чрез это они будут более стужать [2, т.2, с. 70 — 71].

Предметом нашей заботы должны стать не всякие помыслы, но только те из них, которые борют душу. Прочие же помыслы надо игнорировать, не беспокоиться о них. Иначе наше внимание к таким помыслам усилит их, ибо враг, стоящий за ними, ободрится нашим вниманием и предпримет дополнительные усилия для внедрения помысла в наши души.

В этом особенность ситуации: чем меньше мы тревожимся и боимся помыслов, тем менее они способны принести нам вред. Ибо их вред проистекает из длительности воздействия помысла на наше сознание и силы такого

воздействия. Поэтому чем более мы склонны рассматривать помысл как мимолетный и неважный, тем более он таковым (мимолетным и неважным) и становится. Но если тревожимся зря, многократно возвращаемся к нему — он набирает и длительность, и силу.

В общем, как сказал преп. Антоний:

Тревожные мысли — хуже всего, коих и должно опасаться всегда [2, т.2, с. 68].

Старцы, говоря о помыслах, наставляют осмотрительности и разумности нашего поведения при их нашествии. Следует ограничивать время контакта с прилогом, пользуясь способностью нашего ума непрерывно перебирать мысли, не задерживаясь на них. Это препятствует превращению прилога в сочетание и сосложение. Если сочетание все же произошло, полезно придерживаться все той тактики умаления значения помысла, пренебрегания им, чтобы хотя и через большее усилие, но все же освободиться от него. В более сложном случае, когда наступило грозящее страстью сосложение, надо молиться Господу о помощи и исповедовать грех.

6.3. О НЕОБХОДИМОСТИ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

Об этой-то осмотрительности говорит и преп. Иосиф:

Относительно помыслов надо быть осмотрительней и с плачем вопиять — Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя [2, т.2, с. 68].

Погибание в помыслах может происходить, если неосмотрительно не учитывать действия врага, который стоит за помыслами. Хитрый и злой враг имеет множество

уловов, и нам надлежит для успешного противодействия ему изучить с помощью старцев его повадки. Действия врага разнообразны и настырны, он готов использовать любую слабость в нас для достижения своих планов гибели человека.

Преп. Амвросий говорит об этом так:

...Вся эта противоречащая путаница есть действие врага, который борет и десными и шушими, то тоскою и страхом, то высокоумием и самонадеянностью, а когда отвергают его внушения, то опять шепчет: «благоже, благоже сотворил, победил, соделался велик». Тебе сильно казалось, что действительно пришла в меру совершенства, а сама пишешь, что голова пустая, душа, как разграбленная храмина, что с трудом привыкаешь к устной молитве, а четочного правила ни разу не выполнила, потому что, как только за него берешься, начинает тебя сильно ломать. Откуда же взялось твое совершенство? Видим, что тут явное противоречие, которое прежде всего врачуется искренним покаянием и чистосердечным исповеданием «кому следует» [2, т.2, с. 73].

Путанность наших мыслей и противоречивость чувств в отношении самих себя, наших близких, природы наших суждений и образа наших действий нередко вызывается прямым действием врага. Он стремится любое наше сомнение и чувство вины за что-либо отяготить непомерно и вызвать сильные тоску и страх. Эти последние открывают дорогу самым черным мыслям, подавляют волю и толкают к отчаянию. Однако подвергшийся мысленной агрессии человек может собраться и отвергнуть домогательства врага.

Потерпевший неудачу враг тут же пытается из самой своей неудачи сделать новую уловку. Он приступает

с другой стороны и начинает нас хвалить: «хорошо бесов отогнал, молодец, ты сильнее их, ты вообще великий человек». Увы, лесть может сделать то, что были не в состоянии сделать угрозы — привести к нашему падению через высокоумие и самонадеянность. В любом случае человек в такой ситуации имеет весьма противоречивое восприятие если, конечно, он не наделен даром самоконтроля и полного понимания происходящего. Из наставления старца Амвросия видно, что мы часто склонны под влиянием врага считать себя совершенными, достигшими если не всего, то весьма многого. И нам трудно понять, отчего же такой сильный контраст между тем, что представляет наше самомнение и тем, мы видим и ощущаем в действительности — пустоту головы, трудность совершения обычных действий, например, чтения молитвы и т.д. Сильный и решительный шаг здесь состоит в том, чтобы покаяться и перестать кичиться своим «совершенством». Так и преодолевается уловка врага, построенная на лестии.

Не следует удивляться, что помыслы досаждают человеку и тогда, когда он делает хорошее дело. Преп. Макарий замечает:

Не удивляйся тому, что во время службы находят тебе помыслы различные: когда ты принимаешься за оружие против врагов, т. е. молитву, то и они на тебя вооружаются сильнее прилогами помыслов. Прибегай ко Господу на них молитвою и не смущайся: они исчезнут, а когда будешь смущаться, видя, что оные не оставляют тебя, то сим больше их на себя вооружаешь, а когда со смирением стоя вопиешь на них к Богу, то и успокоишься... [2, т.2, с. 73 — 74].

Что хорошо для нас, то вызывает приступ злобы у врагов. Молитва для нас — средство получения благодати.

Для бесов же она сильнейшее оружие против них, которое они стремятся нейтрализовать прилогами. Эти прилоги как стрелы запускаются в человека, но их можно отразить отсутствием смущения и молитвой ко Господу с просьбой о помощи и защите. В этом проявится смирение, которое наиболее угодно Богу и наименее удобно для бесовской атаки. Обыкновенно при таком ходе событий успокоение человека достигается быстрее всего.

Полезно знать также виды помыслов и порядок, в котором враг их приносит. Преп. Никон отмечает:

Какие и в каком порядке приносятся врагами помыслы, во-первых, оскорбления и обиды, чтобы поколебать основание молитвы. Помыслы о земной славе и земном преуспевании под видом добродетели и даже чего-то духовного; основа их — гордость [2, т.2, с. 70].

Сначала в помыслах содержится то, что более всего может отвратить нас от молитвы. Это оскорбления и обиды, которые вызывают такое возмущение души, что молиться, как мы считаем, неуместно или стыдно. Так сказать, «не до молитвы». Если враг видит успех прилогов такого рода, будьте уверены, он сделает все, чтобы удерживать нас в состоянии обиженности, оскорбленности, раздраженности.

Далее во вражьей «табели о рангах» идут помыслы о земной славе и преуспевании как о добродетели. Здесь подменяются понятия. Например, земная слава сама по себе не может быть достойной целью человека. Она должна рассматриваться лишь как следствие — причем не во всех случаях обязательное — достойного проявления человека в чем-то полезном для людей. Но отнюдь не как само это проявление. Мечтание о беспричинной, т. е.

незаслуженной, славе, жажда обладания славой как таковой, славой как средством возвыситься над другими составляет истинное содержание бесовского помысла. Аналогично обстоит дело и с преуспеянием. Успех в чем-то — следствие надлежащих усилий, старания и трудолюбия, основанных на сознании полезности совершаемого дела. Но не самоцель ради возвышения над другими.

Преп. Варсонофий живо и убедительно характеризует применение врагом прилогов в храме:

...Иногда уходят из храма из-за помыслов. Это, конечно, неразумно. Враг подымает брань помыслов с целью вывести из храма. Не должно поддаваться врагу. В большинстве случаев у молодых бывают блудные помыслы, а у старых — помыслы гнева, воспоминание старых обид. Враг как бы говорит: «Ты помнишь, такой-то вот тебя оскорблял при всех, а ты смолчал, ни слова ему не сказал. Эх ты! А ты ему вот что, да вот что сказал бы...» Иногда от подобных помыслов иной весь вспыхнет от гнева. Надо бороться... [2, т.2, с. 75].

Следует избегать неразумного поведения при помыслах. Помыслы в храме — вовсе не повод покидать храм, ибо враг и насылает помыслы, чтобы мы ушли из храма. Нужно не поддаваться, сосредоточиваться на молитве и оставаться. Сам характер помыслов, указываемых старцем, и есть обычное свидетельство их происхождения от врага. Поэтому необходимо переставать разговариваться с помыслами, и это молчание помогает освободиться от них.

О том, насколько враг горазд на обманы, подмены и подлоги убедительно говорит преп. Амвросий:

Враг наш невидимый сам же вложит мысль греховную в душу человека, да тут же и запишет ее, как его

*собственную, дабы впоследствии на Страшном Суде Божи-
ем обвинить человека [2, т.2, с. 72].*

Насильное внедрение зла в человека и объявление его принадлежащим человеку — таков почерк врага. Делает он это ради обвинения человека на Страшном Суде Божи-ем. Поэтому несогласие с греховными мыслями, неприятие их есть свидетельство неправоты врага, которая человеческая душа производит своим отвержением помыслов. И здесь надо быть осторожным, ибо бесы прибегают к маскировке

Преп. Амвросий наставляет:

Вперед будь осторожна и осмотрительна при внушениях благовидных помыслов от врагов душевных. Как бы благовидны помыслы эти ни были, но ежели они приносят смущение и отчаяние, то это волки в овчих кожах, говорит Варсануфий Великий [2, т.2, с. 73].

Благовидные помыслы разнообразны, но суть их одна — при внешне благом оправдании они ведут к разрушению правильного дела или поступка, а то и всей жизни. Так, нам свойственно пользоваться критерием полезности при выборе образа действий. В святоотеческих книгах есть примеры использования этого критерия бесами для создания благовидных помыслов: монахов искушали помыслы оставления обители ради большей полезности жизни в миру, мирян — ухода в монастырь ради все той же большей полезности жизни вне мира. Хотя и кажутся такие помыслы благими, но производят они смущение и отчаяние, поскольку противоречат подлинному выбору человека.

Используют враги и провокацию, цель которой поставить человека в двойственное положение — либо принять

помысл, либо испугаться самого помысла. Преп. Анатолий (Зерцалов) разбирает такой случай:

Ты испугалась помысла, который тебе шепнул, что ты будешь святая; что ж тут страшного, а даже очень хорошо. И мы тогда стали бы чествовать тебя. Но только знай, что настоящие святые, совершившие все добродетели, считали себя в глубине сердца худшими всех, хуже тварей, хуже бесов. А мы с тобой не начинали еще добрых дел. А пугаться его нечего. Это диавольское дело — хульный помысел. Ты не принимай только его, т. е. не медли в нем и не увлекайся им, а смущаться тут нечем, мы знаем, что ты еще не преподающая [2, т.2, с. 86].

Расчет врага был на то, что либо падет подопечная старца и в ближайшее время станет считать себя святой, либо испугается (что и произошло) «своего» высокоумия. Старец учит подопечную отражать помысл с помощью простого и правильного рассуждения. «Святой быть хорошо, и нечего тут пугаться. Но в настоящее время не святая, как не святые и другие. Путь же к святости — большое смирение и обилие добрых дел, которых еще нет». Придерживаясь этих соображений, можно обойти помысл, если только не медлить и не увлекаться им.

6.4. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ПОМОЩЬ БОЖИЯ

В отношении хульных помыслов следует заметить, что враг внушает нам хулу на кого-либо в надежде, что эту хулу мы повторим. Это нельзя делать ни мысленно, ни тем более вслух. Преп. Амвросий предостерегает:

Знай, что хулу, внушаемую врагом на кого либо, вполне повторить грешно, и вредно, и оскорбительно [2, т.2, с. 88].

Здесь мы подошли к теме ответственности человека. До сих пор речь преимущественно шла о действиях врага, который иницирует помыслы, и непричастности человека к созданию помыслов. Человек должен в силу данной непричастности учиться не смущаться и не бояться помыслов. Однако если человек соглашается с помыслом, например повторяет хулу на другого человека в разговоре, то становится виновным в грехе.

Преп. Никон дает подробное наставление на этот счет:

...Враг рода человеческого не дремлет, ему хочется запнуть стопы человека, сбить его с дороги. Он борет человека всевозможными способами и средствами, он возбуждает мысленную брань, то есть борьбу с грехом в мыслях человека, с целью ввергнуть человека в грех и делом. Тяжела эта борьба. Доводит она иногда человека до уныния и расслабления, даже до согласия на грех.

И вот это согласие на грех уже погрешительно перед Богом. И в нем нужно каяться. Но если удержался человек, не впал в грех самым делом, то, значит, не запнулся стопы его, не споткнулся он. Но лишь человек выпустит веления закона Божия из памяти своей и из чувства сердца своего, грех прельщает его, и он падает, запинаятся стопы его, он сбивается с дороги, греша уже не мысленно только, но и делом [2, т.2, с. 77].

Враг вызывает мысленную брань в человеке, т. е. ситуацию, когда человек вынужден бороться с проникновением и углублением греховного прилога в душу человека через сочетание и сосложение. Цель врага — сделать эту борьбу

настолько тяжелой для человека, чтобы он впал в уныние и безволие, и в конце концов согласился на грех.

Согласие на грех, т. е. готовность согрешить не в мыслях только, но и на деле, уже погрешительно перед Богом. В мысленной брани мы не должны сдаваться, уступать давлению врага и выполнять его злую волю. Только терпеливое несение тяготы этой борьбы, отказ подчиняться врагу оставляет нас без греха. Старец указывает, каким оружием мы можем отразить врага. Это «веления закона Божия в памяти своей и в чувстве сердца своего». Стоит нам забыть о заповедях или охладеть к ним, грех нас прельщает и мы не можем одолеть его. И только наше покаяние и помощь Божия восстанавливают нашу способность бороться с грехом. Без покаяния сила Божия нас оставляет, как о том и говорит преп. Никон:

Согласие с помыслами греха есть общение с врагом, отсюда отступление от нас силы Божией и помощи [2, т.2, с. 70].

Как видно из поучения, Бог не наблюдает безучастно за мысленной бранью. В одних случаях Он использует Свою силу и помогает человеку, в других — оставляет человека. Знание почему так происходит важно, и преп. Никон поясняет:

Господь ждет: куда склонится наше сердце — сохранит верность Ему или предаст Его из-за временной слабости греха.

Сказали святые отцы: «отсеки помысл — отсецешь и все». Очень важно помнить, что всяким согласием с грехом, а через грех и с бесами, мы предаем Господа, предаем Его за мерзостную цену греха. Кого и на что мы промениваем?! Личное несогласие на грех и борьба против него молитвою и исповедью — необходимы [2, т.2, с. 78].

Отсечение помысла — вот цель, которую человеку необходимо ставить в мысленной брани. Отсекается помысл — отсекается все, в том числе делается невозможным согласие с грехом. Сопротивление бесов, насаждающих помыслы, должно преодолеваться усилием, борьбой, в которых главную роль играют молитва и исповедь. В этом случае человек сохраняет верность Господу и получает от Него помощь.

Позиция Бога — ключевой элемент учения старцев о помыслах. Хотя помыслы иницируются врагом, а человек вынужден от них защищаться, Бог попускает помыслы в наказание нам за гордость и ее плоды: высокоумие и т.д.

Преп. Лев показывает это соотношение между действием врага, нашей гордостью и попусанием Божиим:

...Вы получили некоторое спокойствие по прибытии от нас, чему завидуя, злокозненный враг вооружился против вас и смущает различными помыслами, представляя будто бы благословные причины, стараясь оными поколебать основание, на коем вы, при помощи Божией, желали созидать здание добродетели и благоугождать Господу. Вторая причина, что вы, желая угодить Богу, хотите скоро взойти на высоту добродетелей и мните это возможным от вас, что ясно доказывает в вас духовную гордость (в чем вы и сами себя сознаете), что, не находя деятельных плодов добра, которыми могли похвалиться, самое редкое желание добра служит ей (гордости) пищею. Эта причина доставляет удобный приступ врагу к сильному на вас нападению попусанием Божиим. Вот вам две главные причины вашего смущения и безпокойства... [2, т.2, с. 71].

Старец говорит о том, что завистливый враг, не переносящий в нас спокойствия и намерения быть

добродетельными, приступает к мысленной атаке, чтобы лишить нас всего этого. Казалось бы, Господь должен защитить нас в этот момент. Но вместо защиты Бог попускает атаку врага... почему? Для того, чтобы мы увидели уязвимое место в устройении наших душ. Бесы горды и противны Господу, но и мы горды, если мним возможным для себя взойти на высоту добродетелей и услаждаемся мыслью об этом. Эта печальная смычка с врагом через гордость и приводит к тому, что Бог через попускание мысленной брани дает возможность нам понять, с кем мы общаемся и солидаризируемся....

Попираемые врагами, мы каемся и просим Господа о помощи. В покаянии гордость отвергается, за основу поведения избирается смирение, и Бог, видя эту угодную Ему перемену в нас, посылает нам избавление от помыслов.

Преп. Макарий исчерпывающе раскрывает данную ситуацию:

Святые отцы вообще хульные мысли почитают не нашими, а вражескими прилогами, и когда мы с ними не соглашаемся, но и скорбим о том, что они к нам на ум лезут, то это и есть знак нашей в оных невинности. Отнюдь не надо смущаться о том, что они приходят. Ибо если человек смущается, то враг более на него возстанет, а когда не внимает оным, ни во что вменяет и за грех не считает, тогда и помыслы исчезают. О сем ясно пишет святитель Димитрий Ростовский в «Духовном врачевстве».

Но помыслы сии хотя не суть грех, но попусканием Божиим находят от врага за возношение наше, за мнение о себе или о своих исправлениях и за осуждение ближних. Когда человек, познав в этом свои грехи, смирится и не станет осуждать других, а принесет о сем покаяние, то получает от них освобождение... [2, т.2, с. 84].

Два аспекта борьбы с помыслами называет старец. Во-первых, не поддаваться уловкам врага, не смущаться и его грехи не принимать за свои. Во-вторых, исправлять свои недостатки, особенно гордость, заменяя их на смирение, от чего человек получает избавление от помыслов. Без второго первое не дает полного решения. Если только преуспеваем в том, что не смущаемся помыслами, но не смиряемся, помыслы регулярно возникают. Правда, они часто не вызывают тех неприятных последствий, бываемых при смущении, но своим фактом все же сигнализируют нам о наших нерешенных проблемах.

В общем, надо хорошо понимать возникающую в мысленной брани ситуацию и следовать советам старцев, в частности, советам преп. Амвросия:

Особенно не тревожься хульными помыслами, которые явно происходят от зависти вражией. Со стороны же человека поводом к оным бывает или горделивое самомнение, или осуждение других. Поэтому в нашествии хульных помыслов прежде всего укоряй себя за осуждение других и гордое мнение, за настоящее или прошедшее, нисколько не беспокоясь тем, что слышим неизреченные хулы вражи. А благовременно иногда произноси против оных слова святого Иоанна Лествичника: «иди за мною, сатано! Господу Богу моему поклонюся и Тому Единому послужу, а болезнь твоя и слово сие да обратится на главу твою, и на верх твой хула твоя да взыдет в сем и в будущем веце» [2, т.2, с. 87].

Сразу и решительно браться за основное — собственные грехи горделивого самомнения или осуждения других. Таково оптимальное поведение при нашествии помыслов. Через самоукорение и неосуждение других, через смирение устраняется повод для помыслов. А что говорит

враг, тем смущаться или беспокоиться не надо вообще. И если говорить ему что в ответ, то слова святого Иоанна Лествичника.

6.5. НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦЕВ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

С практической точки зрения важно понимать не только общую ситуацию с помыслами, но и частности, детали, «специфику». Каждый из нас обладает разным умением противостоять помыслам, подвергается прилогам разного рода и испытывает специфические трудности.

Когда мы немощны в противлении помыслам, надо вспомнить наставление преп. Варсонофия:

*Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спасаться... сразу у вас нет своих сил бороться с помыслами, то будете призывать Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять от нас помыслы. В грех они, как я уже сказал, поставиться не могут. Например, разве вы виноваты, что, когда отворили дверь кельи, вас охватил ветер и засыпало снегом. Никакой в этом вины нет. Но раз вы видите, что вам не под силу идти по такой вьюге, то можно спастись только бегством, именно, захлопнуть дверь. А другой, покрепче, он, подобно Давиду, выходит на единоборство, но не с голыми руками. Заметьте, с чем вышел Давид на Голиафа — с камнем. А что значит камень? **Камень же бе Христос** (1 Кор. 10, 4) [2, т.2, с. 75].*

Вполне вести борьбу с помыслами могут только святые. Освященные Богом, имеющие большой опыт и навык ведения мысленной брани они, конечно, могут не допустить врага в свое сознание. Но нам, немощным, лучше «спасаться бегством». Т. е. не полагаясь на собственные силы

начинать призывать Господа немедленно при появлении помыслов.

Впрочем, здесь возможны некоторые варианты. Если мы в состоянии отразить прилог, то его и надо отражать как учат старцы — игнорированием. Однако если прилог навязчив и мы чувствуем неспособность с ним справиться, то медлить уже нельзя. Нужно начинать молиться Господу о помощи.

Вот что советует в подобных случаях преп. Макарий:

Ты пишешь, что несколько дней непрестанно борют тебя разные помыслы, которые и объяснить затрудняешься ты. В особенности они смущают тебя во время пения, чтения и церковного служения. Этому удивляться нечего и не надо смущаться: помыслы лезут в ум твой против твоего желания, а ты, по немощи твоей, согласишься с ними и смущаешься. Молитва есть оружие против диавола; ты на него вооружишься, и он противостает тебе помыслами, но ты, вместо того чтобы смущаться, кайся пред Богом и смиряйся, сколько бы раз ни случилось тебе увлечься мыслями. Когда будешь иметь залог смирения, то враг не может противостоять оному. Итак, не смущайся, а кайся! Бог приемлет молитву смиренных [2, т.2, с. 74].

Ни удивляться помыслам, ни смущаться ими не надо — даже тогда, когда кажется что их появление особенно неуместно. Раз беремся за оружие молитвы против диавола, то и он берет против нас свое оружие помыслов. Это духовная война, а не прогулка по райскому саду. И враг может оказаться сильнее нас, навязывая помысел и не позволяя избавиться от него.

Это наша немощь, которая не должна тем не менее приводить нас в смущение или отчаяние. Коли не смогли не

увлечься помыслом, стали и нечисты, в чем есть и наша вина: не радели о заповедях должно, не занимались самовоспитанием — оттого и дали удобный приступ врагу. Но смущать нельзя. Надо каяться перед Богом и смиряться. Только это и даст защиту, ибо Бог любит смиренных и не оставляет их без помощи.

Смирение может заключаться, в частности, в том, чтобы терпеть помыслы не соглашаясь с ними. Об этом говорит преп. Варсонофий:

Вопрос: «Эти дни мне совершенно некогда было читать, самые разнообразные мысли не давали сосредоточиться, от этого даже пропала охота читать».

Ответ: «А вы выйдете на террасу, посидите, мирный вид на вас будет наводит молитвенное чувство. Стоит только взглянуть на нашу церковь... Помыслы отогнать не в вашей силе, а не принять — в вашей. Имя Иисусово отгоняет их. А иногда нарочно попускается помыслу беспокоить вас, надо терпеть помыслы, не соглашаясь, однако, с ними...» [2, т.2, с. 69].

Первое что нужно делать при появлении помыслов, попытаться настроить себя на мирный лад и не принимать их. Иначе говоря, присутствие помысла в нашем уме не должно вести к его рассматриванию, тем более к «развитию». Если это присутствие беспокоит нас, то надо помнить, что иногда помыслу и попускается беспокоить нас, чтобы было в нас смирение. Смирение в этом случае необходимо человеку для того, чтобы избежать еще более худших и опасных помыслов.

В соединении молитвы и терпения помыслов без согласия с ними заключается наиболее надежный способ избавиться от помыслов. Преп. Амвросий наставляет:

Спрашиваешь: как лучше, скорбеть ли о помыслах или не обращать на них внимания? И то и другое не твоей меры, т. е. не следует тебе безтолково скорбеть, и не можешь еще презирать помыслов, а следует тебе со смирением обращаться к Богу и молиться. Только во время молитвы должно стараться отвергать всякие помыслы и, не обращая на них внимания, продолжать молитву, если же стужение помыслов усилится, то опять должно просить против них Божией помощи [2, т.2, с. 79 — 80].

Вероятно, это и есть основная линия нашего поведения в мысленной брани. Обращаясь в молитве к Господу, сосредоточивать ум на Его имени и воле, просить помощи и стараться отвергать помыслы; если последние не отступают и даже усиливаются — увеличивать смирение, помня о своих грехах, и снова просить Бога о помощи, не оставляя верной надежды на Его милосердие. Опасно отступать от этой линии и пытаться переспорить помыслы. Это уже гордость, за которую мы наказываемся.

Преп. Антоний говорит:

В последнем письме своем описываете вы о горьком и гордом помысле о муке вечной, и противник представил, что вы премудрее и справедливее Бога в своих суждениях! Видите, куда он вас поднял, — выше облак! Таких помыслов со смиренными не бывает, а вы страждете за превозношение свое и за многомыслие, ибо вы привыкли разговаривать сами с собою и думаете переспорить помыслы, но они отражаются молитвою Иисусовою и молчанием в мысли своей. Что делать, всякому человеку дан свой крест, который и должен он безропотно нести, ибо и сии негодные помыслы должны служить уроком к нашему смирению, а не кичению, ибо мы без Бога, своими силами, и с мухами не сладим [2, т.2, с. 68].

Привычка помногу разговаривать с самим собой и надежда переспорить помыслы рождаются из превозношения и многомыслия по ненужным поводам. Это и требуется врагу для того, чтобы использовать нашу «логику» для «обоснования» его помыслов. Так и доходит несмирренный человека до принятия помысла о своей предназначенности к муке вечной, теряя веру в Спасителя и путь, который Он нам дал. Как это нелепо и горько — поставить доводы своего плененного ума выше того, что говорит Бог..

Безропотно нести свой крест, отражать помыслы молитвой Иисусовой и молчанием в мысли своей. Сами негодные помыслы использовать для развития большего смирения, уповать не на себя, а на Бога. Только так.

Преп. Амвросий в своих наставлениях подробно и точно показывает правильную линию поведения при нашествии помыслов:

*Многоразличные внушения вражию считай наравне с хульными помыслами и старайся презирать их, молясь псаломским словом: **Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися. Да постыдятся и посрамятся ищущии душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящии (мыслящии) ми злая** (Пс. 69, 2 — 3). Когда же будут враги внушать похвалу и гордостное возношение, то продолжай следующий стих, глаголя: **да возвратятся абие стыдящися глаголющии ми: благоже, благоже** (Пс. 69, 4). Также приличное и в приличное время произноси из 39-го псалма, начинающегося так: **терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою** (Пс. 39, 2) и прочее по избранию до конца. Иногда же против гордых помыслов молись, как молился некто из древних отцев, глаголя: «Господи, чужда есмь всякого блага и исполнена есмь всякого зла: помилуй мя единым милосердием Твоим». И повторяй это*

много раз, если возможно, с земным поклонением. Главное же, старайся удержать веру и упование спасения, что Господь хочет всем спастися и в разум истины прийти. Враг же немощный только силится удалить человека от спасительного пути разными нелепыми внушениями и устрашениями, и возможными искушениями, чтобы как-нибудь поколебать человека и отвратить от истинного пути, и хотя он иногда, аки лев рыкая, ходит иский кого поглотити, но святой апостол Петр увещевает противиться ему твердою верою и упованием на Господа, что Он не оставит нас и силен упразднить и разрушить все козни вражи, как слышим часто в тропаре мучеников, которые, имущее крепость от Господа, мучителей низложиша и сокрушиша демонов немощныя дерзости [2, т.2, с. 78 — 79].

В многообразных внушениях врага им важно противопоставить слова Священного Писания и Священного Предания. Старец показывает, как молитва псаломским словом не только выражает просьбу о помощи, но и раскрывает истинный смысл происходящего при мысленной брани. Враг с помощью помыслов «ищет душу человека». Ради этого он готов льстить нам. Терпение нам абсолютно необходимо, ибо оно от Бога.

Гордости нужно противопоставлять смирение бескомпромиссно, устраняя всякую зацепку для нее, как это делал некто из древних отцов: чужда моя душа всякого блага и исполнена всякого зла, только одним милосердием Божиим милуется и живет она... Самое же главное — удержать веру и упование спасения, ограждая их от всяких нелепых внушений и устрашений, и возможных искушений. При нашей твердой вере и уповании на Господа Бог не оставит нас. Он силен упразднить и разрушить все козни вражи. Поэтому никогда, даже при самых сильных

помыслах и искушениях, даже при помрачении и пленении, нельзя падать духом и сдаваться.

Преп. Макарий учит:

Когда же и случится ниспасть через сложение и пленение помыслов в помрачение мысленное и плениться, то, не закосневая, припадай ко Господу с покаянием, смирением и сокрушением сердца, а не предавайся отчаянию, еще горшему самой страсти. Ищи же вины, откуда пришло сие, что тако пострадала? А вины суть: гордость, мнение о себе, уничижение и осуждение других, сластопитание, излишний покой, соображение с полем противным, и старайся удаляться, сколько можно, всего оно, а паче старайся смиряться, ибо, по слову святого Лествичника: где есть падение, тамо предварила гордость (Степень 23). Не закосневай в откровении, и это приводит к смирению, обличив себя пред другим; помнишь, когда сокрывала, что пострадала? [2, т.2, с. 80].

Чтобы бы мы не пережили в помыслах, какая бы страсть не захватила нас, как бы не казалось все мрачным и безысходным, выход все равно есть до тех пор, пока мы не сдались и не отчаялись. Отчаяние горше любой страсти, ибо оно отбирает последнее и самое важное в нас — способность припадать к Господу с покаянием, смирением и сокрушением сердца.

В борьбе с отчаянием наше оружие — сознание своих грехов. Если не погрешим против правды, т. е. не скажем, что в наших страданиях виноваты все, кроме нас, но скажем: наша гордость, мнение о себе, уничижение и осуждение других как и прочие грехи привели нас к бедственному состоянию — тогда закрыта в душе будет дверь для отчаяния, и открыта дверь для покаяния. И надо скорее войти в дверь покаяния, раскрывая произошедшее перед

другими и обличая себя. Так мы обретаем целительное смирение.

В откровении (раскрытии помыслов и страстей перед другими) не следует входить в детали, ибо это равносильно рассматриванию помыслов вслух. Преп. Иосиф советует:

В страстных и греховных помыслах не должно разбираться, но употреблять против них меч духовный. Это тебе и В. говорю, а размышлять о страстных помыслах и разбирать их — только усиливать их. От пристрастия да хранит всех Господь. Исповедовать свои помыслы надо с сердечным сокрушением, с сознанием своей греховности, с покаянием, так же и выслушивать исповедь надо с молитвою, то и вреда не будет. А лишних разговоров или подробных объяснений не надо делать [2, т.2, с. 82].

Довольно на исповеди без лишних разговоров указать на общий характер помыслов (хулительные, блудные и т.д.) и степень их воздействия (сочетание, сосложение, страсть), если она понятна. «Живописать» не надо — это реклама бесовщине, которая вредна. Основное же — искренность и неполовинчатость покаяния и желания избавиться от помыслов и страстей.

В этом смысле высказывается преп. Лев:

...Страстные волны и <бури> чрез помыслы и сонномечтаниями обуревают твою душу, и во оных находишь себя виновною нерадением, леностью и прочим. Это справедливо, что вины подаешь, но во всех оных твоих поползновениях всегда приноси Богу покаяние с сокрушенным сердцем и всегдашним самоукорением, и Бог не попустит возобладать врагу твоим сердцем, только ты сама, сколько можно, сопротивляйся страстным помыслам, не допускай их до сердца, а прибегай

к Богу молитвою и сознанием своей немощи. <Хорошо и> об страстных делах не иметь никаких разговоров, кроме откровения <духовной> матери, которое весьма бы было для тебя полезно, но я вижу, ты по оным пред нею закосневаешь от стыда, и сие есть вид гордости [2, т.2, с. 81].

Пример того, как ситуация с помыслами понималась подопечной старца не до конца. Из самого наличия помыслов и сонномечтаний правильно выводилась виновность в нерадении, лени и т.д. Но, вероятно, не было своевременного покаяния — что и привело к устойчивости помыслов. Нужно откровение помыслов духовной матери откладывалось от стыда, в чем проявилась неосознаваемая гордость. Не правда ли, что такая половинчатость часто свойственна и нам?

Надо понимать и истоки этой половинчатости. В душе человека идет борьба двух сил, и неполнота покаянного настроения свидетельствует о неуступчивости врага, его стремлении цепляться за человеческую душу до последней возможности. Как и о том, что и мы бываем непоследовательны, теряем бдительность и несем урон. Преп. Варсонофий говорит об этом так:

...Сомнения, все равно как блудные помыслы и хулы, надо презирать, не обращать на них внимания. Презирайте их — и враг-диавол не выдержит, уйдет от вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А если будете входить с ними в разговоры, ибо все блудные помыслы, хулы и сомнения — не ваши, то он закидает вас, завалит, убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: и любит, и хулит. Очевидно, что есть еще какая-то сила злая, навевающая сомнения. Заметьте, ведь это — серафимский ум. Поэтому несколько не удивительно, что он

может возбудить, поднять сомнения, да еще какие! Не обращайтесь на них внимания. Сколько было искренне верующих людей, которые сильно пострадали оттого, что принимали эти сомнения, рассматривали, рассуждали... Поэтому надо презирать эти сомнения, и хулы, и помыслы блудные, тогда они вам нисколько не повредят, особенно если будете их открывать старцу-наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе и старцу. Особенно блудные помыслы засыпать, закрыть надо навесом... эту смердящую яму, а не копать в ней [2, т.2, с. 85 — 86].

Враг легко ведет свою атаку, куда мы путаемся в своем смущении или страхе перед помыслами. Однако если умеем презирать, не обращать внимания на сомнения, помыслы и хулы, то это уже ответный удар по гордости врага. Горд враг, и сильно уязвляется он нашим пренебрежением к его прилогам и презрением. Оттого-то, видя отсутствие вреда нам и будучи уязвленным сам, он и оставляет атаку.

Входить же разговоры с врагом, как многократно говорили старцы, неразумно. Ибо «темы» для таких разговоров не наши, они вражьи, и враг знает как их развить к нашей гибели. Тем более, что изощренный, некогда серафимский ум дьявола сплетает сети, которые невозможно распутать слабому уму человека. Поэтому надо презирать, отвергать без рассмотрения все помыслы, и в целях большей безопасности открывать их старцу-наставнику.

Старцы давали советы по преодолению и конкретных помыслов, что делает их учение о помыслах весьма практичным. Опасны помыслы о собственном совершенстве, ибо они ведут к серьезным падениям. Преп. Амвросий подает совет:

Гордым и самонадеянным помыслам о совершенстве противопоставляй крайнее смирение пред Богом и людьми, выставляя себе прямо на вид, что ты и устной молитве еще не научилась, и келейного правила не исполняешь. Откуда же вдруг явилось совершенство? [2, т.2, с. 78].

Помысел о совершенстве — прямой продукт гордости и ее сестры самонадеянности. Только крайнее смирение, в котором мы способны видеть свою неисправность даже в простейшем, каковым мы полагаем, например, устную молитву, способно нейтрализовать наше внутренне самопревозношение.

Близки к гордым и тщеславные помыслы. Преп. Иларион говорит:

Тщеславные помыслы необходимо объяснять, тем только и можно их победить [2, т.2, с. 78].

Средство против тщеславных помыслов — анализ и объяснение их сущности. Когда мы видим, что тщеславие требует света без источника света, плодов без дерева и т.д., то сама нелепость этих требований останавливает в нас и развитие тщеславия. Дальше глубже: тот, кто до страсти любит земную славу, позабыл о славе Божией. Вот с этого пункта и надо давать оценки собственным помыслам к тщеславию, чем оно и побеждается.

Преп. Иларион дает наставление и в отношении помыслов самохваления:

В помыслах самохваления — надо смотреть свои грехи и помнить, что без помощи Божией мы ничего доброго и полезного не сделаем, наши одни только немощи и гре-

хи. — Скорби от игуменьи неси без роптания и молись за оскорбляющих тебя — не будет трудно [2, т.2, с. 71].

Привычка мысленно говорить о себе в превосходных тонах возникает из постоянного рассматривания своих добродетелей. Сколь бы ни были они малы, но если ничего не видеть кроме них, они в наших глазах начинают расти и расти. По сути, старцы говорят просто: глубоко освой и прочувствуй, что без помощи Божией действительно, без малейшей натяжки, ничего доброго сделать нельзя («даже с мухами не сладим»). А если хочешь посмотреть на то, к чему действительно способен без помощи Бога, то посмотри на свои грехи. При помыслах самохваления такое рассуждение быстро отрезвляет.

Все брани помысла нележки, но есть среди них есть и тягчайшие. Преп. Никон замечает:

Тягчайшие брани помысла: блуд, уныние. Надо смиряться. Смирение привлекает помощь Божию. Растлевающее действие блудных помыслов от услаждения ими — надолго отступает благодать Божия, привлечь которую опять можно только покаянием искренним и воздержанием от этих помыслов [2, т.2, с. 81].

Следует быть особенно осторожным и внимательным при блудных помыслах и помыслах, повергающих в уныние. Надолго отступает от нас благодать Божия, когда мы увлекаемся особенно мерзкими в очах Бога помыслами. К ним старец отнес блудные помыслы. При их нашествии искреннее покаяние и воздержание необходимы незамедлительно.

Лекарства же в этом случае прописал преп. Анатолий (Зерцалов):

От блудных помыслов средства: смирение, самоукорение, воздержание, а паче всего — любовь к ближним — к слабым, немощным, больным, плененным страстями сестрам [2, т.2, с. 81].

Любовь как совокупность совершенства лечит все наши недостатки и изъяны, устраняет все наши греховные наклонности. Поэтому старец как бы говорит: оставьте все мрачное и греховное, войдите в любовь где и есть все то, что нужно человеку. Ибо сказал евангелист: пребывающий в любви пребывает в Боге. Будем ли еще выбирать — пребывать в Боге или погибать в диаволе?

Глава 7

УЧЕНИЕ О СТРАСТЯХ

Если помысл, пришедший от врага — это потенциальная страсть, то реализовавшаяся страсть — это укоренившийся душе человека и пленивший ее в той или иной степени помысл. Старцы учат, что источник и корень многообразных страстей один — гордость. Поэтому страсти можно понимать как развитие тенденций самой гордости. Ниже на основе наставлений Оптинских старцев рассматривается в общем виде причина страстей и метод борьбы с ними, и семь тенденций гордости, порождающих те или иные страсти.

7.1. ПРИЧИНА И КОРЕНЬ СТРАСТЕЙ

У всех наших страстных (греховных) состояний души одна причина и один корень. Преп. Макарий говорит:

...Всех наших поползновений причина и корень — гордость; отрасли ее: превозношение, о себе мнение, зазрение людей, уничижение и осуждение их. Как бы мы ни старались делать добродетели, но при сих действиях они мрачны и не приносят пользы, ибо оные-то и суть преступление и сопротивление воле Божией; Его святое учение и самая жизнь есть кротость и смирение, коим и повелел нам научиться от

Себя, дабы обрести покой душам нашим (Мф. 11,29). Всех наших зол причина — гордость, а всех благ ходатай — смирение! [2, т.1, с. 168—169].

Главный и наиболее опасный порок души — гордость, и она ближайшим образом проявляется в превозношении над другими, самомнении, презрении к людям, уничижению и осуждению их. Эти проявления (действия, как говорит старец) гордости являются преступлением и сопротивлением воле Божией. Поэтому гордость — это зло; добродетели гордого человека бессильны принести пользу его душе и отвергаются другими людьми как несущие на себя печать зла, мрака. Душа гордеца постоянно терзается страстями, порождаемыми гордостью, она не имеет покоя и не способна нести мир другим. Единственное, что надлежит делать для душевного покоя и добродетельной жизни заключается в научении у Господа кротости и смирению; в них то и явлена воля Божия, они то и делают добродетели полезными для нас и наших близких.

Преп. Макарий далее разъясняет:

...Гордость же, всем известно, что есть самый богоненавистный порок, против коего должно поставить Христово смирение и всегда себя иметь худша всей твари... Мы, говоря: «Господи, даждь ми смирение»,—должны принимать те врачевства с любовью, кои нам от Бога посылаются ко уврачеванию — как гордости, так и прочих грехов, а оные суть: скорби, поругания, укоризны и досады от других, все это посылается Промыслом Божиим к нашему испытанию и исправлению, то и должно нудить себя носить их ко испровержению нашей гордости и за грехи; когда мы, приявши язву в сердце, представим наши скверны, то и неволью заградятся наши уста к противословию, а сия из первейших

скверн есть — гордость, ибо Писание нечистым называет гордого [2, т.1, с. 169].

Самый богоненавистный порок нуждается в радикальном лечении, ему нужно противопоставить смирение и умение считать себя «хуже всей твари». Только это останавливает неумное возношение гордости со всеми вытекающими из этого возношения последствиями. Молясь Богу о даровании смирения, мы должны с любовью принять те лекарства, которые посылаются от Него для исцеления от гордости и других грехов. Каковы же эти лекарства? — Скорби, поругания, укоризны и досады от других. Их исцеляющее действие начинается с испытания нашей способности смиряться и понуждения эту способность развивать. Если мятемся в скорбях, болезненно переживаем поругания, укоризны и досады — значит, гордость в нас жива, она по-прежнему представляет нас невиновными и незаслуженно страдающими, и не хочет принимать воздаяние за наши же грехи.

Напротив, терпеливо и спокойно проходя скорби и т.д., мы учимся освобождаться от гордости и принимать очистительное наказание за собственные грехи. Это и есть наше исправление. Ибо, принимая наказание («приявши язву в сердце»), мы видим и наши грехи («скверны»), за которые наказаны, а потому и не прекословим. В этом уже есть смирение.

Более того, и людей-то оскорбивших нас, надо не врагами своими считать, а благодарить их. Преп. Макарий замечает:

Главные наши страсти: гордость, самолюбие, а от них гнев, ярость, зависть, злопомнение, поречение ближних, презрение своего сердца; оные страсти лежат в нас сокрыты

до случая: кто нам их покажет? А мы, вместо того чтобы благодарить тех людей и стараться об искоренении оных (страстей), выдвигаемся на них (оскорбивших) яростию, укоризною и злопомнением, и сами себя наветуем якоже беси. А надобно бы, чтобы борьба со страстями нас смиряла, и, и видя свою немощь, прибежали бы к Богу, прося помощи Его, и получили бы оную несомненно. А мы, напротив, истязуем от других исполнения заповедей, себя оправдывая и тем мир нарушая... [2, т.2, с. 423].

В спокойной ситуации мы обычно спокойны и принимаем это спокойствие за естественное состояние своей души. Но стоит кому-либо обвинить или оскорбить нас, или получить предпочтение перед нами, как душевное наше равновесие тут же теряется: самолюбие наше этими обвинениями, оскорблениями или предпочтением задето, гордость ущемлена, и вот мы уже в гневе, ярости, зависти, припоминаем обидчикам все, что можно, злословим на них и презираем их. Мы считаем, что в наш достойный мир ворвались недостойные люди, которые вполне заслуживают подобного отношения.

Между тем старцы обращают наше внимание на полезную роль, которую играют эти люди для нас. Скрытые в нас страсти благодаря им выходят наружу и становятся очевидными. И наше дело заключается в том, чтобы не давать простора для собственных страстей, но вступить в борьбу с ними. В этой борьбе мы часто терпим поражение, т. е. не можем победить в себе страсти. Это должно смирять нас, т. е. приводить к осознанию собственной немощи и обращению к Богу за помощью, которую Бог смиренным несомненно оказывает. Вместо этого мы склонны себя оправдывать, т. е. полагать, что проблемы есть не у нас,

а у других, и начинаем требовать от других выполнения заповедей.

Обращаясь к одной из своих подопечных, преп. Макарий подчеркивает:

...Страсти не могут нами господствовать, когда мы противляемся им и призываем на них помощь Божию. Укрепляет же на нас и подает им над нами победу наше самолюбие и гордость. Против сих-то наиболее должна ты вооружиться и противляться им, тогда и другие удобно побеждены быть могут. Когда же мы падаем какою-нибудь страстью, то явно предварила оному падению гордость, по слову святого Лествичника. Посему надобно всего больше поучиться смирению... [2, т.2, с. 422].

Если мы отрицаем наличие в нас самолюбия и гордости, которые действительно есть в нас всех, хотя и в разной степени, или просто игнорируем их, или преуменьшаем их силу и негативное значение для нашей жизни, то мы становимся крайне уязвимыми для их действия, а также действия вызываемых ими других страстей. В этом случае нас ждет череда поражений от страстей, которые будут загонять нас в тупик.

Реальная борьба и победа над самолюбием, гордостью и другими страстями возможна только в том случае, когда мы видим их в себе, сопротивляемся им и не полагаемся на одни свои силы, но призываем помощь Божию. В этом заключается суть подхода старцев к борьбе со страстями: видеть в себе и бороться прежде всего со злейшей страстью (гордостью), всегда испрашивая помощь Божию и, преодолевая эту страсть, побеждать и другие порождаемые ею страсти.

Преп. Никон указывает, что собственными силами нам не обойтись:

Победа над страстями совершается силою Божиею. Наши немощные силы к этому недостаточны. В этом надо смиренно сознаться и смирением привлекать к себе милость и помощь Божию [2, т.1, с. 110].

Смирение играет очень важную роль в деле борьбы со страстями. Сколь бы мы ни были решительно настроены против страстей в себе, выдержать борьбу с ними нам не под силу. Не нужно гордиться хотя бы здесь, если гордимся во многом другом. И сознавая неизбежность поражения без помощи Божией, будем смиряться и просить эту помощь у Бога при всяком действии страстей.

Помощь же нам ходатайствует имя Господа Иисуса, молитва Иисусова, как о том говорит преп. Варсонофий:

*Святые отцы учат: с особенною <со всякою> страстию борись, но от блуда спасайся бегством. Да, а нам приходится (почти) от всякой страсти спастись бегством. Под бегством здесь разумеется не буквально бегство: ощутил в себе брань — так и уходи из обители, нет! Под бегством разумеется имя Господа Иисуса, молитва Иисусова, ибо сказано: **камень прибежище заяцем...** (Пс. 103, 18). Под зайцами разумеются все робкие, слабые, смиренные, которые не могут бороться со страстями своими силами... [2, т.1, с. 108].*

Молитва Иисусова, в которой сочетается наше смирение перед собственной немощью и искреннее упование на Бога, защищает нас от гордости, ибо в ответ Господь посылает необходимую для защиты благодать. Имея возможность противостоять таким образом злейшей страсти (гордости), мы можем подумать и «любимой», или главной страсти, которая свойственна именно нашему частному

устроению. И снова старцы считают, что мы немощны и в этой задаче, и что нужно молиться, чтобы Господь открыл эту страсть.

Преп. Варсонофий замечает:

Надо молиться, чтобы Господь открыл эту главную страсть, сам ее не найдешь. А найти ее очень важно для того, чтобы знать, куда направлять свои силы, т. е. знать, с какою страстью преимущественно бороться [2, т.1, с. 108].

Главная личная страсть может быть какой угодно, но ее основной признак — сильное негативное воздействие на человека, часто скрытое и не осознаваемое отчетливо. Эта червоточина подрывает силы, искажает восприятие, меняет приоритеты личности и потому безусловно требует своевременного исцеления. Путь здесь один: молить Господа об открытии своей главной страсти, с тем, чтобы начать борьбу преимущественно с ней.

Далее необходимо разотождествить себя как с главной, так и вообще с любой страстью, действующей в нас. Страсти несут зло, и потому они не в наших интересах и не наши. Преп. Никон так и говорит:

Надо все дурное, также и страсти, борющиеся нас, считать не своими, а от врага — дьявола. Это очень важно. Тогда только и можно победить страсть, когда не будешь считать ее своей [2, т.1, с. 110].

Пока мы оружие врага в себе считаем нашим собственным свойством, нам сложно что-либо этому оружию противопоставить. Отделение страсти от своей личности является необходимой и оправданной мерой в борьбе со

страстями. Иначе их не победить. Нужен также и более глубокий и комплексный анализ причин действия и средств исцеления страстей.

Основные пункты такого анализа дает преп. Амвросий:

Как же быть тем, которых как бы невольно тревожат и беспокоят нелюбовь и злоба, зависть и ненависть или смущает неверие?

*Прежде всего должно обратить внимание на причины сих страстей и против этих причин употребить приличное духовное врачевство. Причина неверия — любление земной славы, как свидетельствует Сам Господь во Святом Евангелии: **како можете веровати, славу друг от друга приемлющее, славы же от Единого Бога не ищите** (Ин. 5, 4). А зависть, и злоба, и ненависть происходят от гордости и от неимения любви к ближним. Врачевство же против сих страстей: во-первых, смиренное и искреннее сознание своей немощи перед Богом и духовным отцом; во-вторых, евангельское понуждение не действовать по влечению сих страстей, а делать противное им; третье врачевство — искать во всем только славы Божией и от Бога; четвертое врачевство — смиренное испрашивание помощи Божией... не сомневаясь, а веруя, что невозможное у людей — возможно от Бога. Пятое врачевство — самоукорение, т. е. во всяком неприятном и скорбном случае или обстоятельстве должно возлагать вину на себя, а не на других, что мы не умели поступить как следует и от этого вышла такая неприятность и такая скорбь, которой и достойны мы, попущением Божиим, за наше нерадение, за наше возношение и за грехи наши прежние и новые [2, т.1, с.114—115].*

Любовь к земной славе привязывает человека к земным условиям существования и сильно снижает его внимание и интерес к вопросам духовным. Поэтому он слаб для

веры и частенько исповедует неверие. В глубине любви к земной славе лежит все та же гордость, которая вызывает и другие страсти: зависть, злобу, ненависть. Для исцеления старец дает пять средств.

Во-первых, подлинное смирение. Не лелеять мысль о своем «сильном» характере или «всепобеждающей» воле, которые победят страсти, а просто и честно осознать и признать свою неспособность справиться с ними — перед Богом и духовным отцом.

Во-вторых, не проявлять и безволие, но собирать свои скудные силы и не поддаваться, насколько возможно, действию страстей, делая им противное. Сребролюбец, например, должен преодолевать свою страсть и жертвовать нуждающимся и т.д.

В-третьих, понять, что истинна только слава Бога и от Бога, потому и искать надо только эту славу во всем. Именно такое понимание дает возможность отказаться от гордости, тщеславия и прочих страстей.

В-четвертых, обращаться к истинной возможности победить страсти — помощи Божией, которую необходимо смиренно испрашивать при всяком действии страстей. И здесь, как замечает старец, надо преодолевать свои сомнения в способности Бога исцелять от застарелых и упорных страстей. Богу возможно все, но по вере подает Бог такое исцеление.

В-пятых, постоянно прибегать к самоукорению. Во всех неприятных или скорбных ситуациях виноваты мы сами, а не другие. Нам не хватило понимания, предусмотрительности, аккуратности и т.д., которые позволили бы избежать приключившейся беды. Бог попускает такие случаи за наше нерадение, возношение и прочие грехи. Самоукорение необходимо для того, чтобы мы смогли научиться вести себя правильно и не допускать неприятные или

скорбные ситуации. Обвинение же других отвлекает нас от этой жизненно важной задачи.

Оптинские старцы дают общее понимание причин страстей и средств борьбы с ними. Это понимание, как мы видели, включает следующие положения:

(1) в основе всех страстей лежит главная и злейшая страсть — гордость;

(2) смирение является единственно возможным ответом на проблему гордости;

(3) без помощи Бога победа над страстями невозможна;

(4) укоризны и досады от других выявляют нашу гордость и другие страсти, а потому являются для нас лекарством;

(5) целесообразно борьбу с производными от гордости страстями начинать с главной личной страсти, которую Бог открывает по молитве;

(6) важно разотождествлять себя со страстями, не считать их «своими»;

(7) в борьбе со страстями нужен комплекс мер: смирение, евангельское понуждение к добру, искание славы только Божией и от Бога, испрашивание помощи Божией и самоукорение.

Общее понимание должно быть дополнено анализом основных тенденций гордости, в которых проявляются ступени развития тех или иных страстей. Тенденции рассматриваются в последующих частях данной статьи.

7.2. ПОЯВЛЕНИЕ ГОРДОСТИ

Первая тенденция гордости, создающая ее саму, заключается в движении сознания от самолюбия через возношение к презрению людей. Самолюбие — это исток гордости, возношение — ее способ существования, презрение — результат и окончательный признак.

О самолюбии преп. Макарий говорит так:

*Самолюбие не есть врожденное, но прибывшее от греха. Не по самолюбию ли пал и первый ангел, пожелав быть равен Богу. Он сам избрел оное, а не так был сотворен, и тем же прельстил первозданных, внушив им: **будете яко бози** (Быт. 3, 5). Они, приняв сей совет, возлюбили себя, презрев заповедь Божию, вкусили от запрещенного плода; оттого помрачили и разум, и волю. Видите, самолюбие не врожденное в человеке, а прибывшее от греха. Святые отцы учат нас: самолюбив не может быть братолюбив; когда мы будем нищи духом и смиренны сердцем, по учению Христову, то далеко прогнано будет от нас самолюбие [2, т.2, с. 227].*

Самолюбие не является частью человеческой природы и изобретено не человеком. Оно передается человеку через соблазн, исходящий от падших духов. И этому соблазну нельзя поддаваться. Самолюбие, т. е. любовь, обращенная на самого себя, приводит к резкому снижению способности любить других. Возникает дисбаланс между большей любовью к себе и меньшей любовью к другим, противоречащий заповеди возлюбить ближнего «как самого себя». Если дисбаланс усиливается, человек приходит в конечном счете к тому, что любит одного себя и не любит других.

Доминирование любви к самому себе неизбежно создаст состояние сознания, соответствующее растущему самолюбию. Это состояние старцы называют возношением, превозношением, самомнением и высокоумием — и оно, по сути, является способом существования гордости в человеке. Т. е. убежденность в собственном превосходстве, вынуждаемая самолюбием, есть возникновение гордости от самолюбия.

Преп. Амвросий со ссылкой на преп. Макария Египетского указывает на цепь, «как страсти одна с другою сцеплены и одна другую рождает»:

«ненависть от гнева, гнев от гордости, а гордость от самолюбия» [2, т.2, с. 486].

В возношении (высокоумии) гордость обретает способ своего существования и становится тягчайшим пороком. Старцы стремились своевременно предостеречь своих духовных чад от этой напасти. Так, преп. Макарий разъяснял:

...Враг не борет тебя ими <страстями>, но влагает высокоумие, всех других пороков тягчайшее. Когда он сам, будучи безтелесен, за один сей грех низвержен с неба, то тщится оным и других запятать. И потому Премилосердый Господь попускает нам иногда падать и какими-нибудь душевными страстями запутываться, чтобы видеть свои немощи и грехи и о них пещись, а не смотреть других грехи и неисправления, а паче когда они нам еще не поручены [2, т.2, с. 152].

Когда враг не борет нас страстями, это часто означает, что он занят взращиванием в нас самой злейшей страсти,

за которую сам был низвержен с неба. И если мы не придадим этому обстоятельству должного внимания, то по мере усиления нашей гордости в свое время придет целый «букет» тяжелых страстей. Поэтому Господь не ждет, когда наше возношение застарееет и станет трудноодолимым, но попускает нам иногда падать и какими-нибудь страстями запутываться. Это отвлекает нас от привычки рассматривать грехи и исправления других, что легко выводит на фарисейский путь превозношения над «мытарями», и побуждает осознать свои грехи и недостатки, и через то удержаться от гордости.

Преп. Макарий предостерегает:

Смотрите же паче, не закрался бы татский помысл, что вы живете лучше и внимательнее других; и оный так опасен, что, по маковому зерну ложась на сердце, не увидишь, как возрастет до исполинского фарисея и предаст совершенной гордыне и далее. А перед Богом лучше грешник с покаянием, нежели праведник с гордостью... [2, т.2, с. 230].

Помысл, что мы живем лучше и внимательнее других, это и есть соблазн возношения, которым пытается увлечь нас враг. И каким бы выгодным для нас не оказывалось сравнение с другими, важнее всего то, что превозношение (гордость) ведет к падению, в котором наше высокоумие и будет опровергнуто. Чтобы этого избежать, следует все время держать себя грешником и каяться, а не гордиться своими добродетелями и исправлениями.

Преп. Макарий наставляет:

Ты пишешь о своем возношении при сторонней похвале и просишь наставить, как избавиться от оной. На это мы много имеем учения в слове Божиим: еже есть в человецех

высоко, мерзость есть пред Богом (Лк. 16, 15) и всяк возносясь смирится, смиряяй же себе вознесется (Лк. 18,14). Помня сии слова, низлагай проникающие хвалебные помыслы. И как скоро помыслишь о себе нечто высоко, то и знай, что самым сим ты ниже и хуже других стала, кроме других твоих немощей и поползновений [2, т.1, с. 129].

Что греха таить, многие из нас падки на похвалу и лесть. И кому неведомы помыслы о себе как особо одаренном, заметно превосходящим других то по уму, то по праведности, то по бескорыстию и т.д.? Даже когда мы осознаем, что такие помыслы есть превозношение, избавиться от них бывает непросто. Старец дает совет противопоставить помыслам слово Божие и указывает на заповедь, согласно которой высокоумие человеческое есть мерзость перед Богом. Мерзость перед Богом! — вот что есть возношение, чем бы оно ни кичилось. И если мы будем об этом помнить, то и на желании возноситься будет крепкая узда.

Одновременно в памяти должна быть и заповедь, что всякий возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится. Только смиряющийся, ставящий себя ниже других угоден Богу и обретет благодать, и памятование этого духовного закона должно подвигать нас на смирение.

Но если возношение не встречает в человеке препятствий, то оно приводит к состоянию сознания, в котором гордость дает свой результат и окончательный признак. Это состояние есть презрение других.

Преп. Амвросий отмечает:

...гордость дышит презорством и неуважением к другим [2, т.2, с. 480].

Убежденность в собственном превосходстве, собственной исключительной ценности приводит к мнению о малой ценности других, на основе чего и произрастает презрение и неуважение к другим. Презрение к другим является свидетельством, что концентрация гордости в человеке достигла опасного предела. Братолюбивые отношения с людьми разрушены. Это означает, что гордец выпадает из системы человеческих отношений и скользит вниз к отношениям бесовским, частью которых он и становится, если не покается.

7.3. ОБОЛЬЩЕНИЕ ЧУВСТВЕННОСТЬЮ

Вторая тенденция гордости — обольщение чувственностью, пленение желаниями. В этой тенденции гордость порождает такие страсти, как тщеславие, сребролюбие, блуд, леность. В отношении обольщения чувственностью преп. Макарий заметил:

Скажу тебе, что и ныне есть змий, Ева и Адам, и древо, и всегда подлежим искушению и обольщению; чувственность — змий обольщающий, Ева — воля наша, разум — Адам; чувственность обольщает, воля соглашается, и разум, послушав воли, падает. Так-то и мы вкушаем ежедневно от запрещенного плода, различными страстями побеждаясь. Так будем же стоять на страже, делая и храня, замечая свои страсти, противоборствуя им, а в немощи смиряясь, да оттого-то они и одолевают нас, что вместо смирения имеем возношение [2, т.2, с. 11].

Возношение делает человека неспособным устоять перед обольщением чувственностью. Возносящийся удаляется от Бога, и все свои желания направляет к предметам,

которые могут доказать, по его мнению, его превосходство над другими. К этим предметам он испытывает сильную привязанность и даже жажду.

Ближайшим таким предметом является человеческая слава. Она нужна гордым сама по себе, ради чувственного наслаждения известностью и знаками уважения со стороны других, которые «выделяют из серой массы заурядных людей». Но желание славы как таковой есть тщеславие, потому что здесь слава не рассматривается как возможное следствие добра, принесенного человеком другим людям и которое они сами могут оценить и признать заслуживающим славы. Логика возносящегося другая: слава есть не возможный, а обязательный атрибут его жизни, необходимость которого вытекает из самого возношения.

Тщеславие настолько тесно связано с возношением, что рассматривается старцами почти как тождественное с гордостью. Преп. Амвросий говорит:

Тщеславие и гордость — одно и то же. Тщеславие выказывает свои дела, чтобы люди видели, как ходишь, как ловко делаешь. А гордость после этого начинает презирать всех. Как червяк сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, взлетает наверх, так и гордость [2, т.2, с. 479].

Тщеславие порождается гордостью на стадии начального возношения. Гордость еще не произвела или не вполне произвела свой окончательный результат и признак — презрение людей. И в это время тщеславный человек, зависящий от чужой похвалы, готов унижаться и угождать перед другими, лишь бы получить желаемое. Но это временно, потому что гордый обязательно придет к пре-

зрению, в том числе и тех, перед которыми он еще вчера пресмыкался.

Довольно естественно, что в число предметов повышенного внимания гордых попадают также деньги. Обладатель значительного состояния рассматривается ими как безусловно превосходящий других, практически всегда пользующийся славой и имеющий возможность сильно влиять на других людей. Такое понимание ценности денег делает их в глазах гордых надежным способом утвердить среди людей свое возношение; это-то и порождает страсть к деньгам, сребролюбие.

Конечно, сами деньги злом не являются; зло состоит в оболыщении тем, что они несут их обладателю. Преп. Иосиф так пишет о деньгах:

Матушка Магдалина! Забыл написать тебе еще о деньгах. Не деньги виноваты, а пристрастие к деньгам. Мало ли было царей и князей, которые жили в богатстве. Но так как они не имели пристрастия к богатству, то и оказались в лике святых, о чем свидетельствуют их нетленные мощи. Можно жить и в крайней бедности и в то же время иметь пристрастие или сердечную привязанность к богатству, и чрез это одно душа может погибнуть, если человек при жизни не раскается в этом грехе. Можно и наоборот, иметь деньги и не иметь к ним пристрастия, т. е. есть ли они, нет ли их, человек бывает равнодушен, тогда и деньги не помешают его спасению [2, т.2, с. 404].

Смиренная позиция по отношению к деньгам заключается в том, что они — часть нашей земной жизни. Сами по себе деньги не влияют на спасение, потому нужно быть свободными от пристрастия к ним. Наоборот, как свидетельствует старец, сердечная привязанность к деньгам,

или сребролюбие, создает угрозу спасению. Более тщательный взгляд покажет, что под сребролюбием скрывается гордость, которая своим непомерным желанием возвыситься над людьми создает рабскую привязанность ко всему, что может содействовать этому возвышению.

Еще одна страсть, вызываемая гордостью — блудная. Преп. Анатолий (Зерцалов) наставляет свою подопечную:

Блудная страсть всех воует. И на мытарствах бес блуда похваляется перед всеми князьями тьмы, что он больше всех дал добычи аду. Терпи и проси Божией помощи. Говорить сестрам на пользу — хорошо, а молчать еще лучше. А себя укоряя, за них молиться — еще того лучше [2, т.1, с.49].

Гордость, которая всегда в конечном счете проявляется как презрение к людям, к нравственным нормам и правилам их жизни, не делает исключения и в сфере отношений полов. Смирение позволяет человеку держаться идеалов супружеской жизни, основанной на любви и верности. Гордость это делает невозможным, потому что возношение требует вседозволенности, беспрепятственного утоления чувственности, отказа от рамок, которые существуют для «обычных» людей и т.д. Презрение позволяет гордым не задумываться о последствиях их действий для других людей, они легко попадают в плен сексуальных желаний.

Для тех же людей, которые не идут на поводу у гордости, путь один — терпеть и просить Божией помощи, ибо бесы стараются разжигать влечение везде, где для этого есть малейшая возможность. Молчание, самоукорение, молитва — таковы средства против блудной страсти.

Обольщение чувственностью может проявиться как лень, как особая страсть — обленение. О причинах

этой страсти и средствах борьбы с ней преп. Анатолий (Зерцалов) пишет так:

*Бывает у тебя в прохождении молитвы сон, леность, тоска и охлаждение ко всему по несколько дней и даже неделю. Очень может быть, что ты окрадена была пред этим сопротивником тайным тщеславием, гордостью, или осуждением, или гневом, или чем другим. Вот враг душевный и насилует нашу природу, чтобы в праздности и разлениении иждивали дни свои вместо того, чтобы готовиться к вечности. **А сон моея лености**, сказано в Писании, **готовит вечную муку** (Ср.: Притч. 19, 15). И промыслительно бывает с великими подвижниками, что благодать как бы на время отступает, чтобы познал человек более немощь своего естества и более прибегал к Богу, прося Его помощи и заступления. Это время для великих подвижников, борющихся и труждающихся в молитве, самое благоприятное для восприятия великих венцов: так как **Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают оное** (Мф. 11, 12). А если мы и побеждаемся своею немощию, не будем унывать от сего, но паче смиряться и подвизаться при помощи Божией. Сила Божия в немощи совершается [2, т.1, с. 376].*

Как и другие страсти, леность предваряется гордостью и ее следствиями. За гордость отступает от нас благодать, и враг душевный получает удобный приступ нас мучить разлениением. Если не каемся в гордости, то рискуем обольститься комфортностью ничегонеделания, которое нежит плоть, но губит душу. Это путь гордости — обольщаться нетрудовой жизнью и презирать трудовую.

Путь смирения — другой. Если чувствуем лень и апатию, отсутствие сил для труда, то должны воспринимать это как свою немощь. Очень возможно, что эта немощь

оттого, что ранее загордились. Надо каяться и более прибегать к Богу, помня, что смиренным Господь и подает благодать и помощь.

Страсть разленения опасна, и лучше бы заниматься хотя бы каким-нибудь делом, чем никаким. Преп. Амвросий говорит:

Спрашиваешь моего мнения о службе, на которую желаешь поступить твой сын. Мое мнение такое: хотя служба эта не хороша, но праздность еще много хуже; лучше служить и быть при деле, чем в бездействии проводить время в кругу таких людей, о которых он упоминает в своем письме [2, т.2, с. 152].

Обольщение чувственностью привязывает к земному миру и отвлекает от спасения. Возникающие в этой области страсти манят сладостью, но готовят очень горький конец. Умеренная позиция в отношении собственной известности и материального достатка, ориентация на христианскую норму супружеской жизни и предпочтение труда перед праздностью могут резко ослабить вторую тенденцию гордости. А молитва и помощь Божия — и во все победить ее.

7.4. УТВЕРЖДЕНИЕ САМОСТИ

Третья тенденция гордости — утверждение самости. По мере возношения самость возникает как его неизбежный продукт и проявляется в том, что человек во всех вопросах начинает отдавать приоритет самому себе: своей воле, своему мнению, своим делам, своим оценкам и т.д. Если поступки, слова людей и ход событий противоречат

желанию гордого, то он испытывает сильное недовольство и горечь.

Преп. Антоний замечает:

...Если бы и вы, возлюбленное чадо мое, устроили жизнь свою тако, якоже советует святой Аввы Дорофей: хощу тако, якоже будет! — тогда все бы было по вашему и не было бы вам никакой печали. Но вот какое искушение, что я хочу так, а не иначе, как мне хочется, то есть так, как говорит царь: воля моя есть, непременно быть посему! От этого-то и горько делается на душе, что бывает не так, как хочется [2, т.2, с. 255].

Своеволие несет горечь душе именно потому, что оно основано на самости. Самость нетерпима ко всему, что ей неуютно, и если не в силах гордый человек повлиять на ход событий, то не может он примириться с возникшим положением дел. От этого он много досадует, отчего на душе у него все время горько. Учитывая, что опыт человека ограничен, и он редко постигает суть происходящего сразу и полностью, необходимо сдерживать самость, чтобы не приковывала она к несовершенным, а то и попросту неправильным собственным мнениям.

Преп. Макарий давал своим подопечным такой совет:

...Писал я вам, чтоб вы, имея каждая свой взгляд на вещи, не считали оный правильным, а паче когда относится к укоризне ближнего и нарушению мира, а предложив свою мысль на суд другой, оставаться покойной в сем, — как она утверждает, хоть бы и противное казалось; сим придете в навык не составлять свой разум и оставлять свои хотения, часто нарушающие ваш мир [2, т.2, с. 231].

Каждый человек имеет право иметь свой взгляд на вещи. Однако этот взгляд не должен ставиться выше взгляда других людей, т. е. не должен считаться автоматически правильным при расхождении с взглядами других. Особенно в тех случаях, когда такой взгляд содержит укоризну ближних, обвинения их и тому подобное, что явно может нарушить мир в отношениях.

Лучшая позиция для нас заключается в том, чтобы высказать свой взгляд и оставаться спокойными в отношении того, как он воспринят нашими собеседниками. Нужно смиряться в случае неодобрения нашего взгляда, и принимать возможные разногласия как должное. Через это преодолевается самость нашего разума и оставляются нетерпеливые и эгоистичные хотения, часто нарушающие мир.

Разновидностью самости является ревность не по разуму. Преп. Амвросий вспоминал:

Двое из замечательных покойных оптинских старцев часто говаривали, один: искусство половина святости, а другой при чьих-либо ошибках от неуместной ревности всегда произносил: свят, да не искусен; потому что неискусство, при неуместной ревности, часто может производить безтолковой путаницы не менее самого греха [2, т.2, с. 209—210].

Самость считает себя вправе требовать от других исполнения тех или иных требований, связанных с благовидными предложениями. Эти требования могут не учитывать реальной ситуации и не принимать во внимания важные обстоятельства дела, или быть недостаточно продуманными и отражать лишь частную точку зрения. При неуместном настаивании на исполнении данных требований

может возникать бестолковая путаница, не меньшая, чем от самого греха.

В других случаях самость проявляется как чрезмерное полагание на свои собственные дела, самонадеянность. Преп. Макарий наставляет:

*...Должно делать, но не полагать на дела надежду. Когда ж мы думаем делами заслужить, показывается сим наше самонадеяние, тогда и не подает Господь нам силы к исполнению добродетелей, но паче попускает на нас укрепиться страстям, чтобы мы познали свою немощь и смирились пред Богом, помня оную заповедь Божию: **аще и сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворите, сотворихом** (Лк. 17, 10) [2, т.2, с. 237].*

Не превозноситься своими делами и не полагать, что спасение заключается в наших делах. Иначе самость убедит нас, что мы достойны сами по себе, по своим делам, и не нуждаемся в снисхождении. Это ошибка, и Господь в таких случаях не дает нам сил к исполнению добрых дел, и попускает страстям сильнее пленить нас, чтобы, видя свою немощь, мы смирились.

Самость может выражаться в самооправдании. Преп. Амвросий учит:

...Самооправдание в евангельском законе не означено, прямее сказать — не допускается: и если кто ударит тебя в десную твою ланиту, обрати ему и другую. Слова о десной ланите показывают, что не следует оправдываться и тогда, когда казалось бы человеку, что он прав. Но такое разумение всякий должен относить к себе самому, а не другим. Иначе внидет в другую сеть вражью и запутается. А для

нас потребнее всего и полезнее свобода духовная, т. е. ни под каким предлогом не запутываться в сетях вражиих [2, т.2, с. 238].

Если нас кто-то укоряет, критикует, мы не должны оправдываться. Даже в тех случаях, когда, как нам кажется, мы правы. Самооправдание приведет к тому, что мы станем утверждать свою правду в отношениях людей, т. е. пойдем по пути самости. «Своя правда» отразит лишь наш малый опыт и наше малое знание жизни, будет неизбежно нести отпечаток наших заблуждений и пристрастий, а потому и окажется неприемлемой для других людей.

Более того, привычка руководствоваться своей правдой делает возможными с нашей стороны очень большие просчеты и ошибки, которые могут иметь критическое значение. Вот что говорит преп. Амвросий:

*Святой апостол Павел выставляет причину, почему некоторые из древнего избранного народа Божия не приняли Сына Божия, пришедшего во плоти. **Свою ищуще поставите правду**, говорит апостол, **правде Божией не повинуюшася** (Рим. 10, 3). Та же причина и в новой благодати препятствует повиноваться правде Божией и Божественным заповедям Христа Спасителя, т. е. если христианин допускает себе самооправдание, которое в евангельском законе не дозволено, тогда как бы невольно принужден бывает противиться и отвергать если не все, то многое, что проповедуется в евангельском учении [2, т.2, с. 240].*

В конечном счете, самость через самооправдание, утверждение своей правды препятствует человеку повиноваться правде Божией и Божественным заповедям Христа Спасителя. В этом главная опасность, исходящая

от нее. Многим искушениям и скорбям подвергается человек, пребывающий в самости, ибо он невольно бывает принужден противиться, хотя бы отчасти, спасительному евангельскому учению. И лишь смирение возвращает его к послушанию Божественной воле и облегчает его участь.

7.5. ИЛЛЮЗОРНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Четвертая тенденция гордости — иллюзорность сознания, принятие несуществующего как существующего. Первым проявлением этой тенденции является смущение. В этом знакомом каждому состоянии человек приходит в замешательство, смятение, волнение, связанными с утратой самообладания или внутреннего равновесия.

Преп. Амвросий отмечает:

...Смущение, какое бы оно ни было, есть признак тайной гордости, и доказывает неопытность и неискусство человека в прохождении своего дела [2, т.2, с. 364].

В смущении гордость еще скрытна, она не прорывается в явном виде высокомерия и презрения, но дает о себе знать чувством скрываемой задетости, оскорбленности словами или отношением к себе. Смущение есть незнание что сказать и как поступить — это тормоз для правильных действий, исходящий от врага.

Преп. Макарий подчеркивает:

В смущении же нет никакой пользы, а величайший вред; оно есть вражия колесница, не попускает излить сердца своего пред Богом с покаянием [2, т.2, с. 363].

Смущение иллюзорно, оно представляет дело так, что якобы есть нечто значимое, что может препятствовать исповедованию своих грехов, или делать неудобным покаяние. Между тем это нечто есть сама гордость, именно она и порождает боязнь предстать пред Богом и людьми грешным, обычным человеком. Смирненное же состояние души позволяет видеть все как есть, и принимать реальную ситуацию без чувства задетости или уклонения от долга.

Смущение формируется, если можно так выразиться, сочетанием гордости и нашей неискренности. Если мы не можем что-то делать достаточно хорошо, или составить объективное и взвешенное мнение о чем-либо, либо склонны привязываться к неправильному мнению и т.д., то гордость вызывает неудовлетворенность нашей немощью в форме смущения, т. е. скрытого желания не признавать этого факта. В смущении еще нет откровенного разрыва с реальностью, но в душе человека идет борьба, признавать ли существующее, или вытеснить его из сознания иллюзией. Оттого-то человек и не знает, как поступить, потому что в душе еще идет борьба.

Преп. Амвросий:

...Неудовлетворенность наша душевная и духовная происходит от нас самих, от нашего неискренности и от неправильно составленного мнения, с которым никак не хотим разстаться. А оно-то и наводит на нас и смущение, и сомнение, и разное недоумение, а все это нас томит, и отягощает, и приводит в безотрадное состояние. Хорошо было бы, если бы мы могли понять простое святоотеческое слово: аще смиримся, то на всяком месте обрящем покой, не обходя умом многие иные места, на которых может быть с нами то же, если не худшее [2, т.2, с. 366].

Если смиримся, то на всяком месте обретем покой. В числе прочего это означает, что мы не будем впадать в смущение, если перестанем браться за решение вопросов, которые нам не по силам разрешить хорошо и правильно, и не будем думать, что мы много потеряли, не воспользовавшись той или иной возможностью. Во всех ситуациях мы получаем ровно столько, сколько заслуживаем, а потому и в других ситуациях с нами было бы то же самое, если не хуже.

Несмирение, напротив, вызывает усиление иллюзорности нашего сознания, и порождает следующую страсть — мнительность, о которой преп. Амвросий говорит так:

Есть... немало таких, которые сплошь да рядом сомневаются в доброжелательстве ближних от меньших до старших. Будь для них кто добр, как Ангел, они и тому не поверят, прищипывая и выставляя на вид какие-нибудь малозначащие причины. Продолжая сомневаться во всех и во всем, они, наконец, доходят до сомнения и неверия относительно и будущей жизни и таким образом сами делают жизнь свою жалкою и безотрадною [2, т.1, с. 420].

Мнительность основывается на сомнении в доброжелательстве ближних. К сожалению, сомнение способно прогрессировать и доходить до отрицания даже очевидного добра других и неверия в будущую жизнь. Сам усиливающийся характер сомнения указывает на мнительность как страсть, и ее источник — гордость. Обыкновенно, крайняя гордость и подвигает нас как к выводу, что никто, кроме нас, не добр в этом мире. За этим падением и следует немощь противостоять иллюзорности, неспособность поверить в жизнь истинную и вечную.

Мнительность постоянно порождает подозрительность, в которой уже отчетливо видно действие врага, стремящегося показать то, чего вовсе нет. Преп. Макарий говорит:

Ты начала писать об одном грехе своем, происходящем от подозрения, и не докончила. Может быть, ты и ошибаешься в своем мнении, напрасно имеешь подозрение, ибо этому многие есть примеры, а особо в ревности; враг старается показать то, чего совсем и нет, омрачает глаза так, что и движения и слова все кажутся подозрительными. Это он делает, чтобы возмутить и произвести раздор; от чего да избавит тебя Господь... [2, т.2, с. 37].

Враг омрачает глаза людей так, чтобы все им казалось подозрительным, все указывало на присутствие зла и внушало мысль о его вездесущии и силе. Поэтому иллюзорность сознания, которую развивает гордость, ведет к главной и страшной иллюзии, что бытие есть зло. Конечно, люди редко доходят до такой степени помрачения, но подозрительность, увы, выступает шагом в этом направлении.

И с помощью этого и других шагов гордость может привести уже к масштабной иллюзорности сознания, прелести. Преп. Макарий дает следующее разъяснение сущности прелести:

...Изволите ли знать, что есть прелесть; прелести суть разнообразные имут действие, по мере возношения ума и сердца помрачается ум и пленяется в мнение и от занятия собой, и само мышление верует мнениям и мечтам, представляемым ему от всеобщего врага — дьявола, и сим изступает и произносит те нелепости, как ему

представляется от мнения и мечт, и сие значит прелесть [2, т.2, с. 153].

Слово «прелесть» употребляется для обобщенного выражения иллюзорности сознания, поэтому оно характеризует, с одной стороны, значительную степень принятия несуществующего как существующего, а, с другой, охватывает и свои частные разновидности или стадии — смущение, мнительность, подозрительность. В этом смысле прелесть можно понимать как развертывающийся процесс пленения сознания иллюзиями, который вызывается возношением ума и сердца. В ходе возношения возникает самость, которая отдает приоритет содержанию умственных картин самого человека, которые представляют лишь его мнения и мечты. Но человек им верует, а враг незаметно вбрасывает в эти картины нелепости, которые человек начинает произносить.

Вот как преп. Макарий раскрыл прелесть в одной из своих подопечных:

Что толку из того, что ты сидишь одна, и дверь на крючке заперта? Ты молишься и думаешь, что тем уже спасешься; желаешь мантии, и будто только одного этого недостает. А что с тобою стало случаться? Уже предведение, сонные видения и явные явления, кои ты все принимала за благо, и обольстилась своею святынею до того, что и явно стал враг являться. Какие это плоды? Плоды гордости, а ты все принимала за благо, да и теперь думаешь, что за подвиги твои враг на тебя возстает, а того не понимаешь, что за гордость наказуешься от Бога [2, т.2, с. 154—155].

Мало одной молитвы для спасения, ибо и фарисеи молились. Если человек горд, то он не в состоянии противиться

обольщению, исходящему от врага в виде снов, а потом и видений наяву. Гордый считает, что эти «святые» видения и должны быть вследствие его превосходства над другими. Он прав, но, к сожалению, в противоположном смысле: его гордость и сделала его беззащитным перед видениями, насылаемыми врагом.

Преп. Амвросий наставляет:

*Прелести вражией более всего бойся при слезах и радости, по совету Лествичника, отвергая приходящую радость, как недостойная, чтобы не принять волка вместо пастыря. Не вотще сказано: **работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом** (Пс. 2, 11). И о мирносоицах пишется, что они бежали от гроба со страхом и радостью. Все это показывает, чтобы мы были осторожны касательно мнения о себе, когда покажется нам, что будто бы что-нибудь стяжали духовное и благодатное. Такое мнение везде выставляют началом и виною прелести богомудрые и богодуховенные отцы, особенно преподобный Марк Подвижник и Исаак Сирийский пишут, что нет добродетели выше покаяния, и что покаяние до смерти потребно не только грешным, но и праведным, потому что и праведник седмижды в день падает, и что самое совершенство совершенных несовершенно. По этой причине и все святые всегда смирялись и имели себя под всею тварью, потому и пребывали непадательны [2, т.2, с. 159—160].*

Сугубая осторожность — такой совет дают старцы нам во всех случаях, относящихся к нашему мнению о себе, своих дарованиях, духовности и благодатности. Такое мнение, коль скоро оно положительно, является возношением, началом и причиной прелести. Для избежания прелести нужно радикально изменить направление взгляда,

перевести его с наших «совершенств» и «дарований» на наше покаяние. В покаянии самое важное — видеть свои грехи, исповедовать их и стремиться к исправлению. Покаянное настроение человек выражает обычно так: я грешен, и мне хотя бы немного приблизиться к норме, которая определяет праведность. А святые и вообще всегда смирялись и считали себя хуже всех. Но это-то и есть самый надежный путь избежать прелести, ибо человек падателен в гордости, но не в смирении.

7.6. НЕДОВОЛЬСТВО, ЧТО ВСЕ НЕ ТАК КАК ХОЧЕТСЯ

Пятая тенденция гордости — недовольство, что все не так как хочется. Ступени недовольства: раздражение, гнев, ропот. Самолюбие, этот исток гордости, и мнительность, доводящая до неверия, порождают в нас раздражение.

Преп. Амвросий разъясняет:

... Раздражительное состояние духа происходит, во-первых, от самолюбия, что делается не по нашему желанию и взгляду на вещи, а во-вторых, и от неверия, что будто бы исполнение заповедей Божиих в настоящем месте не принесет нам никакой пользы [2, т.1, с. 165].

Самолюбие (можно добавить: и развившаяся на его основе самость) делает крайне неприятным и даже болезненным для нас практически любое развитие событий или любое мнение других, которые не укладываются в наше желание и взгляд на вещи. Гордость, живущая в самолюбии и самости, заставляет нас чувствовать ущемленными, что не мы определяем ситуацию, не мы являемся умнее, не нас считают авторитетом и т.д. От этого возникает раз-

дражение, которое говорит о нашем нежелании мириться с происходящим не по нашей воле.

С другой стороны, неверие, что заповеди (о смирении, любви к ближнему) могут принести нам пользу в данных обстоятельствах, устраняет последние препятствия для проявления раздражительности.

Раздражительность, хотя и кажется сравнительно малой страстью, способна со временем переходить в свое более тяжелое состояние — гневливость. И это уже опасно для нашего душевного здоровья и посмертной судьбы, о чем предупреждает преп. Антоний:

Насчет раздражительности своей, должно всеми мерами стараться удерживать себя, дабы не приобрести себе несчастного навыка ко гневу, каковый несносный порок не столько заметен бывает в себе, сколько виден он в других, и гневающиеся всуе повинны бывают геенне огненной [2, т.2, с. 203].

Не только гнев, но и предшествующую ему раздражительность надо сдерживать в себе и устранять до максимально возможной степени. Гнев же, как указывает старец — несносный порок, недопустимый потому, что гневающие напрасно бывают виноваты до такой степени, что подлежат геенне огненной. А много ли мы гневаемся не напрасно?

Гнев, как крайняя степень агрессивной раздраженности, может подтолкнуть человека к еще большему греху — к ропоту, к недовольству Самим Богом. Это всегда неправильно, без малейших исключений.

Преп. Макарий говорит:

...За все слава Премилосердому Богу, изливающему нам во всяком случае неизреченные блага! Ибо Источник благодати не может источать из себя никаких других волн, кроме благодатных, не понимая коих, человек часто ропщет на Всеблагого [2, т.2, с. 218].

Во всех случаях, поощряет ли нас Бог, или наказывает — Он изливает нам благо, ибо делает то, что в данный момент и при данных обстоятельствах является лучшим для нас. И лишь наше непонимание, что от Бога только благо, делает возможным ропот человека на Всеблагого. Надо всегда помнить, что и лжесвидетельство на человека есть смертный грех, а лжесвидетельство на Бога сравнимо с хулой на Духа Святого.

Потому-то преп. Амвросий и предостерегает:

Особенно остерегайся ропота, на кого бы то ни было. Ропот хуже и вреднее всего. Полезнее и покойнее винить во всем и за все себя, а не других. Особенно же должно остерегаться ропота на Промысл Божий, чрез Матерь Божию все благое и душеполезное нам устрояющий. Только мы, человеки, по малодушию своему, часто безумно мятемся и безрассудно скорбим за устрояемую нам пользу душевную [2, т.2, с. 220].

В виду особой опасности ропота надо всегда быть начеку. При малейшей склонности к ропотливости ясно осознавать — ропот от опасно укрепившейся в нас гордости. И делать все возможное, чтобы отойти от края пропасти. Совет старцев, как всегда, эффективен. Надо укреплять в себе привычку винить во всем и за все себя, противопоставляя ее привычке (если таковая появилась) винить дру-

гих. Так мы сможем уберечься от беды — от незаметного перехода от обвинения других к ропоту на Бога.

7.7. АГРЕССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ РАЗОБЛАЧЕНИЮ

Шестая тенденция гордости — агрессивное сопротивление разоблачению. Гордость, как неправильное в корне устройство души, создающее ложное состояние сознания, опровергается по жизни многими фактами. Но она способна сопротивляться этому разоблачению, порождая новые страсти. Так, возношение может быть опровергнуто большей искусностью или большими достижениями других, на что гордость обыкновенно реагирует завистью.

Преп. Амвросий наставляет:

Зависть происходит от гордости и, вместе, от нерадения к исполнению должного. Каин понерадел принести избранную жертву Богу. А когда Бог за такое нерадение презрел его жертву, а усердную и избранную жертву Авеля принял, тогда он, объятый завистью, решился убить и убил праведного Авеля. Всего лучше... стараться истреблять зависть в самом начале смиренною молитвою и смиренною исповедью и благоразумным молчанием [2, т.1, с. 262].

Гордость, если можно так выразиться, ожидает легкой победы над другими посредством своего якобы значительного превосходства. И это подталкивает человека к нерадению во всяком деле, ибо гордость больше склонна мечтать о собственном величии, чем нести тяготы повседневных трудов и делать все возможное. Как следствие, результаты гордого человека хуже, чем смиренного. Когда этот худший результат обличает гордость, она источает зависть — эту ядовитую смесь желания гордого быть на

месте преуспевшего и недоброжелательства и даже ненависти к нему за то, что это место гордецу не досталось.

Зависть в своем крайнем выражении пытается решить проблему поражения гордости преступным путем — вплоть до убийства преуспевшего человека. Как же бороться с этой страстью?

Преп. Макарий говорит:

Вопрошаешь о страсти зависти, в тебе гнездящейся, и боишься, что она пребудет в тебе до гроба, да еще недоумеваешь, как она происходит от гордости? Разсуди, не от самолюбия ли и славолубия твоего она есть? А сказано от <святых> отец: «самолюбив не может быть братолюбив». Ежели бы ты старалась о снискании смирения, не говоря уже, имела бы смирение, то предпочитала бы себе ближнего и все его выгоды. Что терзает завистника? Ближнего благополучие или предпочтение; хотя и сам он имеет те же блага, а временем и предпочтение, но ему досадно, зачем он имеет то. А где любовь и смирение, там все изгибы зависти пожерты бывают. Не смущайся, что страсть тебя стужает, но старайся противляться оной самоукорением, смирением и любовью. Когда зависть есть, то уже явно любовь и смирение изгнаны вон, а без них и добродетели ничего не стоят. Ты не отчаивайся и не думай, что до гроба пребудет с тобою эта страсть, но по мере умаления самолюбия и приобретения любви и смирения и от оной получишь свободу [2, т.1, с. 262 — 263].

Зависть происходит от таких компонентов (проявлений) гордости как самолюбие и славолубие. Они и создают в человеке установку на особую, предпочтительную выделенность из круга других людей. Такая выделенность предполагает отношение к другим как неравным,

худшим себе, и в силу этого нарушает заповедь «возлюби ближнего как самого себя». Поэтому самолюбивый не может быть братолюбивым.

Быть братолюбивым, как поясняет старец, означало бы предпочтение ближнего со всеми его выгодами. Но это возможно при наличии смирения. Для самолюбивого (гордого) выгоды ближнего неприемлемы как подрывающие установку только на собственные «эксклюзивные» выгоды. Выгоды ближнего обличают неправильность такой установки, и гордость реагирует завистью.

«Изгибы зависти» живучи в нас, и потому им постоянно надо противопоставлять самоукорение, смирение и любовь. Только эти средства и побеждают зависть. Не нужно смущаться, обнаружив сей недуг в себе, но и не нужно думать, что мы пленены им пожизненно. По мере умаления самолюбия и приобретения названных добродетелей можно получить и свободу от страсти.

С чего же начинается гордость агрессивное сопротивление собственному разоблачению? С клеветы. Преп. Амвросий говорит о клевете так:

*Вот и вышли мы все монахи дельные: целую кучу клевет набрали, да наприбавляли, да других переклепали, а мним о себе, что мы угнетенные страдальцы, обиженные, оскорбленные, на самом деле не меньше фарисея всех уничтожаем донельзя, и уничтожаем по одним догадкам и подозрениям, забывая слова Писания: **горе напаяющему подруга своего питием мутным** (Ср.: Авв. 2, 15). В нас какая-то смесь: мнимся и Промысл Божий признавать, и других не перестаем обвинять, аки бы препятствующих и сопротивляющихся нашим предприятиям. Когда мы резко говорим о других, то это ничего, извиняем себя тем, что мы говорим просто, дружелюбно, от ревности ко благу. Если же слышим, что*

другой сказал что-либо вопреки нас, тогда негодуем и возводим это до великой степени клеветы, забывая проповедуемое Православной Церковью, что кийждо от своих дел или прославится, или постыдится и кийждо сам о себе воздаст слово Богу [2, т.1, с. 358—359].

Когда мы подвержены действию гордости, то обычно охотно принимаем клевету на близких, передаваемую нам другими, да и сами легко клеветаем на основании одних лишь догадок и подозрений. Почему? Потому что гордость живет своим возношением, а следовательно и желанием унижить других, что подтвердило бы обоснованность превозношения. Вот мы и унижаем... И, конечно же, позволяя себе это унижение близких, мы всегда выставляем себя как людей простых, дружелюбных, лишь из ревности ко благу говорящих неприятную правду.

Но стоит кому-нибудь из близких сказать правду о нас, как она неприятно поразит нас обличением несправедности нашего поведения или опрометчивости наших суждений. И нам станет в этот момент понятно, что мы раньше просто гордились и клеветали, а не о благе и правде ревновали. Но и гордость, уязвленная обличением, в этот момент сильно восстает в нас, и мы, по слову старца, негодуем и возводим сказанную правду о нас до великой степени клеветы.

В этот суть гордости как неправильного устройства души — она клеветает на других, и клеветает на саму правду, называя ее клеветой. И мы способны запутаться в этой лжи, если не поборем гордость смирением. Тогда и увидим все, как оно есть на самом деле.

Вслед за клеветой гордость посылает людям осуждение, которое на клевете и основано. И по духовному зако-

ну мы вскоре сами оказывается в ситуации осужденных нами людей, как о том говорит преп. Никон:

Надо твердо помнить этот закон духовной жизни: если в чем кого осудишь или смутишься чем-нибудь у другого человека, то тебя это же самое постигнет, ты сделаешь сам то, в чем осудил другого, или будешь страдать этим же самым недостатком [2, т.1, с. 624].

Все мы проходим и по жизни замечаем «зеркальные» ситуации, когда сначала мы осуждаем кого-то за что-либо, а затем и сами оказываемся осуждаемы за то же самое. Хорошо, если мы способны задуматься: а что все это значит? И придти к ответу, что не других мы судим, когда судим, а себя самих. И лучше бы нам вовсе никого не судить, а только укорять самих себя и не давать гордости пленять нас.

Преп. Амвросий учит:

Некоторые греху осуждения подвергаются от привычки, иные от памятозлобия, другие от зависти и ненависти, а большею частью подвергаемся мы греху сему от самомнения и возношения; несмотря на великую свою неисправность и греховность, нам все-таки кажется, что мы лучше многих. Если желаем исправиться от греха осуждения, то должны всячески понуждать себя к смирению перед Богом и людьми и просить в этом помощи Божией... [2, т.1, с. 628].

Гордость всегда сильнее нас, если мы не понуждаем себя к смирению и не просим в этом помощи Божией. А понуждаем и просим нечасто. Оттого-то и возносимся в мнении о себе, несмотря на нашу великую и несомненную греховность, и никак не можем оборвать цепь непрерывных обвинений и осуждений других.

7.8. БЕЗЫСХОДНАЯ СКОРБЬ И ОТКАЗ ОТ ЖИЗНИ

Седьмая тенденция гордости — безысходная скорбь и безнадежность от своего поражения, отказ от жизни. Начинается тенденция почти незаметно, с печали. Но уже в печали чувствуется горечь от одновременности желания чувственности и недостижимости его удовлетворения, что есть обычный результат обольщения чувственностью.

Преп. Антоний наставляет:

Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому. Печаль происходит от привязанности к видимым вещам [2, т.2, с. 24].

Освобождение от привязанности к земным вещам происходит тогда, когда мы не скорбим об утрате временной радости, и не радуемся земному благу так, как будто бы оно было вечным. На земле нет ровной и непрерывно счастливой жизни, ничем не омраченной. Это наша мечта, но на земле она несбыточна, только в вечности.

Преп. Моисей на редкость точно говорит:

Выразумевши сие, можно премениться от печали века сего на радость духовную о спасительном Промысле Божиим. Мы радовались о мнимом благе, не предусматривая печали, и она пришла, по слову Божию. Теперь в печали не предусматриваем истинной радости, но она в свое время будет. Вечер водворится плач, а завтра радость. Что жизнь смертного, если не всегдашний вечер? Лишь родится, уже и плачет, и всю жизнь, будучи близким к смерти, проводит оную в болезнях, и скорбях, и сетованиях. Когда же радостное узрит утро и освободится от всякой болезни, и печали, и воздыхания?

Не по ноци ли смертной, когда преидет от смерти в живот вечный, где нет вечера, но все день. Конечно, есть радость и теперь, но она более искушение человеку на земле, нежели подлинная радость. Хочется кому усладить себя приятным благополучием века сего и порадоваться о благосостоянии своем, но кая житейская сладость печали не причастна? Какое благополучие бедствию не подлежаще? Все приятное соединено с противным, и потому нельзя не страдать человеку, стяжавшему временное благо. Чтоб меньше страдать и не лишаться удовольствия временного, надо содержать себя в равнодушии: в радости не слишком восхищаться, а в печали не весьма печалиться [2, т.2, с. 25—26].

Ровное расположение духа, вот что нужно для избежания печали. А оно вырабатывается пониманием жизни на земле как чередующихся событий: хороших и плохих, радостных и горестных, счастливых и трагических. И пониманием, что у временного и жизнь временная — как у благополучия, так и неблагополучия. В таком разумении мы и можем порадоваться духовной радостью о спасительном Промысле Божиим.

Но если печаль не побеждена, то она может развиваться в уныние как свою более тяжелую форму. Преп. Амвросий говорит:

...уныние бывает оттого, что не презрели мы еще тщетной славы и дорожим мнением человеческим, или хоть не дорожим, а не отвергли еще его [2, т.2, с. 503].

Обольщение тщетной славой или мнением человеческим, как, впрочем, и иные обольщения чувственностью, могут быть сильными, а неудача в обретении желаемого переживаться как тяжелая. В этом случае человек

и впадает в уныние, ибо не видит возможности разрешения «кричащего», как ему кажется, противоречия между желанием и возможностью его удовлетворения.

На самом деле, в унынии подает голос гордость, которая и внушила человеку мысль о том, что он достоин славы и прочего, а теперь опровергнута и уязвлена, и терпит поражение. Как мы видели, любой ответ гордости всегда ложный. Таков он и в унынии, в котором гордость начинает развивать отказ человека от жизни как ответ гордости на собственное поражение.

Преп. Амвросий это хорошо видит:

Уныние значит та же лень, только хуже. От уныния и телом ослабеешь и духом. Не хочется ни работать, ни молиться, в церковь ходишь с небрежением, и весь человек ослабевает [2, т.2, с. 498].

Унынию надо противопоставить мужество, а все происшедшее с нами, независимо от того, нравится нам это или нет, добились ли мы чего, или напротив, лишились — оправдывать судьбами Божии с благодарением.

Преп. Моисей говорит:

Под бременем должности мужайся о Господе и внутренний крест уныния неси в терпении и благодарении Милосердного Бога, посещающего нас скорбными наведениями. Ему приятны человеки не в покое и веселии, но в пеци смирения, которое оправдывает судьбы Всевышнего со благодарением. По множеству же болезней в сердце утешения возvesелят душу твою. Уповай на Бога, а не унывай [2, т.2, с. 502].

Упование на Бога в любых обстоятельствах есть надежный способ победить уныние. Оставлять же упование

и давать унынию победить нас — нельзя. Ибо от уныния гордость старается привести человека к отчаянию, к этому бессмысленному и безнадежному состоянию, в котором человек ничего не может сделать и ничего получить.

Преп. Амвросий:

*... Об отчаянии, которое святой Иоанн Лествичник почитает хуже всякого греха. Во всяком грехе человек может покаяться, имея твердое намерение вперед на то же не возвращаться, и таким образом получает прощение и милость от Господа. А отчаявшийся что может сделать и что получить? Поистине отчаяние хуже всяких зол. Положим, что человек иногда много и очень страдает: но мало таких людей, которые страдают по примеру праведного Иова. Большая часть страдающих из нас подвергается страданиям как следствиям или неправильных мыслей и мнений, или ошибочных действий. Но есть для страждущих и утешительное слово Апостола: **егоже любит Господь, наказует: биет же всякого сына, его же приемлет** (Евр. 12, 6) [2, т.1, с. 663—664].*

В большинстве случаев мы страдаем по собственной вине. Так не будем же отчаиваться, признаем свои ошибки и грехи, и обратимся к Богу, который и поможет нам. Но при этом прежде всего смиримся и отречемся от гордости, которая мучает нас и заставляет страдать, и далеко удаляет от Господа. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Иак. 4:6, 1 Пет. 5:5).

Глава 8

УЧЕНИЕ ОБ ИСКУШЕНИЯХ

Искушения — внешние и внутренние скорби, нестроения, гонения и т.д. — однозначно связываются нами с неприятными, тяжелыми ситуациями и состояниями. Мы чаще всего стремимся избежать искушений, полагая их ненужными препятствиями для нашей жизни. Старцы же говорят о неизбежности и полезности искушений для всякого человека, их важной роли в нашем спасении. По сути, искушения в их учении — это инструмент в руках Бога, посредством которого Господь делает души более совершенными и пригодными для спасения.

8.1. НЕИЗБЕЖНОЕ И ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО

Если усиление гордости в наших душах делает нас непригодными к спасению по причине нашего отпадения от Бога и Его святых заповедей, то искушения являются силой, способной отрезвить нас от дурмана страсти и побудить к исправлению. Преп. Макарий говорит об этом так:

При начале призвания к жизни духовной Господь посещает благодатию Своею и различными утешениями, но после отнимает оные и ввергает в огонь многообразных искушений и скорбей, чтобы самолюбивое и славлюбивое наше

устроение совершенно испепелилось огнем искушения, и не имели бы надежды на себя и на свои дела, но на милость и человеколюбие Божие. Смирение велие благо! [2, т.1, с. 294].

В начале духовного пути, когда человек впервые начинает ходить в храм, молиться, причащаться, читать Евангелие и т.д., он испытывает духовный подъем и отраду в душе. Это действует благодать, подаваемая новонаначальному христианину во укрепление его веры и свидетельствование ее истинности. Но затем приходят искушения, потому что бедственное состояние души новонаначального, боримого и пленяемого страстями, постоянно склоняющегося к греху, требует врачевания.

Сталкиваясь с разнообразными искушениями, человек учится понимать, что происходит в его жизни. Постепенно он начинает видеть и источник своих бед — «самолюбивое и славолюбивое наше устроение», т. е. гордость. Под сильным давлением искушений человек преодолевает горделивое устроение, и достигает смирения.

Искушения неизбежны в христианской жизни и делятся на два вида — внешние и внутренние. Преп. Варсонофий объясняет:

*...Всякая душа, стремящаяся к новой жизни, жизни во Христе, испытывает гонение извне от мира и переживает великую борьбу с внутренними врагами. Эти искушения неизбежны по слову Спасителя: **Меня гнали и вас будут гнать** (Ин. 15, 20). Но тут же утешает Господь: **Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше** (Ин. 15, 20).*

Относиться же к этим искушениям нужно различно: с внутренним врагом упорно бороться, побеждая его с помощью благодати Божией, внешним же врагам — прощать. Бояться этой борьбы не надо. Господь укрепляет нас в ней и дает нам

такие неизглаголаннные радости, что по сравнению с одной минутой их все земные радости — ничто [2, т.1, с. 302].

Внутренние искушения можно понимать как агрессивное продвижение врагом греховных прилогов (помыслов) по стадиям их превращения в страсти для пленения человека. Так как в этой агрессии преследуется конечная цель нашей гибели, мы должны упорно бороться с врагом и его прилогами. Внутренние искушения для нас — сигнал к борьбе, неприятной и трудной, но необходимой для спасения. Старец говорит о необходимости побеждать врага с помощью благодати Божией, так как своих сил для такой победы у нас не хватит.

Внешние искушения — это скорби, притеснения, обиды, досады и т.д., приносимые нам другими людьми или обстоятельствами нашей жизни. Людей мы должны прощать, а обстоятельства терпеть. Борьбы с искушениями бояться не нужно, тем более впадать в малодушие. Господь укрепляет нас в этой борьбе, ибо она нам на пользу, и подает такую духовную радость, что перед ней меркнут все земные радости.

Старцы обращают внимание на то, что искушения не только тяжелы, но и длительны. Их череда может продолжаться долгие годы и десятилетия, а школа борьбы с ними оказаться пожизненной. Преп. Анатолий (Зерцалов) пишет своей подопечной:

Жалуешься на искушения и думаешь, что не поверю, как тяжело бороться со страстьми. Верю, матушка Н., верю. Хоть тебе уже и 23 года, а искушения все еще не оставляют — конечно, неприятно! А я вот, матушка, в монастыре 23 года и все-таки работаю под игом фараона. Что же — и кричать: караул! Нет, родная, этим ничего не возьмешь... А укорим

себя, как умудрился грешник мытарь, который изыде из храма оправдан паче праведного фарисея [2, т.1, с. 303].

В молодости человеку часто кажется, что искушения должны быть быстро изжиты, ибо сама их тяжесть воспринимается как свидетельство их ненормальности. И лишь постепенно вырабатывается понимание, что грехи наши серьезны и страсти живучи, и что, немного уступая нашей воле и желанию исправиться, они затем восстают на нас с новой силой. И искушения, это неизбежное и горькое лекарство, которым врачует нас Господь, снова и снова приходят к нам.

Оттого-то и не следует впадать в уныние, но, сознавая, что причина искушений в нас самих, следует смиряться и укорять себя по примеру мытаря. Терпеливым укорением себя можно куда больше преуспеть в низложении нашего горделивого устройства, нежели бесчисленными жалобами на чужую несправедливость или недостойность. А Господь, видя таковое наше произволение не к самооправданию и обвинению других, но к покаянию, простит нас и облегчит нам бремя искушений.

Старцы учат, что без искушений нет спасения, и очень точно показывают то положительное действие, которое искушения производят в человеке. Так, преп. Макарий замечает:

Не будь искушений, и никто бы не спасся, говорит авва Евагрий, и прочие отцы тоже, и что как не чрез искушение приходим в разум истины, а святой Петр Дамаскин: «смирение есть порождение разума, а разум есть порождение искушений». Итак, не должно бояться искушений и не дерзать на оные... [2, т.1, с. 296].

В искушениях человек получает возможность правильно понять свою жизнь. Все льстивые предположения о себе

и уничижительные о других — рушатся. Полагал ли себя достойным большего успеха, чем другие? И вот, ты достиг самого малого, а другие превзошли тебя. Неустанно требовал что-то от других, не пытаясь разобраться в их ситуации? Теперь от тебя требуют то, что ты считаешь несправедливым, и не только требуют, но и притесняют, и гонят, и злословят. Лелеял в душе мысль о своей особой святости, которая принесет глубокий покой душе? Сейчас же беззащитен от грубого насилия помыслов... В таких обстоятельствах человек воочию видит, сколь он немощен: в своих суждениях, поступках, делах, эмоциях и т.д. Поняв и приняв эту немощность, он и делает важный шаг в «разум истины», начав правдиво оценивать себя как немощного. И за этим шагом делает и второй — признает, что правильная жизнь не может совершаться иначе, как в смирении. Данный переход к мышлению, основанному на смирении, и желание на деле быть смиренным есть «порождение смирения от разума».

В это время приходит к человеку понимание всей сложности и тяжести его проблем, понимание того, как непросто смириться по-настоящему и жить во смирении. И что такая жизнь требует искусства. И вновь старцы приходят к нам на помощь своим советом.

Преп. Анатолий (Зерцалов) говорит:

*Нужно только не малодушествовать. Ведь без искушений не проживешь: **кто есть, иже поживет и не узрит смерти** (Пс. 88, 49), т. е. искушения. Искушение дорого тем, что содействует терпению, терпение — искусство. Не будь искушений, мы и остались бы невеждами глупыми. Будем же обвинять в своих бедах себя, а не других... [2, т.1, с. 304].*

Искушения неизбежно заставляют нас учить терпению, ибо любое нетерпение, раздражение и прочее только

усиливают искушения. Терпеливо неся искуc, становимся более терпеливы и осторожны во всем: терпеливо относимся к людям, терпеливо понуждаем себя не считать лучше и достойнее других, терпеливо обдумываем и разбираемся в словах и поступках других и своих собственных, терпеливо ищем решения проблем и т.д. Со временем обнаруживается, что, поступая так, мы начинаем лучше понимать жизнь и других людей, и занимаем более выверенную и правильную позицию. Другими словами, мы становимся искуснее. Тогда приходит к нам и утешительный смысл старческого слова о том, что мы должны были пройти через искушения, чтобы не остаться теми «невеждами глупыми», которыми были ранее.

Преп. Макарий отмечает, что искушения нужны каждому:

Всякому нужен огонь искушений к испытанию и научению в терпении. Ты смотри на вещи с точки той, как Промысл Божий печется о спасении нашем: иному больше, а иному меньше требуется случаев к терпению и обучению, а другому еще не пришло время [2, т.1, с. 295].

В искушениях человек испытывается: как поведет себя, что скажет. Останется ли верен евангельскому образу жизни или ожесточится, перевесит ли в нем любовь к ближним или верх возьмет самолюбие. Каждый из нас в искушениях имеет возможность убедиться, чего он стоит на деле. И Промысл Божий, как говорит старец, «печется о спасении нашем», посылая нам искушения в то время и того вида, которое нам более всего полезно.

Поэтому за чередой искушений, которая сначала представляется нам только цепью неприятных событий, кроется наше движение к христианской норме, жизни по заповедям. Т. е. страдая в искушениях, мы все более обращаем

внимание на необходимость выполнять волю Божию, учимся этому практически и все более надежно становимся на путь спасения. Важно также и то, что Бог в ходе нашего обучения не посылает нам искушения выше меры, но ровно столько, сколько нужно для данного обучения. Правда, мы можем усложнить себе жизнь сами.

Преп. Макарий учит:

...Бог не посылает нам искушения выше меры, но разве (только) за гордость, за самомнение и за ропот, коим мы сами себе скорбиотягаем. Берегись роптать и малодушествовать: великодушие и терпение облегчают скорби, а малодушие и ропот умножают и тягощают оные [2, т.1, с. 297].

Хорошие ученики быстро усваивают уроки и исправляют ошибки. Поэтому если мы в искушениях ставимся духовно более зрелыми, смиренными и искусными, то и искушения переносятся нами несравненно легче. При этом часть их может и вообще миновать нас в будущем. Но если упорствуем в гордости, самомнении и ропщем, то экзамен нами проваливается, и для нашего смирения потребуются уже более тяжелые искушения, чем те, что были.

8.2. РАЗЪЯСНЕНИЕ ЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

На основе общего понимания роли искушений в нашей жизни, о котором шла речь в предыдущем параграфе, старцы давали разъяснения и многих более частных вопросов по этой теме. Первая группа таких вопросов относится к тому, «для чего конкретно посылаются (попускаются) искушения»

В подавляющем большинстве случаев старцы акцентируют наше внимание на том, что без искушений

невозможно придти к познанию наших немощей, а через это — к смирению. Учитывая, что по учению старцев Бог ищет в человеке, прежде всего смирение, такая позиция вполне понятна. Например, преп. Макарий говорит:

...Во многих отеческих учениях видим, что нельзя прийти в познание своих немощей и в смирение, аще не будет поущено быть искушенным душевными и телесными немощами. Вникните в действия ваши, и увидите, что при возмущающих вас случаях — и следа не было смирения, но все одно оправдание [2, т.1, с. 298].

В нашей жизни много происходит такого, что нас возмущает. Особенно это касается мнений, слов и действий людей по отношению к нам в тех или иных ситуациях. А как действуем в ответ мы сами? Старец предлагает нам вникнуть в наши действия, т. е. спокойно разобраться в логике нашей реакции. И мы видим, что поведения наше полностью предсказуемо: во всех случаях стремимся себя оправдать, изыскивая мыслимые и немыслимые аргументы для доказательства нашей правоты или невиновности. А доводы других — оспариваем, стараясь найти в них малейшую зацепку для опровержения или, по крайней мере, сомнения.

При таком подходе нам приходится сталкиваться с повторяющимися искушениями, которые самой своей регулярностью обратят, наконец, наше внимание, на нашу собственную роль в этих искушениях. И мы увидим, что все наши неудачи в отношениях с людьми имеют корень в нашей самоуверенности и несмирении. И стоит лишь изменить свой подход на смиренный, как мы обнаруживаем, что возможным оказывается то, что до этого мы не могли

получить даже прилагая огромные усилия. И это то, о чем напоминают старцы — Бог смиренным подает благодать.

Далее, преп. Макарий объясняет, что благодатная помощь Бога нам, наделение нас дарами, необходимыми для нашей жизни, без искушений опасны:

...Дарования без искушений весьма опасны; враг может обольстить святыню, а искушения смиряют. Будь же воля Господня. Искушений утрашаться не должно, и не насканывать на них, а какие пошлет Бог, принимать с благодарением; в кресте познается любовь Божия, а не в сладости утешения [2, т.1, с. 298].

Всем известно, сколь приятно и радостно обнаружить в себе то или иное дарование, получить тот или иной дар. Особенно это касается дарований духовных, ниспосылаемых нам свыше. Беда, однако, в том, что человек склонен привязываться к такому дарованию, много думать о нем и искать приятных чувственных наслаждений от факта обладания дарованием. Враг использует эту человеческую слабость для обольщения, т. е. незаметного преувеличения в сознании человека важности дарования, насаждения помысла о его исключительности, т. е. недоступности другим людям, подбрасывания жажды неумеренных похвал и т.п. В результате получается, что дарование оказывается всего лишь инструментом гордости, дающем ей возможность укрепиться.

Искушения рассеивают обольщение и смиряют. Благодаря им дарования становятся безопасными для нас. Поэтому не надо бояться искушений, их надо принимать как неизбежное и необходимое в нашей жизни, и благодарить Бога за них. Мы познаем любовь Божию как силу, которая несет добро через страдания и скорби, через крест, и что

другого способа принять ее в свою сущность нет. Испытания открывают нам этот путь любви Божией.

И эту линию на то, чтобы добро и зло не сплавлялись в наших душах во что-то целое, влекущее безысходную путаницу и противоречивость, старцы проводят постоянно. Вот что пишет преп. Макарий:

...Вы праздник светлый встретили благополучно и приятно, мирно и спокойно, — слава Богу! Но после встретились болезни и скорби; этому и должно быть, чтобы мы не превозносились, но получаемые духовные утешения очищались бы огнем искушений, доставляющих нам смирение [2, т.1, с. 298—299].

Духовные утешения, как и дарования, должны быть чистыми. Увы, мы, грешные, имеем такое устройство души, что, приняв чистый дар, оскверняем его своим самолюбованием и превозношением. От этого и утешения перестают быть утешениями, но порождают тягость, и дарования идут не на пользу. Потому и несем по Промыслу Божию утешения и дарования через испытания, которыми смиряемся и сохраняем ниспосланное неповрежденным.

Преп. Лев говорит об этом так:

...И просим вас не унывать и <не> удивляться, что сие попустилось искушение по действию злокозненного врага ко искусу и познанию своих <немощей>, и дабы мы не мудрствовали <и> не думали нечто о себе, но смиряли бы и <отдавали> себя под крепкую руку Божию, и почаще исповедали бы свои помыслы Матушке... попушению однако благодушествуйте, и Господь не оставит вас... [2, т.1, с. 301].

Не всегда мы явно склоняемся к превозношению, отдавая порой предпочтение мудрованию, т. е. мысленному и произнесенному многословию. В этом многословии много усложняется наше восприятие происходящего с нами, но не проясняется. И чем больше отвлеченных рассуждений имеем, тем больше незаметно приходим все к тому же самооправданию и превозношению.

Поэтому старец подсказывает, что не в мудровании заключено решение, но в исповедовании мудреных помыслов, да и отдании себя под крепкую руку Божию. Этим и надлежит преодолеть искушения. А благодущие, это мягкое одеяние души, в котором обессиливается гордость, очень способствует тому, чтобы Господь не оставил нас и помог пройти искушение.

Вот здесь-то и открывается нам смысл старческого слова, что искушения нам Господь посылает, чтобы не лишись мы заступления. Преп. Макарий объясняет:

Погода суровая, дождь, ветер и холод, так что и к шубе, и к топливу надо прибегнуть. Но ведь не всегда благотворность воздуха и ясная погода полезны, заводятся в растениях черви и другие насекомые, вредящие благим плодам. Так бывает и в нашем духовном устройении: посещение благодати, мир, тишина и спокойствие от стужения страстей, если продолжительно и постоянно с нами пребывают, — то опасно, что можем прийти в высокоумие и лишиться заступления, и не будем искусны в борении страстей, и удалимся от скорбного пути. А потому Бог искушает нас противными, к познанию нашей немощи, к терпению и смирению [2, т.1, с. 327].

Благодать, мир, тишина и спокойствие — отраднейшие переживания души. В них человек отдыхает, набирается

сил, наслаждается лучшим, что есть в жизни. Но подобно тому, как безмерно затянувшийся отдых превращает человека в бездельника, а безделье подвигает к необдуманным поступкам, так и душа — если долго и постоянно пребывает в благодатном мире и покое — может стать склонной к особому и высокому мнению о себе.

В затянувшемся покое слабеет в человеке восприятие собственной греховности, сложности и трагизма мира, в котором мы живем. Через ослабленный контроль собственного сознания все настойчивее и успешнее прорываются горделивые помыслы, и человек начинает с ними соглашаться. Но за это превозношение лишается человек заступления свыше и в разлениении, мечтаниях и слабости становится неискусен в борьбе со страстями. А потом и во все может уйти со скорбного, но спасительного пути.

Чтобы этого не случилось, Бог посылает искушения как раз в тех областях, в которых есть для нас наибольший соблазн и наибольшая опасность прийти в высокоумие. И опровергаются наши умственные поползновения к самолюбию горьким опытом, обретаемом в искушении, отчего мы смиряемся и снова меняемся в лучшую сторону.

Полезная роль искушений этим не ограничивается: они не только очищают нас от всего греховного, но и приучают к терпению, которое делает твердыми наши добрые дела. Преп. Макарий наставляет:

...Считаю за нужное напомнить вам, чтобы вы не страшились искушений, какие будет угодно Богу послать вам к познанию и уведению своей немощи и к смирению. Я помню, как вы говорили, что боитесь искушений, а без искушения и спасение не совершается: «муж не искушен — не искусен», и «всякому делу благу или предыдет, или последует искушение», а без того и дело твердо быть не может. Я вам

давал читать малую книжицу к новопоступившему монаху; вы там видели, что нужны искушения, и когда оные обыдут вас, то не смущайтесь, аще и тысячу язв на день примите; кто не имеет искушений, тот лишается и дарований духовных [2, т.1, с. 295].

В боязни искушений, которая нам часто свойственна, есть неправильность. Искушения — это не досадные препятствия, которые только портят все дело, а наоборот, это средства к обретению нами искусства правильной жизни. Даже спасение, дело Божие, не совершается без человеческого произволения и навыка правильной жизни, вырабатываемого в искушениях.

Можно сказать, что в искушениях человек совершенствуется, испытывается и призывается к терпению. Он совершенствуется, поскольку «муж не искушен — не искусен», т. е. в искушениях надо что-то делать для того, чтобы справиться с ними, и сам опыт и помощь Божия направляют к пониманию того, что именно надо делать. И делая правильные вещи, мы в них совершенствуемся, становимся искусными.

С другой стороны, мы испытываемся и призываемся к терпению, так как «всякому делу благому или предыдет, или последует искушение». Если искушение до или во время дела отвратило нас от него, значит, испытания мы не прошли. Так бывает, когда мы делаем что-то ни шатко, ни валко, и не готовы к несению трудностей ради совершения дела. Поэтому искушение есть одновременно и призыв к терпению, т. е. отсутствию страха перед трудностями, вниманию и тщательности ко всем сторонам дела и т.д. От этого дело становится «твердо», т. е. надежно совершается в далеко не идеальных условиях, в каковых мы живем и работаем. И старец наводит нас на убедительную

мысль: если не имеем искушений, то и не совершенствуемся, и не испытываемся, и не терпим — и в силу этого не становимся искусными, а неискусным духовные дарования не даются. Посему «кто не имеет искушений, тот лишается и дарований духовных».

Преп. Амвросий дает обобщенное разъяснение того, для чего Бог попускает врагу искушать христиан:

*...Не помню, чтобы я кого-либо видел без недоумения и недоразумения, потому что всех враг искушает и не хочет никого оставить в покое. Преподобный Макарий Египетский пишет, что Господь попускает лукавому врагу искушать христиан, чтобы не предавались нерадению, а старались жить внимательно и осторожно. Во-вторых, чтобы чрез искушения смирялись и не высокоумствовали, чему, без боязни и искушения вражеского, люди легко подвергаются. В-третьих, люди чрез искушения делаются более опытными и искусными и более твердыми. А прежде всего попускает Господь искушения, чтобы отделить боголюбивых от миролюбивых, сластолюбивых от воздержных и целомудренных, смиренномудренных от горделивых и самолюбивых, как сказано в Евангелии: **не приидох воврещи мир на землю, но меч** (Мф. 10, 34) [2, т.1, с. 308].*

Искушения нужны, чтобы мы «не предавались нерадению, а старались жить внимательно и осторожно». Нерадение о своей жизни, как и жизни других, проявляется в нас многообразно. Здесь и нерадение о вере, когда не молимся и забываем слово Божие, и нерадение о других, когда нашим непостоянством и легкомыслием вызываем проблемы в чужой жизни, и нерадение о себе, когда не разобравшись в ситуации, принимаем на себя неудобные или неудобные обязательства. Испытания, которые предваряют

или следуют за нерадением, отучают нас от него и прививают навык внимательности и осторожности.

Удары искушений вынуждают нас к борьбе, в которой мы опытно постигаем свою немощь и смиряемся, удаляясь от высокоумия. Без этого же мы легко соскальзываем в особое мнение о себе, которое превращает нас в гордецов. Напротив, держась смирения, мы становимся более опытными, искусными, твердыми.

Как поясняет в заключение старец, Господь прежде всего попускает искушения, чтобы выявилось «кто есть кто» среди людей. Все мы, конечно, грешные. Но при нашествии искушений одни из нас каются и исправляются, а другие падают еще ниже. Это зависит от сложившегося, порой скрытого от нас устройства души, которое человек имеет. В искушениях человек сам для себя открывает, каков его выбор, что он любит более — Бога или мир, сласти или воздержание, смиренномудрие или страстное желание возвыситься над всеми.

8.3. ЗА ЧТО НАСТИГАЮТ ИСКУШЕНИЯ

По мере понимания «для чего попускаются искушения», мы также начинаем лучше понимать и «за что они настигают нас». Здесь есть связь, превращение первого во второе и соединение первого со вторым. Скажем, искушение послано для предотвращения высокоумия. А человек в этом искушении не исправился, а пал еще ниже — т. е. стал высокоумствовать более, чем был склонен ранее. Тогда следующее искушение уже будет наказанием за высокоумие, и одновременно — средством отвращения человека от страсти.

Преп. Макарий пишет:

...Да не превознесешь, приемля благие утешения от Премилосердного Господа, о коих ты нередко ко мне пишешь, и... что ты благодарила Бога, удостоившего тебя быть в обители и наслаждаться духовным наслаждением, ни с чем не сравняемым. То, видно, хотя и тонко, но возвысилась умом о себе, вот и попустилось тебе такое искушение [2, т.1, с. 297—298].

Страсти могут действовать тонко, замаскированно, прикрываясь поверхностным благочестием. Даже духовное наслаждение и благодарение за него Бога может разогреть самолюбие и от него производить незаметное возвышение умом о себе. Так и получается, что человек считает себя праведным и удостаиваемым Богом духовными дарами, но не видит, как при этом зашевелилась в нем страсть, загрязняющая дары. И вот за впадение в эту страсть попускается искушение.

Преп. Макарий предостерегает от всех «тонких» обольщений, в частности, от обольщения мнением о благоугождении Богу, за что тоже посылаются искушения:

...Бог выше меры не пошлет искушения, и когда посылает оное, то точно на пользу душ наших сие творит. А мы, часто сего не разумея, малодушествуем и думаем, что когда сего бы не было, то могли бы больше благоугождать Богу, но сим обольщаемся ложно. Ибо когда мы, делая что благо, думаем, что благоугождаем, то обольщаемся сим мнением и паче Бога прогневаем, а случается, что, при всех наших усилиях благоугодить Богу, отъемяются от нас силы по вышеписанной причине, или болезнию посещает нас Господь, или попускает умножаться немощам нашим душевным, да не будем надеющиеся на ся, но на Бога, а это очень часто случается, что мы недугуем или мнением о своих исправлениях,

или нерадением. Сии две противоположности хотя и ... вредны, но из последней скорее можно изыти, пришед в чувство, и, сокрушаясь о грехах своих и смиряя себя, удостоиться милости Божией, а обольщенный своим мнением помрачается и ослепляется душевными очами и не скоро может обратиться к смирению и покаянию, разве особенною милостию Божиею попустится впасть во искушение [2, т.1, с. 297].

Какое бы искушение Бог нам ни послал — оно всегда на пользу. Более того, если Он посылает искушение, значит, в данный момент Ему более угодно, чтобы мы смирились и научились терпению. Мы же, по малодушию, полагаем, что искушение мешает нам делать то, что было бы более угодно Богу. И этим ложно обольщаемся, так как думаем, что нам лучше Бога известно, чем более угодить Ему. Да и само мнение о том, что мы угождаем Богу, когда делаем некое доброе дело, обольщает нас, возвышая в собственных глазах, и это высокоумие перечеркивает и доброе дело. За это Бог на нас прогневляется и посылает искушения.

Стоит ли теперь удивляться, что мы часто чувствуем, как силы оставляют нас, когда беремся за благое дело. Объяснение тут только одно — много в душе гордимся собой, от того и бесполезна нам поддержка свыше. А без Бога ничего творить не можем. Старец называет два вида недуга, за которые Бог отнимает силы, посещает болезнью или попускает умножаться нашим немощам душевным: мнение о наших исправлениях и нерадение. Причем нерадение рассматривается как недуг, из которого можно быстрее выйти, так как он слишком заметен. Поэтому человек, подверженный нерадению, рано или поздно приходит в чувство и кается. Сложнее дело с обольщением своим мнением. Здесь человек теряет душевное зрение,

не различает своего недуга и может долго не приходить к смирению. За это обольщение особой милостью Божией грешнику попускается впасть в искушение, которое открывает ему «душевные очи» на недуг.

Искушения от бесов могут попускаться за нетерпение искушений от людей. Преп. Анатолий (Зерцалов) напоминает:

Тебя беспокоят искушения бесовские. Без этого нельзя. Кто не терпит искушений от сестер, тот должен терпеть от бесов. Прочти об этом у Лествичника [2, т.1, с. 303].

Довольно часто мы не терпим искушений от окружающих. Например, не терпим никакой критики в свой адрес, обвиняем во всех смертных грехах людей, доставивших нам какое-либо неудобство, или высокомерно удаляемся от всякого общения с неугодными нам и всячески демонстрируем им это, и т.д. Т. е. вместо того, чтобы учиться терпению, мы «учимся» нетерпимости, вместо смирения — привыкаем к гордости. Понятно, что в этом случае искушения от людей становятся временно неэффективными лекарствами для нас.

Тогда нам прописывается другое лекарство. В отличие от людей, которым мы можем возразить, или высокомерно удалиться от них, бесы вне нашего контроля. Единственное спасение от них — помощь Божия. И если Бог свою защиту отнимает, то бесы начинают искушать нас неотступно и жестоко, а человек видит свою полную беспомощность перед ними. Волей-неволей приходится и терпеть, и смиряться, и молить Бога о помощи. По мере нашего покаяния и смирения Господь прощает нас и отгоняет бесов. А мы запоминаем урок и вносим коррективы в свое поведение с людьми.

Искушения от врага приходят и за то, что мы больно принимаем к сердцу его хулы, вместо того, чтобы совсем не слушать их. Преп. Иларион разъясняет:

*Недоумеваешь, отчего произошло с тобой такое страшное искушение? Писание говорит: **аще принял еси заповедь, жди от нея искушения** (Ср.: Сир. 2, 1), и святые отцы пишут, что добрым делам предыдет или последует искушение, даже и в молитве это бывает: «аще помолитишься якоже подобает — жди от нея якоже не подобает». А эта хула случилась с тобой оттого, что ты больно приняла к сердцу: он не только что на старца хулит, но и на Святую Троицу и на все таинства хулит, тем только и освобождаются от этих его козней, что не внимают им. А главное, что было причиною твоего искушения — это зависть бесовская, чтобы отбить от старческого пути, который тяжельше ему всех добродетелей. — Не смущайся этим искушением, оно все пройдет. Бог да простит и разрешит тебя во всех мысленных твоих искушениях... [2, т.1, с. 300].*

Стоит человеку принять больно к сердцу какой-нибудь оскорбительный бесовский прилог, как враг распаляется, видя эту нанесенную нам рану. Он хочет сделать ее еще больше и мучительней, а потому и многократно умножает хулу. Для врага нет ничего святого и запретного, он будет хулить и нас, грешных, и старцев, и Самого Бога. Здесь у нас есть определенная проблема, в прямом смысле слова связанная с нашей неискушенностью. Т. е. нам мучительно стыдно иметь такие хульные помыслы, и мы их порой приписываем себе, от чего становится еще большее.

Урок терпения и смирения в такой ситуации заключается во всецелом отнесении источника хулы к врагу, и научению полностью игнорировать, не слушать и не

вспоминать бесовскую хулу. Только этим и освобождаемся от козней. Не нужно смущаться тяжелыми мысленными искушениями, которые навязывает нам враг по своей зависти за наши правильные действия, за старческий путь (т. е. за следование наставлениям старцев). Будем утешаться, что сама ярость врага говорит о том, что мы противостояем ему самым тяжелым для него образом. И потерпим, научимся не внимать его грязным прилогам и станем более искушенными бойцами, что уже угодно Богу.

В целом же, понимая за что Бог может попустить нам то или иное искушение, мы все же должны и понимать, что судьбы Божии нам неведомы. И потому не стоит пытаться каждый раз получить однозначный ответ на вопрос «за что?». Лучше на всякое искушение универсально отвечать терпением, смирением, молитвой. Преп. Антоний говорит:

*Вы желали бы знать, чего ради попущено быть столь тяжкому искушению, но я вам уже писал, что судьбы Божии и Ангелам Его неведомы, кольми паче нам, человекам грешным, т. е. за грехи ли соделанные искушение оное случилось, или в предохранение от грехов будущих, или яко злато, тако искуси вас Бог, да соделает вас достойных Себе. Вы знаете, кажется, историю праведного и многострадального Иова, который в кратком часе времени сколько претерпел ужасных пыток не за грехи и за все оное благословлял Бога, и, успокаивая себя, говорил: **аще благая от руки Господней прияхом, то злых не претерпим ли?** (Ср.: Иов. 2, 10). А как праведник сей, в чем сам много искушен был, то получил от Господа Бога велию благодать и искушаемым помогать, то посему и советую вам обратиться к нему с усердным молением и смиренно просить его молитвенного ходатайства пред Богом о избавлении вас от искушений и бед, и уповаю,*

что ради его святых и всесильных молитв обрадует вас Господь милостию Своею [2, т.1, с. 299—300].

За грехи совершенные, или во избежание грехов будущих может искусить нас Бог. Таков Его Промысл о грешниках, действительных или потенциальных. Но и праведникам посылаются искушения, чтобы открылась прочность праведного устройства их душ. И как золото не берется кислотой, так и истинно праведная души не берется ни грехом, ни страстью в самых тяжелых искушениях. Через это Бог делает праведников достойными Ему.

Старец приводит в пример такого истинного праведника, как Иов. Немного людей претерпели такие страдания, как он, да еще за короткое время. Но не пошатнулась его праведность, и принимал он все от Бога с благословением. Так и нам надлежит принимать все от Бога, а там, где сил не хватает и душа искушения уже не держит — усердно молиться праведному и многострадальному Иову о ходатайстве пред Богом. И не будем оставлены.

8.4. ЧТО ОТКРЫВАЕТСЯ ИСКУШЕНИЯМИ

Сформулируем вопрос несколько иначе: что открывается в нас и нашей жизни искушениями? Если ответить коротко — правда. И это очень важно, потому что, не зная того, как есть и что происходит в действительности, мы не в состоянии правильно жить. Вот эту-то правду о себе, которой мы так тщательно избегаем по нашему самолюбию и гордости, мы и видим благодаря искушениям.

Преп. Амвросий говорит:

...Из города Ливен приезжающие к нам часто повторяют слово, значение которого я не совсем ясно понимаю: «толкач

*муку покажет». Должно быть, когда толкут человека-христианина, то и покажется, какая в нем мука, первой руки или второй, или третьей. И святой Иаков, брат Божий, пишет, что человек неискушен неискусен. В паремиях преподобным читается: **якоже золото в горниле искусят их** (Прем. 3, 6). Испытания неприятны, а полезны; да и податься от них некуда, по сказанному: **в мире скорбни будете** (Ин. 16, 33). Значит, в целом мире безскорбного места не найдешь; везде к одному заключению придешь, что потерпеть нужно [2, т.1, с. 308].*

Человек «толчется» испытаниями, в результате которых выявляются его подлинные качества. И они могут оказаться совсем не такими, как нам казалось. Что-то окажется неожиданно и к нашей радости первого сорта, но что-то и второго, а что-то и вовсе третьего. И тогда окажется, что первосортные качества надо бережно хранить и не отдавать их разлагающему действию страстей, второсортные — улучшать, а над третьесортными крепко задуматься, ибо работы здесь предстоит много. Если за эту работу по исправлению беремся, то испытания и выполнят свою роль, подвигая нас становиться искусными.

Испытания неприятны, но полезны и неизбежны. Где бы мы ни были, в каком бы месте ни жили, они всегда найдут нас. И, по слову старца, везде придем к одному заключению — «потерпеть нужно». Тогда и увидим, что терпение — это «золотой ключик», который открывает дверь в сокровищницу, где находятся смирение и искусство жить правильно. И что та тягость и трудность, которую мы испытываем отказываясь от гордости, от всех ее несбыточных надежд на нашу собственную исключительность и особое предназначение, есть ничто по сравнению с той радостью, которую имеет наша подлинная жизнь.

Утешать же себя в искушениях нам нужно мыслью, что ничто по-настоящему ценное и важное не дается легко.

Преп. Анатолий (Зерцалов) с редкой точностью об этом говорит:

*Практика, т. е. слово Божие, говорит: Даждь кровь и прими Духа, а наша ученость хитрит — нельзя ли уловить Духа так, чтобы не портить крови. И не уловит. А вечная-то мудрость ищет, толкает, завет не к мечтательной жизни, а к истине. Вот и посылает удар! Даждь премудрому вину, и премудрый будет. А муж неискушен — не искусен. Потому-то и учит Апостол: **Искушение соделывает терпение: терпение же — искусство** (Ср.: Иак. 1, 3—4). Нам же хочется как-нибудь объехать искушение и терпение и попасть в искусные. А этого нельзя! Даждь кровь, говорит практика! [2, т.1, с. 301].*

Наш ум проявляет большую изобретательность в поиске путей, на которых духовное развитие совершалось бы легко и безболезненно. Беда в том, что самый наш ум ведется нашим же несовершенством, а потому и горазд на мечтания. Его настоящая задача не в том, чтобы создавать большое количество привлекательных картинок, а в постижении истины.

Искушения стряхивают, как прах, мечтательные картинки, человек же переживает это как удар. Но этот удар подобен действию резца скульптора, который отсекает очередной лишний кусок от бесформенной глыбы, какой часто является наше устройство. И так раз за разом постепенно высекается в нас образ истины, который угоден Богу. Нельзя стать искусным, не расставаясь болезненно с тем, что мы считали своим и хотели сохранить в себе, но что на самом деле является лишним в нас.

Поэтому ум в искушения становится более зрелым и вырабатывает познание нашей немощи и способность к здоровым суждениям. Преп. Лев замечает:

Вы пишете о приходящем вам разсуждении, что люди чрез несчастья делаются мудрыми, истинно так, искушения, посылаемые нам от Бога, точно суть полезны, из оных мы познаем свою немощь, можем судить здраво о ближних и видим, сколь наша вера есть мала, когда тогда только благодушествуем, когда получаем благое, а когда оное отъемлется, упадаем духом. Но да поможет нам Господь смиренным духом и благодарным сердцем принимать от Господа <все> посещения, а Он силен и паки возставит ваше положение и привести в порядок торговые ваши дела [2, т.1, с. 301].

Без искушений человек сосредоточен на получении благого и доволен, когда имеет желаемое. Он привыкает к такой ситуации, она ему кажется естественной, свое благодушие человек считает выражением собственной души. В этом состоянии ему трудно усмотреть в себе какие-либо недостатки, равно как и сложно иметь глубокие суждения о ближних из-за ограниченности собственного опыта.

Искушения освобождают нас от односторонности нашего взгляда на себя, открывая нам наши немощи. Мы видим, как быстро падаем духом и унываем, когда благое отъемлется от нас; как слаба наша вера, поскольку мятемся в трудностях и сомневаемся, что молитвой можно делу помочь, как поверхностны и часто неправильны наши суждения о близких, опровергнутые искушением и т.д. Но именно через этот опыт познания собственной немощи мы и находим способы преодоления ее, вырабатывая в себе способность с благодарным сердцем принимать от

Бога все, что Он посылает, а не только то, что нам нравится и нетрудно для нас.

По мере искушенности и искусности, мы приходим и к более общему пониманию роли искушений в нашей жизни. Оно заключается в том, что свобода разумных существ должна испытываться, чтобы открылось, к чему они самоопределяются и в каком состоянии находятся.

Преп. Амвросий учит:

Свобода существ разумных всегда испытывалась и доселе испытывается, пока утвердится в добре. Потому что без испытания добро твердо не бывает. Всякий христианин чем-либо да испытывается: один бедностью, другой болезнью, третий разными нехорошими помыслами, четвертый каким-либо бедствием или уничтожением, а иной разными недоумениями. И этим испытывается твердость веры, и надежды, и любви Божией, то есть к чему человек более склоняется, к чему более прилепляется, горе ли стремится, или еще пригвожден к земному, чтобы человек-христианин чрез подобные испытания сам видел, в каком он находится положении и расположении, и невольно смирялся. Потому что без смирения все наши дела суетны, как единогласно утверждают и богоносные отцы [2, т.1, с. 307].

Свобода разумных существ должна утвердиться в добре, и испытания этому способствуют. Необходимо, чтобы человек был привержен сознательно добру и был готов его защищать и идти на лишения ради него. Без этого добро становится разменной монетой, оно принимается лишь тогда, когда выгодно, или не мешает комфортному и безопасному существованию. В других же случаях оно оставляется.

Каждому из нас суждено пройти испытания, и в испытаниях мы имеем свободу выбора. То, что мы будем думать, говорить и делать охарактеризует наш выбор. И эта характеристика будет довольно объективной. Т. е. мы сами увидим, что начинает преобладать в нашей жизни: слабеет ли наша вера, теряем ли мы устремленность к горнему, растворяемся ли полностью в мире материального, начинаем ли считать его самодостаточным. Или, наоборот, смиряемся, видя наши несовершенства, и принимаем трудности узкого пути, и через это все же укрепляемся в вере, утверждаемся в истине. Тогда получаем закалку, которая нам необходима. Она нам необходима для того, чтобы успешно противостоять соблазнам, которые постоянно преследуют нас.

Преп. Амвросий замечает:

...При полном здоровье, особенно молодым, какая и какая пустошь не приходит в голову. Враг, чтобы выманить их из монастыря, обещает им почти все царство земное, и всякие блага, и всякие удовольствия, и то, чего и написать неудобно. А на самом деле, если послушают, награждает противным. Святитель Дмитрий Ростовский пишет, что мир обещает золото, а дарует блато [2, т.1, с. 304].

Какими бы обещаниями не соблазнял нас враг, славою, деньгами ли, или чем-либо еще, надо всегда помнить о том, что основой жизни является вера в Бога и исполнение Его заповедей. Остальное все приложится каждому в той мере, в какой это ему необходимо и полезно. И именно этот правильный взгляд на жизнь и вырабатывается в человеке, когда он испытывается в искушениях.

8.5. КАК ВЕСТИ СЕБЯ В ИСКУШЕНИЯХ

Наконец, как вести себя в искушениях? Оптинские старцы и здесь дают ряд советов, позволяющих нам не быть беспомощными. Прежде всего, нужно принимать, что искушения служат нашему спасению. Это хорошо защищает от уныния и недовольства.

Преп. Макарий наставляет:

...Вперед, что бы ни случилось противное к твоему искусу, надобно принимать, что это послужит к твоему спасению, чрез искушения мы приходим в разум истинный, а от разума к смирению, которое всего нужнее нам ко спасению... [2, т.1, с. 298].

Вот это ясное понимание, что через искушения мы должны поумнеть и смириться, и что это нужнее всего для нашего спасения и меняет негативное восприятие искушений на позитивное. Другими словами, фокусироваться надо не на том, что искушение неприятно, а на том, что мы подталкиваемся им к лучшему устройению нашей души. Как следствие, и к лучшей жизни, в которой сильнее выражена ориентация на спасение.

Отсюда следует вывод, что мы не должны желать пребывания в неизменном состоянии. Такое желание противоречит задаче спасения. Преп. Амвросий говорит:

...Желающие спастись всегда должны содержать в памяти слова преп. Петра Дамаскина, что спасение совершается между страхом и надеждою. А желание видеть свое спасение ясно как на ладони, — желание и мнение ошибочное. Ежели в видимой природе постоянная бывает перемена: то тихо, то ветрено и бурно, то ясная погода, то дождливое

время, а иногда неожиданный мороз или град и подобное тому,— то кольми паче в духовной жизни бывают прилоги и неожиданные изменения. Преподобный Исаак Сирин пишет, что любовь христианина к Богу на всякий час испытывается переменами, приятными и неприятными, отрадными и скорбными. А желать всегда пребывать в неизменном состоянии есть путь волков, т. е. мысленных, которые таковых благовидными предложениями и доводят до погибели, от чего да избавит нас Всеблагий Господь [2, т.1, с. 327—328].

Кажется, что плохого в желании постоянного покоя и свободы от искушений? Но старец указывает, что это желание есть соблазн, которому человека подвергают враги его спасения. Если бы любовь христианина к Богу не испытывалась бы переменами, душа его бы ослабела, стала бы слишком изнеженной и неспособной к смирению. В такой слабой душе врагу легко творить его волю: возвращать пороки, распалять страсти, вести к греху.

Поэтому стремление к неизменности — это путь «мысленных волков», т. е. бесов, которым выгодно изолировать человека от естественного течения его жизни. Течения, в котором у него есть и радость, и горе, и в котором его душа постоянно испытывается и всем ее опытом приводится к лучшему состоянию.

Но чтобы это произошло, в искушениях надо видеть силу страстей и учиться их преодолевать. Преп. Макарий замечает:

Слава Богу, что искушение между вами упразднилось и прошло, а вы должны иметь себе на замечании, как в вас сила страстей, действием или подущением врага, противится воле Божией и стирает вашу душевную выю <шею>, отгоняет мир и кому делает подобными? Бог насадил в нас

любовь, а от нее многовождеденный мир, а враг, напротив, вселяет вражду и смущение за самые пустяки: «не так сказала слово! не так взглянула!» — и самый тон и звук слов на весу и на мере. Это я обеим вам пишу и прежде много писал, и где любовь и смирение и самоукорение, там бы не было сего [2, т.1, с. 299].

В искушениях оттого и трудно, что противостоять приходится не игрушечному, а реальному противнику, который делает все, чтобы страсти поработили нас. И мы порой не видим, как сила страстей противостоит воле Божией и как она подавляет нашу собственную волю следовать заповедям. В развернувшихся страстях царствует гордость, и она находит самые мельчайшие поводы, чтобы враждовать на людей: не только слово и взгляд, но даже тон и звук слов придирчиво измеряются, чтобы найти эти поводы к вражде.

«Любовь и смирение и самоукорение» — вот чем надо защищаться от вражды. Эти добродетели и побеждают страсти, хотя победа не дается легко. Поэтому мы должны терпеть и помнить, что в искушении всем тяжело. Преп. Анатолий (Зерцалов):

Кому легко бремя искушения? На что велик пред Богом святой Исаак Сирин, и тот говорит: «Кому не тяжело оно, время, в неже напояется человек ядом искушений? » Потому и ты: попищи, попищи, да и помолчи! Пройдет! Ей, пройдет и не вспомняется! А плод этих болезней возрастет, созреет, разукрасится. И как же сладок будет он! Как же благовонен! Как заблестит всеми цветами радуги, всеми красотах драгоценных камней! Каждая капля пота, каждый вздох тысящекратно вознаградится щедрым Подви-

гоположником нашим Иисусом. Потерпи Господа, мужайся. Да крепится сердце твое! Спасайся... [2, т.1, с. 303].

Нести бремя искушений тяжело. Но это уготовано нам всем и нет какой-то несправедливости в том, что сейчас именно этот человек несет это бремя. В свое время оно возлагается на каждого. Искушения не вечны, они преходящи — уйдут и забудутся. Но выросшая и повзрослевшая на них душа останется. И в ее чистоте, сиянии ее добродетелей будет ответ на вопрос: почему так тяжело в искушениях? Потому что так прекрасен плод, который в них выращивается, и без наших труда и пота и крови его не вырастить. Надо, как говорит старец, «потерпеть Господа» — т. е. терпеть и утешаться мыслью, что за искушениями стоит крепкая рука Бога, направляющая нас к очень высокой цели. Цель эта — чтобы мы стали достойные Ему.

В искушениях также нужно противостоять огорчениям, не позволять себе скатиться через многомыслие к самоистязанию. Преп. Антоний учит:

...Какие бы ни были огорчения, они подобны малейшей искре, т. е. если плюнешь — потушишь. Если же эту малейшую искру будешь раздувать, то произойдет пламень и все доброе устройство в человеке истребит, а раздуванье это составляется от многомыслия, например: «сердце мое под тяжелым крестом; истинно горькая жизнь монашеская: все сердце изорвалось»... [2, т.1, с. 327].

Первый контакт с огорчением, даже сильным, не приводит в душе пожара. Если мы тут же прибегнем к благодушию, то огорчение станет искрой, так и не превратившейся в пожар. Так и надо поступать в искушениях. В правильности такого поведения мы обязательно убедимся

впоследствии, когда обнаружим, что наше доброе устройство не сгорело дотла в страстях, воспламененных многомыслием.

А многомыслие, как объясняет старец, раздувает искру огорчения и превращает ее в пламень. Т. е. человек начинает размышлять над огорчением, жалеть себя — и пожар обиды, горечи, недоумения и гнева разгорается. Да так, что ничего доброго в человеке не остается.

Этого правила «нераздувания искры» следует придерживаться и в отношениях с враждующими на нас, каковые обычно появляются в искушениях. Преп. Лев учит:

...Скажите ей, что во искушении ее требуется терпение и сознание своих немощей, признание своих грехов и самоукорение, но что Бог призрит и умиротворит враждующих на нее. А ежели будет обходиться с прекословием, вздором и злопомнением, то более воздвигнет на себя гонения и скорби [2, т.1, с. 302].

Когда мы проявляем в искушении терпение, сознание своих немощей, признаем собственные грехи и укоряем себя, нам кажется что этим-то и держится под контролем и успокаивается ситуация. На самом деле таким поведением мы вызываем внимание к Богу к себе и, поскольку это то, что Он от нас и ждет, Бог умиротворяет враждующих на нас. Это лучший способ преодолевать искушения.

Но мы не сразу осваиваем такой подход. Сначала стараемся активно противостоять «обидчикам», прекословим им, говорим сгоряча вздор, обвиняем их во зле. Увы, это Богу не угодно, и потому Он за это воздвигает на нас еще большие гонения и скорби. Мы же с горечью видим, как ситуация стала еще тяжелее и безысходней, и начинаем учиться сдерживаться.

Более того. В искушениях мы должны не только терпеть и сдерживаться, но и радоваться. Преп. Амвросий учит об этом так:

*...А я слышу, что ты настолько предалась и предаешься безмерной печали, что несколько уже дней совсем не употребляешь пищи, так что и желудок твой начал ссыхаться. Это неблагоприятно и несогласно с волею Божиею предаваться такой вышемерной печали, когда имеем апостольскую заповедь **радоваться в различных искушениях** (Ср.: Иак. 1, 2), как пишет святой Иаков, брат Божий. То же самое сказано и у апостола Павла: **всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите** (1 Фес. 5, 16—18). Сия бо есть воля Божия. И нам следует придерживаться воли Божией, а противное отвергать и не предаваться оному. Ангел покаяния святому Ерму говорил, что печаль оскорбляет Духа Святаго и неприлична рабам Божиим, то есть печаль неуместная или вышемерная. А ты уже пресытилась печалию, пора и отложить оную и взяться за благонадежие. И простой опыт свидетельствует, что после сильной бури в море бывает велия тишина. Будем мы надеяться и ожидать подобного [2, т.1, с. 310].*

Печаль от искушений может легко стать «вышемерной», т. е. больше того огорчения, которое естественно для данного случая. Тогда мы начинаем делать вещи, которые неразумны и идут во вред нам. Это противно воле Божией, противно апостольской заповеди, в которой нам предлагается поступать ровно наоборот: не печалиться, тем более вышемерно, а радоваться в искушениях.

Чему же тут радоваться? Тому, что искушения попустил Бог к нашей же пользе, в чем через некоторое время убедимся сами. Тому, что искушения не бесконечны, придет

и покой, в котором забудутся все наши скорби. Тому, что через искушения мы становимся лучше, а значит они в наших интересах.

А также тому, что познаем, что смирение, которое вырабатывается в нас искушениями, отбрасывает и сами искушения. Преп. Анатолий (Зерцалов) утешает:

...Эти годы — это искушение есть одно из звеньев цепи искушений, тебя преследующих. А только переменяются эти звенья. Все же они имеют один корень: «Я, мол (т. е. Н.), уж очень умна и знаю дело». Следовательно, если смиришься и осознаешь свою немощь — все твои искушения всю цепью отлетят от тебя [2, т.1, с. 302].

Искушения в нашей жизни сменяются, не меняется лишь регулярность, с которой они настигают нас. Это говорит о том, что нам, к сожалению, нужен не один, а много уроков для того, чтобы понять, что от нас требуется. Мы ходим вокруг да около, ищем некие частные причины искушений. В то время как их корень — наша самоуверенность в том, что мы умные и все знаем, тщательно закрывается от нас нашим самолюбием и нашей гордостью.

Но стоит смириться и осознать свою немощь, так тут же и увидим, сколько неправого от нас исходит в жизни. И что искушения только лекарство, нужное нам для исправления. Так исправимся, и вся цепь искушений отлетит от нас.

Глава 9

УЧЕНИЕ О ЛЮБВИ

Старцы в своих поучениях говорят о любви Бога к человеку, человека к Богу и человека к людям. Если первая любовь в прямом смысле божественна и совершенна во всем, то вторая и третья часто несовершенны даже по человеческой мерке. Тем не менее, старцы раскрывают и сущность любви, и пути ее совершенствования в человеке, а также предостерегают от ошибочных или неточных мнений в этом жизненно важном вопросе.

9.1. ЛЮБОВЬ БОГА К ЧЕЛОВЕКУ

Оптинские старцы говорят о любви Бога к человеку реже, чем о любви человека к Богу и другим людям. По-видимому, они исходили из того, что Бог через Священное Писание сказал о Своей любви все. С другой стороны, от их внимания не ускользало, что отдельные люди по немощи все же сомневаются в любви Бога, особенно в отношении себя лично. В таких случаях старцы разъясняли людям, что и их лично Бог любит гораздо больше, чем они думают.

Преп. Анатолий (Зерцалов) так сказал свой подопечной:

*Что ты слаба и неопытна, не унывай, сам твердейший камня Павел учит: **сила бо Моя в немощи совершается** (2*

Кор. 12, 9). Ты ли, девочка, посмеешь мыслить, что сама собою что можешь сделать? Бог помощник нам! Если живущую в миру Он не оставил тебя, а научил искать вечных истин (чего мудрецы мира сего и понять не могут), теперь ли Он оставит тебя, посвящающую Ему всю свою жизнь? Не усомнись. Бог любит тебя гораздо больше, чем ты думаешь. И лучший тому знак: ты грустишь, когда дело идет о мирском, и радуешься, когда говорят о духовном. Откуда ты этому научилась? Бог вложил искру в сердце твое. Смотри же, не угашай ее! [2, т.1, с.383].

Все мы нередко ощущаем собственную слабость и неопытность на духовной стезе, и порою невольно задумываемся, а не стоит ли за этой нашей слабостью и неопытностью недостаток внимания к нам со стороны Бога. Старец напоминает, что сила Христа в этой нашей немощи и совершается. Т. е. помимо слабости, которую мы видим и чувствуем, есть и сила, которая преодолагает нашу привязанность к мирскому и дает стремление к духовному. Это стремление не появляется само по себе, но возникает из той искры, которую Господь вкладывает нам в сердце.

Сама эта искра свидетельствует нам, что Бог любит нас и посылает нам то, что для нас наиболее важно. А именно: тягу, интерес, стремление к духовному — т. е. всему, что спасительно для человека. И что в условиях, когда человек имеет свободу выбора, Бог укрепляет нас в правильном выборе, поддерживает наше желание спастись и ведет по пути спасения. Это и означает, что Он любит нас и готов принять нас. Наше же дело — не унывать, когда сталкиваемся с немощью, но хранить и оберегать в себе самое ценное, искру Божию.

Другими словами, мы сами не должны покидать Бога, угащать данный нам от него начаток правильного сознания и понимания происходящего, и стремления к правильной жизни. Если мы не покинем Бога, то и Он не покинет нас. Преп. Анатолий (Зерцалов) так и говорит:

*Только ты не покинь Его, а Он тебя не покинет. Он Сам сказал: **Аз с вами** (а следовательно, и с тобой) **есмы до скончания века!** (Мф. 28, 20). **Аще и мать забудет отроча свое, Аз не забуду тебе** (Ср.: Ис. 49, 15) [2, т.1, с. 383—384].*

Чтобы мы не покинули Бога, мы должны Его любить. В виду особой важности этого вопроса, старцы оставили много поучений о сущности надлежащей любви человека к Богу. Они всегда подчеркивали, что не столько чувство (умиленное, благоговейное и т.д.), сколько выполнение заповедей свидетельствует о любви к Творцу и утверждает в ней.

9.2. ЛЮБОВЬ ЧЕЛОВЕКА К БОГУ

Преп. Макарий учит:

*Вы упомянули о любви вашей к Богу, что сердце ваше пламенно горит любовью к Богу. Я в этом не сомневаюсь, но любовь Божия состоит не в том только, что в некоторое время ощущаем чувство умиления и слезы: это можно относить более к дарованиям Божиим или награде от Него, а о любви сказано: **любяй Мя заповеди мои соблюдают** (Ср.: Ин. 14, 15), то, считая чувства оные любовью к Богу, можно обольститься о себе мнением, за что иногда попускаются искушения, подобные тем, какие вы испытываете: грусть, тоска, мрак и т.п. Когда прочтете 55-е*

слово Исаака Сирина, то можете уразуметь гораздо лучше, в чем состоит любовь Божия [2, т.1, с. 387].

Если человек принимает свои чувства за любовь к Богу, он может обольститься и придти к высокому мнению о себе как о весьма любящем Господа. Но если он при этом слаб в исполнении заповедей, то такое мнение будет ложным и вполне подойдет под определение самовозношения. За это к нему могут придти искушения, которые своим мрачным содержанием (грустью, тоской, мраком) прямо укажут человеку, что он обольстился.

В этом случае человек начинает мыслить о любви в Богу в соответствии с заповедью о ней самого Бога, и переключает свое внимание на выполнение заповедей. Столкнувшись со многими своими неисправностями в этом деле, он смиряется и принимает позицию старцев, что любовь грешных людей к Господу слишком несовершенна, чтобы даже мысленно превозноситься ей.

Но эта же позиция смирения приносит ему и успокоение: выполнив хотя бы малую часть заповеданного, он начинает испытывать умиление и слезы, но уже не относит это к своей любви, но к любви Бога к нему, Который и за малое радение поощряет человека этими дарами.

С другой стороны, в этом случае мы вынуждены задуматься. Любовь к Богу проявляется в искреннем желании служить Ему, но если наше служение сопровождается грехами, то мы неизбежно сталкиваемся и с несовместимостью греха и служения. Ведь служим через исполнение заповедей, а грешим — через их нарушение.

Преп. Никон напоминает:

Нельзя работать Богу и мамоне (Ср.: Мф. 6, 24), *нельзя служить Богу и греху. Должен человек, по Евангелию,*

возлюбить Господа всею душою, всею крепостию, всем сердцем, всем помышлением своим (Мф. 22, 37; Мк. 12, 30; Лк. 10, 27), *не отдавая греху ни одного чувства, ни единой способности своей душевной и телесной* [2, т.1, 384].

Здесь старец определенно говорит о том, что настоящая любовь к Богу и истинное служение Ему связаны с всецелым пребыванием в праведности, когда ничто в человеке не отдается греху. И только с этой меркой мы должны подходить к себе, когда начинаем размышлять о своей любви к Богу. Стоит нам так поступить, как мы тут же придем к естественному выводу, что наша любовь несовершенна и что нам предстоит пройти долгий и часто нелегкий путь развития любви.

Преп. Амвросий поясняет содержание этого пути:

*Любовь рождается от веры и страха Божия, возрастает и укрепляется надеждою, приходит в совершенство благостию и милосердием, которыми выражается подражание Богу, как сказано в Евангелии: **Будьте милосерди, якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть** (Лк. 6, 36), и еще сказано в Евангелии: **Милости хочу, а не жертвы** (Мф. 12, 7). Милость и снисхождение к ближнему и прощение недостатков его — выше жертвы, которая не принимается без мира к ближним, по слову Евангелия: **Аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой** (Мф. 5, 23—24) [2, т.1, с. 382—383].*

Вера в Бога есть и вера в совершенство Всевышнего, которая приводит нас к осознанию любви как

«совокупности совершенства». Вера создает в человеке устремление к Господу, и это устремление, если оно осознает себя как любовь, опирается на совершенствование чтобы придти к «совокупности совершенства». Одновременно человек ненавидит зло («Страх Господень — ненавидеть зло», Притч. 8,13) как нечто полностью противостоящее совершенству, противостоящее любви.

Поэтому любовь рождается от положительного полюса, от веры, создающей стремление приблизиться к Богу, и от отрицательного — ненависти к злу, вызывающей стремление удалиться от зла, преодолеть и победить его тогда, когда зло агрессивно преследует человека. Настоящая любовь свободна от зла, она не терпит его и, творя добро, добром желает победить зло.

В самом начале своего существования человеческая любовь слаба, как слаб росток растения. Но она возрастает и укрепляется надеждой на помощь Божию, ниспосылаемую делам любви. Благостью и милосердием любовь приходит в совершенство, так как в этих качествах начинает прямо подражать совершенству Отца Небесного, Который истинно благ и милосерден.

Старец также обращает внимание на то, что милость и снисхождение к ближнему, прощение его недостатков есть более важное свидетельство любви, чем жертва. Постоянное стремление к миру с ближними, умение сгладить неудобства от человеческих недостатков прощением и незлопамятностью говорят об определенной зрелости любви. Такая любовь приносит свою жертву в виде терпения, выдержки, смирения, отсутствия эгоизма — проявлять такие качества трудно, и трудность эта и есть духовная жертва. Она важнее жертвы материальной, приносимой к алтарю.

9.3. ТРИЕДИНСТВО ЛЮБВИ ДЕТЕЙ СВЕТА

Преп. Амвросий говорит о триединстве любви детей света:

*...Научает нас святой апостол Павел, говоря: **яко чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благодетности и правде и истине...** (Еф. 5, 8—9).*

*Под словом истина должны разуметь заповедь о любви к Богу: **возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всем помышлением твоим, и от всея крепости твоея** (Ср.: Лк. 10, 27). И паки: **иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин** (Мф. 10,37). Ежели любовь Божия настолько ревнива, что и отца и мать допускает любить только в меру, а не паче меры, то не без причины Апостол заповедует нам препоясать чресла истиною, чтобы не грешить против любви к Богу любовью к другим неуместною, особенно же нечистою, потому что Богу любезнее паче всего целомудрие в смиренномудрии.*

*Под словом же правда разумеется заповедь о любви к ближнему: **возлюбиши ближняго твоего яко сам себе** (Мф. 22, 39). А так как эта заповедь не всегда бывает удобоисполнима, то Апостол заповедует нам облещися в броню правды, т. е. не гневаться, не осуждать, не завидовать, терпеть обиды, укоризны и уничижения, любить врагов, добро творить ненавидящим, молиться за творящих напасть и изгонящих ны.*

*Остальными же словами плод благодетности и благоветование мира означается доброта, простота в отношении к ближнему и всякая доброжелательность и дружелюбие по сказанному: **мир имейте и святыню со всеми** (Евр. 12, 14). **Взыщи мира и пожени и!** (Пс. 33, 15) [2, т. 1, с. 387—388].*

На первом месте в человеческой любви стоит любовь к Богу. Человек не должен ограничивать эту любовь, любить Господа, так сказать, вполсилы. Напротив, всё сердце и все силы души, весь ум и вся воля должны направляться на выполнение заповедей, в чем и проявляется любовь человека к Богу. И даже любовь к родителям не должна затмевать эту любовь, так как в этом случае человек оказывается недостойным любви Божией, недостойным Господа.

Поэтому ограничению подлежит любовь человека к людям, но только в этом особом смысле — чтобы неуместная любовь к людям, особенно нечистая, не привела к согрешению против любви Божией. Но если любовь к людям безгрешна, то она становится правдой, т. е. тем, что надлежит делать. Из равенства людей перед Богом согласно заповеди вытекает необходимость любить ближнего как самого себя: т. е. признавать существование, чувства, интересы и т.д. других людей как такие же ценные, как свои собственные.

Это сложно делать, когда сам ближний не придерживается такого взгляда и считает себя более ценным, чем мы. В этом случае, как указывает старец, мы должны защитить себя броней правды: не гневаться, хотя и видно несправедное устройство души нашего ближнего, терпеть от него укоризны, самодовольство, унижения и т.д. Более того, любовь должна простираться и до врагов. Только такая любовь полностью безгрешна и является любовью Божией, так как человек, пребывающий в такой любви, подражает любви Бога к человеку.

Еще одно проявление любви — доброта, простота, доброжелательность и дружелюбие. Если мы обращены к другим такими качествами, то людям с нами легко, они чувствуют, что их понимают и ценят. Порой хорошее

отношение быстрее приводит к взаимопониманию, чем долгое выяснение кто прав и виноват.

Любовь — это самая глубокая сущность правильного отношения человека к Творцу и другим людям. Преп. Амвросий учит:

Нет выше добродетели, как любовь, и нет хуже порока и страсти, как ненависть, которая не внимаящим себе кажется маловажною, а по духовному значению уподобляется убийству (1 Ин. 3, 15)... Милость и снисхождение к ближним и прощение их недостатков есть кратчайший путь ко спасению [2, т. 1, с. 391].

Роль высшей добродетели любви принадлежит по праву. Она дает возможность понимать, чувствовать и переживать все истинное и правильное в человеческих отношениях, а также терпеливо прощать и выносить все недостатки и ошибки этих отношений. Любовь гасит ненависть — отвратительную страсть, которая ослепляет человека и в духовном смысле делает его убийцей. Все это и позволяет быть любви кратчайшим путем к спасению.

Поэтому, как отмечает преп. Антоний:

...Любовь не точию более нашей молитвы, но и выше всех жертвоприношений... [2, т.1, с. 389].

В молитве человек чаще всего обращается к Богу или святым за помощью. Сам же он при этом может быть и греховным, и страстным, и порой недостойным своей молитвы. Но если человек любит Бога и людей, то любовь сильно противодействует в нем грехам и страстям, делает его более чистым. И это состояние любви угоднее Богу и спа-

сительнее для человека, чем молитвы, приносимые при порочном сердце и постоянных грехах.

Спасительность любви проявляется и в том, что в добрых делах по влечению сердца враг уже не в состоянии помешать человеку. Преп. Амвросий замечает:

Любовь покрывает все. И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только долгом, то такому диавол мешать не может, а где — только по долгу, там он все-таки старается помешать тем или другим [2, т. 1, с. 391].

Если мы делаем добро ближним по влечению сердца, то мы не только ничуть не сомневаемся в необходимости такого поведения, но и желаем себя вести именно так. Именно в этом случае враг бессилен провести свои злые прилоги в душу, потому что душа органически их не приемлет всем своим устроением.

В том же случае, когда добро творится только из чувства долга, оно уже творится человеком с некоторым самопринуждением. Сам факт самопринуждения вызывает необходимость раздумывать над ситуацией, обосновывать необходимость выбранной позиции. Диавол, конечно, пытается вмешаться с помощью прилогов в человеческие размышления, вызвать раздражение и помешать добру.

И все же делание добра только из долга тоже может привести к любви. Преп. Амвросий наставляет:

Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твоё любовь. А главное, когда заметишь, что погрешила против любви, сейчас же

исповедай это старцу. Это может быть иногда от дурного сердца, а иногда и от врага. Сама ты не можешь этого разобрать, а когда исповедуешь, враг и отойдет [2, т. 1, с. 391].

Делами любви человек делает выбор пути любви. Не надо смущаться, что поначалу добрые дела совершаются без любви. Старец подсказывает, что за такими делами должно стоять желание обрести любовь. И старание, проявленное в делах, не останется незамеченным Господом, Который вложит любовь в сердце искренне ищущего ее.

Искренность искания должна подтверждаться тем, что при любом прегрешении против любви мы немедленно исповедуем грех. Если грех произошел от дурного сердца, то надо самоукорять себя и с помощью Божией исправляться. А если он произошел по наущению врага, то после исповеди благодать отгонит врага.

9.4. СОЮЗ ЛЮБВИ И СМИРЕНИЯ

Раскрывая содержание любви, старцы также указывали на необходимую связь любви с другими добродетелями. Особенно это относится к союзу любви и смирения, в котором любовь являет свою способность возвышать человека, а смирение надежно защищает от падения.

Преп. Макарий учит:

Это справедливо, что надобно из любви к Богу угождать Ему, но любовь имеет тесный союз со смирением; и ежели сего последнего не видите в себе, то и любви не ищите. Любовь возвышает, а смирение возвышенной части не попускает <упасть>; отыми сие, и она падет; вы же сознаете, что мнение и гордость вас не оставляют... Посему и надобно смиренным путем идти к Богу и опасаться самонадеяния,

от сего-то вы и лишаетесь спокойствия и впадаете в преступления, о коих вы писали, что маловажные неприятности производили в вас досаду на несколько дней. Где же тут любовь Божия? А смирения и не бывало, но место их заступает гордость... [2, т.1, с. 386—387].

Для нас очевидно, что угождать Богу из любви к Нему выше, чем угождать Ему из расчета на награду и, тем более, из страха наказания. Первое — это позиция детей Божиих, второе — наемников, третье — рабов. Но стремясь к любви, мы должны учитывать, что без смирения она недостижима. Старец объясняет, почему это так. Любовь возвышает, т. е. побуждает человека к добрым делам, мыслям и чувствам. Однако гордость стережет это возвышение, и стоит ему произойти, как гордость тут же вызывает страсти: тщеславие, превозношение, самомнение и т.д.

Если человек уступает страстям, то он падает. И в падении теряет возвышение, которое обрел в любви, а с ним и любовь, оказавшуюся бессильной перед гордостью. Против гордости есть только одно средство — смирение. Именно в смирении человек считает себя хуже, ниже других, от чего уже гордость оказывается бессильной вызвать в нем превозношение и прочие страсти. Следовательно, и бессильной привести человека к падению.

Поэтому диагноз старца прост: нет в человеке смирения, то и любви в нем не ищи. Это и есть реальный взгляд на вещи, который всем нам надо усвоить. Если мы видим в себе гордость и порождаемые ею страсти, то не должны утешать себя мыслью, что якобы наша любовь к Богу перевешивает эти страсти. Напротив, должны в полной мере учитывать старческий совет: где воцарилась гордость, любви уже нет.

Преп. Макарий постоянно говорит о необходимости идти к Богу смиренным путем, на котором любовь укрепляется и становится непадательною:

*Предложу вам и о любви слово. Господь наш Иисус Христос открыл нам, в чем состоит любовь Божия: **любяй Мя заповеди мои соблюдает** (Ср.: Ин. 14, 15). Посему когда мы преставаем заповеди Божии, то уже нет в нас любви Божией, святой же апостол Павел объявил свойства любви в Первом послании к Коринфянам (1 Кор. 13, 4—8)... Видите ли, какая высота заключается в любви! Но она еще сопряжена и с глубоким смирением, которое укрепляет ее и делает непадательною. Оно не видит ничего, что бы ни делала любовь доброго, но все только зрит свои недостатки, а не ближних. Не знаю, поняли ли вы теперь, что вы обольстились, видя в себе любовь и прочие описанные вами добрые качества? [2, т.1, с. 386].*

Любовь Божия в человеке состоит в соблюдении заповедей Господа. Преставаем заповеди — отказываемся и от любви. Но что толкает нас на преступление заповедей? Все та же гордость и ее порождения... Старцы подводят к мысли, что смирение есть щит против всех страстей. Если нет щита, страсти поражают человека и изгоняют из него любовь. Но если любовь надежно прикрыта щитом смирения, то она укрепляется и не падает.

Старец очень наглядно показывает сущность союза любви и смирения. Любовь делает добрые дела, она и в самом любящем человеке меняет все к лучшему — от этого человек, конечно, возвышается. Но отнюдь не в собственных глазах. Ибо глаза его смирение обращает не на его дела любви или недостатки других, но лишь на его собственные недостатки.

Отсюда и вытекает крайне важная норма: не разглядывать в себе любовь и не видеть своих добрых качеств. От этого разглядывания возникает обольщение, в котором гордость растет, а любовь падает. А вот от разглядывания своих недостатков человек принимает смирение, и любовь в нем живет.

Преп. Макарий терпеливо напоминает об этом:

...А о обращении друг с другом я вам много писал и теперь напоминаю: если будете себя считать последней и худшей сестры и приобретение, т. е. спокойствие, другой — своим, то найдет в сердцах ваших место любовь, никогда же отпадающая и непрестающая, смирением поддерживаемая. О, дабы сподобил Господь нас стяжать сие сокровище! Оно дороже всех благ мира... [2, т.1, с. 393].

Через постоянное видение своих недостатков человек обретает и навык считать себя хуже других, так как познание собственного несовершенства не располагает к превозношению. Старец указывает, что именно в этом держании себя за худшего, а также в добром принятии чужих достоинств как собственных, и открывается возможность настоящей любви — не уходящей и не перестающей, всегда поддерживаемой смирением.

Смирение требует труда, выдержки и представляется нам обычно делом нелегким. Но мы должны помнить, что оно трудно не само по себе, а вследствие напора страстей, которые как плотиной удерживаются смирением. Смирение постепенно побеждает страсти, те отступают, и мы чувствуем себя все легче. Награда за трудность смирения высока — настоящая любовь, которая дороже всех благ на свете. Только благодаря смирению любовь и познается, и приобретается.

Преп. Амвросий говорит об этом так:

Любовь к Богу доказывается любовью и милосердием к ближнему, а милосердие, милость и снисхождение к ближнему и прощение недостатков его приобретаются чрез смирение и самоукорение, когда во всех скорбных и неприятных случаях будем возлагать вину на себя, а не на других, что мы не умели поступить как следует, оттого произошла неприятность и скорбь, и если так будем разсуждать, то менее будем огорчаться и предаваться гневу, который правды Божией не соделывает [2, т. 1, с. 394].

Доказать любовь к невидимому Богу человек может любовью и ее ближайшим проявлением — милосердием — к видимому ближнему. По наставлению старца, все очевидные и убедительные проявления любви, такие как милосердие, милость и снисхождение к ближнему, прощение его недостатков — приобретаются через смирение и самоукорение.

Если мы несмирены, то во всех скорбных и неприятных случаях возлагать вину будем не на себя, а на ближних. Но это породит и недовольство ими, и даже гнев, который, увы, «правды Божией не соделывает». Наш жизненный опыт непременно нам покажет, что постоянное выгораживание себя и обвинение других приводит к нелюбви к людям. Т. е. все мрачнее и безнадежнее будет становиться наша оценка роли ближних в нашей жизни, и это будет означать только одно: гордость в нас одержала верх.

Когда же мы смиряемся, то мы поступаем ровно наоборот: обвиняем себя, а не других, и любую неприятную ситуацию рассматриваем с точки зрения того, то мы сами что-то не додумали, что-то не предусмотрели или поспешили, или не были осторожными и т.д. И мы убедимся, что

в таком подходе много справедливого в отношении нашей роли в конфликте или неприятности.

Рассуждая так, мы уже не будем огорчаться действиям ближних и гневаться на них, но будем укорять себя и попытаемся впредь действовать искуснее. Это даст нам уже иной жизненный опыт, мы начнем постигать, что где любовь, там и смирение.

Преп. Никон учит:

*...Святой апостол говорил: **Чадца, любите друг друга** (Ср.: 1 Ин. 3, 18—19), смиряйтесь, смиряйтесь. Потому что если кого любишь (а любить надо каждого, потому что каждый человек есть образ Божий, даже если он, т. е. образ Божий, в человеке загрязнен, он может отмыться и быть опять чистым), то и смиряешься перед ним. Где любовь, там и смирение, а где злоба — там и гордыня [2, т.1, с. 389].*

Любить надо каждого, потому что каждый человек есть образ Божий. Необходимость смирения вытекает из необходимости сохранить эту любовь. Грехи и даже обычные человеческие недостатки усложняют взаимоотношения людей. При этом выбор у нас всегда один и тот же.

Либо мы в основу отношения к другим кладем любовь, т. е. признаем, что главное в человеке — это его сущность образа Божия. Тогда во имя главного нам надо терпеть недостатки других, быть снисходительными к их слабостям и быть готовыми прощать их грехи. Либо мы основой отношения к другим делаем наше обвинение их во все тех же недостатках и грехах. Здесь мы утрачиваем восприятие сущности человека как образа Божия и начинаем впадать в гордость, которая приведет нас к злобе на людей.

Вот об этом-то, т. е. о необходимости терпения к ближним ради того, чтобы не отпасть от любви, подробно наставляет преп. Амвросий:

*...Тебе нужно разумевать это относительно других, что не всё и не все они это по злобе делают, а более по внушению и наущению исконного врага, который хочет отлучить тебя от внимательной молитвы и, вместе с тем, от любви к ближним. А любовь эта, по слову Апостольскому, **долго-терпит, милосердствует** (1 Кор. 13, 4) и николиже отпадает от блага расположения к братьям, искушаемым от общего врага нашего, частью же и от своей немощи. Если твердо это будешь помнить, то не будешь бесполезно смущаться. Несколько лет назад у нас был один князь, который учился молитве у одной опытной молитвенницы. Она говорила ему так: когда ты мирен и покоен, молись: «Господи! Помилуй мя грешного», когда же помыслы будут приноситься на других по какой-либо причине, то молись так: «Господи, помилуй нас» и успокоись. Делай и ты так. Тогда и меньше будешь беспокоиться и будешь разумевать, что все мы подлежим ошибкам и заблуждениям, и нередко под благовидными предложениями, как сказано в Евангелии: **придет час, да всяк, иже убьет вы, мнится службу приносити Богу** (Ин. 16, 2). Немудрено, что и досаждающие тебе так мудрствуют. Поэтому и потребно нам нисходить ближним нашим по Евангельской заповеди о любви. Ежели кого мы любим, тому мы во многом снисходим и многое прощаем. С другой стороны, и по другой причине прощаем, как свидетельствует Авва Дорофей, когда находимся в благом устроении... [2, т. 1, с. 392—393].*

Когда человек сталкивается с различными досадами, поношениям и проступками со стороны ближних, он

должен помнить, что не всё и не все они делают неправильно по злобе. Дьявол использует любую возможность, чтобы внушить злой помысел и восстановить одного человека против другого. При рассеянности и отсутствии должного опыта люди, к сожалению, нередко поддаются внушениям и наущениям врага. Сам факт появления подобных искушений от близких должен оцениваться не в том смысле, в котором хотел бы враг. Т. е. не в смысле, что ближний плохой и не дает жить праведно. А в том верном смысле, что враг сильно досаждает на молитву и любовь человека, и хочет искушениями от ближних молитву его прекратить и от любви отлучить.

Старец напоминает, что любовь долготерпит, милосердствует и никогда не отпадает от благого расположения к собратьям. Только так преодолеваются искушения, которые провоцирует враг и которые отчасти вызываются и человеческой немощью. В любом случае — как при кознях врага, так и при проявлении собственных недостатков и слабостей людей — любовь с помощью смирения преодолевает искушения. А человек, познавший этот путь любви, перестает бесполезно смущаться.

Дает старец и хороший совет относительно того, как лучше молиться в ситуации искушения. Если в мыслях возникло что-то негативное в отношении других людей, надо молиться и за себя, и за них. Тогда придет успокоение, которое и нужно для хранения любви. Более того, через такую молитву мы придем и к верному пониманию условий жизни на земле, в которых все находимся. Эти условия таковы, что никому не удастся избежать ошибок и заблуждений.

Мы часто обольщаемся и полагаем, что благой предлог для наших мыслей и действий означает и правоту

этих мыслей и действий. Точно так же мудрствуют и наши ближние. И нужно много смирения и опыта, чтобы глубоко понять всю трагичность подобного заблуждения. Ведь оно приводит к тому, что люди творят убийства и прочие преступления, полагая, что этим служат Богу. И только любовь может остановить раскручивающийся маховик взаимных обвинений, порождающий ненависть и слепую уверенность в собственной правоте.

Для этого человек должен, опираясь в своей душе на союз любви и смирения, выносить все испытания, который Бог посылает нам. Преп. Макарий замечает:

...Пишешь, что не имеешь мира с N.; кажется, можно научиться этой азбуке, что это устройство твое не от нее, а от твоего залога сердечного неправого. Мы ученицы Христовы, а Он повелевает любить врагов. Где же эта любовь? Как же мы познаем, имеем ли ее? Конечно, тогда, когда нас обижают и поносят, и им позволяет это делать Бог к испытанию нашему. Когда же не только не терпим, но и не имеем любви, то должны о сем каяться и себя укорять, что посланные случаи к нашему обучению не только не обращаем себе в пользу, но и еще вредимся ими; получаем оружие на поражение врага, а вместо того себя оным уязвляем [2, т.1, с. 395].

Когда мы не можем добиться мира с другими людьми, нам часто кажется, что это происходит вследствие их непримиримой позиции по отношению к нам. Старец обращает внимание, что такое мнение порождается нашим «неправым залогом сердечным». Этот залог побуждает нас отвечать на обиды обидою, на поношения — поношениями. Но мы забываем две важные вещи.

Во-первых, заповедь любви требует, чтобы мы любили даже врагов. Проявляется такая любовь в терпении

и благом расположении к людям даже тогда, когда они обижают и поносят нас. Во-вторых, позволяет людям обижать и поносить нас Бог, отчего обиды и поношения становятся испытанием нашей любви.

Если же не терпим и теряем благое расположение к нашим обидчикам, то должны сознавать: не они виноваты в том, что мы не выдерживаем испытания, а мы сами. И потому в таких случаях мы должны каяться и укорять себя. За что? За то, что должны были в испытании укрепить смирение и усилить свою любовь. И тем самым получить действенное оружие против врага, низлагая его подстрекательство и наветы, которые он внушает и нам, и нашим близким. Но вместо этого, «неправый залог сердечный» направляет оружие против нас, и мы терпим ущерб.

Поэтому то, что нашему несовершенному сознанию представляется как праведный гнев на людей за их грехи, старцы считают нашей неудачей в любви к Богу. Преп. Макарий поясняет:

...Мы далеки еще от любви Божией, и смиритесь в своем мудровании, прося всеильной Его помощи в искании Его. Вы прежде писывали, что любите Бога, но это происходило от непознания вами себя. Может быть, некоторое умиление или сердечная радость уже и казались вам любовию, но любовь к Богу противными искушается, и непременно надобно сразиться с тремя врагами нашими: миром, плотью и диаволом... [2, т.1, с. 387].

Не в некотором умилении или сердечной радости состоит любовь к Богу, но в исполнении Его заповедей, которое происходит не в тишине и покое, а в сражении с миром, плотью и диаволом. Мирские соблазны, похоти плоти и нападения врага отталкивают человека от любви Божией.

Если человек поглощен погоней за земной славой, властью, богатством, или находит смысл своей жизни в непрекращающихся удовольствиях плоти, или легко верит самому нелепому внушению врага — то он очень и очень далек от любви.

И только тогда, когда у него хватит терпения обуздать свои страсти, хватит смирения пройти все «искушения противными», он сможет обрести и прочувствовать любовь к ближнему и Богу. И познать, как много заключено в любви и из какого «далека» мы начинаем идти к совершенной любви.

В этой связи в отношении многих из нас справедливы будут слова преп. Макария:

...Понуждая себя на пост, бдение и молитву, думаете, будто бы делаете это сами не знаете для чего, а надобно делать сие из любви к Богу, которой в себе не ощущаете... Когда же мысль сия отходит, занимает место ее другая, и страсти одна другой передают ваше бедное сердце... Исполняемые вами телесные делания нельзя сказать, чтоб вы делали сами не зная для чего, а точно от любви к Богу, но несовершенной, а как зародыш малый в сердце имея, от веры происходящий [2, т.1, с. 384].

Любовь в нас так мала, что понуждая себя на пост, бдение и молитву, мы в глубине души не можем с уверенностью сказать, для чего это делаем. Старец указывает, что делать это нужно из любви к Богу и постоянно помнить об этом. Как только мы начинаем забывать об этом, наши действия начинают казаться нам как будто бы не имеющими внутреннего повода. Это открывает дорогу страстям, которые будут теснить и пост, и молитву, предлагая свои «поводы».

Лучшее в подобном положении — принять свой пост и молитву как совершаемые из любви к Богу, и смириться с тем, что эта любовь пока мала и незаметна для нас самих. Тогда сама мысль об этой любви будет препятствовать проникновению страстей в сердце, и помогать любви укрепляться в нем.

В союзе любви и смирения не только любовь может быть мала, но и смирение, о чем тоже надо помнить. Преп. Антоний говорит:

Об искушении вашем, в рассуждении сомнения в любви других к себе, сожалею; ибо вы этим обнаружили свой недостаток в смирении, которое если бы было внутри, то оно и шепнуло бы вам: «Да стоишь ли ты того, голубушка моя, чтоб все были внимательны к тебе и любили бы тебя?» Горделивое сердце ответит на сие: «Очень стою!» А смиренное ответит: «Ей, не стою!» — Посему дай Бог вам в час добрый, при всяком требовании своем, так себе говорить: «Я, Господи, несьмь сего достойна» [3, с. 249].

Когда мы сомневаемся в любви других к нам, это признак недостатка в нас смирения. Из-за этого недостатка гордость навязывает нам свой взгляд, согласно которому мы очень достойны большого внимания и любви окружающих. И даже обыкновенная рассеянность в обхождении с нами вызывает у нас обиду и горечь, через которые начинает охладевать и наша собственная любовь к людям.

Старец учит, чтобы мы при действии в нас гордости преодолевали ее смирением, на всякий случай невнимания к нам находя простое объяснения, что мы недостойны внимания. Это избавит от подозрений, что люди не любят нас, и не позволит страстям отвратить нас от собственной любви.

В целом же надо помнить, что через любовь к ближним проявляется и любовь к Богу, и что если любовь находится в союзе со смирением, то люди полагаются на волю Божию ко спасению своей души.

Преп. Никон наставляет:

Если на волю Божию положиться — все хорошо, даже и неприятности, все ведет ко спасению души нашей, и при этом великая премудрость и глубина открывается. Любящим Бога все поспешествует во благо [2, т.1, с. 384].

Что бы ни случилось на жизненном пути, неприятности ли, испытания, во всех случаях полагание на волю Божию ведет к спасению души. Такое полагание и доверие к Богу есть у всех любящих Его. И это вознаграждается тем, что любящим Бога все происходящее в их жизни идет во благо. Именно этот результат и достигается союзом любви и смирения. В нем человек обретает подлинное понимание любви как «совокупности совершенства» и стремится шаг за шагом идти к этому совершенству.

9.5. НАШИ ОШИБКИ НА ПУТИ ЛЮБВИ

Совершая путь любви, мы делаем и ошибки. Особенно часто они случаются на самых ранних и несовершенных стадиях. Так, мы нередко впадаем в высокоумие, когда начинаем считать, что любим Бога. Преп. Амвросий говорит:

Высокоумие видно и в том, что ты думаешь, что ты любишь Бога, а только думаешь, что любишь Его. Кто Бога любит, тот имеет и к ближнему любовь... Кто любит Бога, хотя бы тысячу оскорблений в день ему наносили, не раздражается и не сердится, не теряет внутреннего мира,

с ним не бывает, что вдруг внутри все вспыхнет, так что от смущения и молиться не может, как это бывает с тобою. Также из самой брани помыслов, которую ты испытываешь, можешь убедиться, что это тебе только кажется, что ты любишь Бога. Святые отцы представляют такой пример: когда котел кипит, то никакая гадина, даже никакое малое насекомое не может приблизиться к оному, будучи опаляемы горячестью котла, если же огонь угаснет и котел остынет, то не только насекомые удобно садятся на нем, но и разные гады смело влезают и спокойно лежат в нем. Так и огонь истинной божественной любви отгоняет всякие нечистые помыслы, а когда подобные помыслы сильно стужают человека, то это явный признак, что он не достиг еще в мере любви Божией [2, т. 1, с. 385].

Мы только думаем, что любим Бога, если не способны постоянно хранить внутренний мир. Хранить же его не удастся, потому что это возможно в состоянии бесстрастия. В нас же страсти живучи, даже если они не сразу обнаруживают себя. Старец дает простое средство убедиться в том, что они есть — понаблюдать за собой. И вот выясняется, что не только от серьезных, но и от мелких оскорблений мы вспыхиваем и негодуем. Это показывает, что наше самолюбие и тщеславие никуда не делись. Также и мысленная брань, которую испытываем, указывает нам на гордость в нас, за которую такая брань обыкновенно и попускается Господом.

Нельзя любить холодным сердцем, а мечтаниями и мнениями о себе его не разогреешь. Только огонь истинной божественной любви разогревает сердце, и тогда не могут войти в него страсти, а также очищает ум и отгоняет нечистые помыслы. Но чтобы это произошло, надо нужно учиться должному исполнению заповедей и призывать

имя Господне. И смиряться, сталкиваясь со стужениями помыслов, т. е. видеть в них явный признак, что еще не достигли в мере любви Божией.

О том, что любовь достигается хранением заповедей и через страх Божий, а не мысленным восхождением к Богу, наставляет преп. Макарий:

*В последнем письме вашем вы... опять о любви Божией говорите... Мы вам уже писали, сколь высока есть добродетель — любовь Божия, и она не может быть без любви ближних, по слову святого апостола: **аще люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложь есть** (Ср.: 1 Ин. 4, 20). Надобно достигать до любви чрез хранение заповедей Божиих и чрез страх Божий, а не мысленным к Нему восхождением [2, т.1, с. 393—394].*

Благочестивые размышления о Боге — дело похвальное. Однако и самые возвышенные мысли о Нем еще не есть любовь Божия. Неисправность в совершении заповедей в отношении наших близких является неисправностью в отношении любви к Богу. Поэтому, если человек много думает о своей любви к Творцу и часто грешит, он допускает резкое расхождение между образом своих мыслей и действительным образом своей жизни. И образ его жизни опровергает образ его мыслей, превращая последний в высокоумие — т. е. в превозносящееся мечтание о том, чего нет или почти нет на деле.

Столь же осторожным надо быть и в суждении о своих чувствах. Ни чувство умиления, ни теплота сами по себе еще не свидетельствуют о любви, а только лишь об определенном эмоциональном состоянии. Преп. Амвросий дает совет:

*Пишешь, что в одно время тебе казалось, что ты очень любишь Господа. А Господь в Евангелии глаголет: **любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите клянущия вы и молитесь за творящих вам напасть и изгонящия вы...** (Ср.: Мф. 5, 44). Старайся всегда поверять свои чувства, согласны ли они с евангельским учением и учением святых отцов. Преподобный Нил Сорский пишет о себе, что он никогда не принимал того мнения или мысли, хотя бы они казались очень ясны и удобопонятны, пока не найдет на них свидетельство в учении евангельском или апостольском, или святоотеческом [2, т. 1, с. 385].*

Евангельское учение и учение святых отцов дает точный ответ на вопрос, есть ли в человеке любовь к Богу. Мы можем испытывать самые возвышенные и благородные чувства к Господу, но эти чувства имеют значение не сами по себе, а только как следствия и порождения самой любви. Если нет способности любить врагов, творить добро ненавидящим нас, благословлять проклинающих нас и молиться за обижающих и гонящих нас — то нет в нас и истинной любви к Богу. А если нет любви, то и не стоит принимать свои чувства за любовь.

Это совсем не означает, что мы должны просто признать отсутствие в себе любви и на этом успокоиться. Напротив, мы должны употребить всю свою волю, чтобы любовь к нам пришла. Преп. Макарий объясняет:

Тебя не любят — ты люби их, то, что тебя не любят, не от тебя зависит, а их любить состоит в твоей воле и есть твоя обязанность, ибо Господь заповедал: любить не любящих нас, но врагов (Мф. 5,14), а когда в нас этого нет, то и кольми паче должны мы смиряться и прогонять гордость и молиться о сем Господу [2, т.1, с. 394].

Любить — в нашей воле. Не имея любви к врагам, мы ее не имеем от нашей гордости и несмирения. Но если направим нашу волю на обретение смирения, решительно будет прогонять гордость и молиться Господу о помощи в этом — то придет и любовь. Старцы постоянно говорят о том, что без смирения любовь слаба и часто покидает нас. Мы не всегда отдаем себе отчет в том, что нам сложно не гордиться и не превозноситься даже своей любовью.

Но гордость — не союзник, а враг истинной любви, и губительно действует на любовь даже в том случае, когда предметом гордость является сама любовь. Поэтому особое значение имеет наше реальное поведение, а не то, что мы думаем или говорим. Старцы предостерегают, что мы склонны любить Бога только на словах.

Преп. Анатолий (Зерцалов) наставляет:

*Ты опять скорбишь? Все не желается тебе терпеть болезни душевные? Значит, тебе не хочется войти в Царство Небесное? Ведь Писание говорит, что **многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие** (Деян. 14, 22). Вот любовь-то наша какая к Небесному Жениху! На словах любим и желаем Его, а коснись делом, мы и плакать [2, т.1, с. 388].*

Любовь к Господу заключается в том, чтобы смиренно принять указанный Им путь. Не можем мы без скорбей войти в Царство Небесное, значит, должны терпеть и не жаловаться. По малодушию и изнеженности у нас это часто не получается. И мы либо впадаем в безмерную печаль и долгие сетования, либо бесконечно жалуемся другим о своих бедах. Между тем любовь долготерпит. Как бы ни было тяжело на душе, любовь должна преодолевать

все душевные болезни — через это и входят в Царствие Божие.

Впрочем, старцы учат и тому, чтобы мы знали меру в любви и не повреждались сами. Преп. Лев разъясняет:

...Вспомните вторую заповедь Господню... в которой повелевается любить ближнего яко самого себя. Чем же и как любить? Никак не возможно и сего исключить, дабы, в чем можем, вспомоществовать ближним, и всевозможно да стараемся в прощающем и сострадающем духе утешать, но дабы только по силе — сиречь когда, при помощи Божией, не вредишься сама, а когда кто сам, при назидании другого, повреждается, то советуют святые отцы следовать лучшему, т. е. себе внимать и себя сохранять... [2, т. 1, с. 389].

Ближайшим образом, конечно, любовь к ближнему обнаруживается в посильной помощи и утешении. Делаются такие добрые дела при помощи Божией и умеренности, чтобы не повреждался помогающий. При неумеренности можно повредиться, о чем и предупреждает старец.

Например, желая помочь ближнему, мы уделяем ему не по нашим возможностям, а потом сами жалеем, что оказали чрезмерную помощь. Само наше сожаление указывает, что мы превысили меру и понесли некоторый урон. Также возможно, что увлекшись состраданием, не до конца поняли ситуацию и приняли неправую сторону. Наконец, назидая, не проявили скромности и по недостатку собственной мудрости и опыта «наставили» на неверный путь. Во всех этих и подобных случаях мы вредим себе, хотя и из благих побуждений. Гораздо лучше, если мы будем знать меру своим возможностям и проявлять любовь по нашей силе, а не сверх нее.

Зная эту меру, будем же молиться тогда, когда наших возможностей недостаточно для изменения нрава других. Преп. Иосиф говорит:

*Молитвенно желаю, да подаст Вам Господь разум и умение обходиться с м. Вячеславою. Что делать? У каждого свой характер, под который необходимо иногда подлаживаться. Пишите, что хотелось бы духовно настроить ее нрав. В таком случае первое средство с вашей стороны — усерднее о сем молиться Богу. Ибо Господь сказал: **Без Мене не можете творить ничесоже** (Ин. 15, 5). Господу Всемогущему все возможно, а немощный человек что может сделать? [2, т.1, с. 389—390].*

У каждого человека свой характер, и чаще всего люди совсем не склонны меняться в соответствии с нашими предпочтениями. Поэтому надо, как подсказывает старец, быть смиреннее и иногда подлаживаться под характеры других. Если же нам хочется, чтобы у наших ближних сильнее проявлялась духовность в их нраве, то за этим надо обращаться к Богу и усердно молиться Ему. Господу это возможно, и Он, вне всякого сомнения, лучше нас, грешных, знает в чем должна состоять духовность нрава.

Нам же надо всегда памятовать, что при неосторожности нас на каждом шагу подстерегают ошибки, и даже излишняя заботливость об успокоении ближних может оказаться прелестью.

Преп. Амвросий учит:

Заботливость твоя об успокоении М. Н. простирается до излишней крайности, и чувство в тебе это смешанное с некоею тонкою прелестью — предполагать успокаивать ближнего тогда, когда нас об этом не просят, и, может

быть, надобности в этом не будет. Когда же на самом деле придется показать любовь к ближнему, тогда окажутся у нас совсем иные чувства, и язык наш возглаголет совсем не то, что предполагали мы прежде касательно непрошеного успокоения ближнего. Тогда на самом деле виднее будет, что нужно будет сделать для М. Н. [2, т. 1, с. 392].

В попытке проявить заботу об успокоении ближних, когда они находятся в трудных обстоятельствах, может быть замешана прелесть. Таковая заключается в нашем самоуверенном предположении, что наши ближние не способны справиться с испытаниями и не могут обойтись без нашей помощи. Старец обращает внимание на то, что когда нас не просят о том, чтобы мы успокаивали, вполне возможно, что в этом нет необходимости.

С другой стороны, легко успокаивать тех, кто и сам способен к самоконтролю. А вот в случаях, когда кто-то реально будет нуждаться в успокоении, может оказаться, что мы слабы для этой роли. И нуждающийся в успокоении будет говорить совсем не то, что мы предполагали, и сами мы будем с трудом справляться со своими чувствами и говорить отнюдь не то, что наммеревались сказать в спокойной обстановке. Стало быть, любовь заключается не в том, чтобы навязывать что-то от себя, а в том, чтобы выдерживать испытание, когда оно приходит.

Сами старцы подавали убедительный пример такого отношения к людям. В жизни преп. Амвросия был такой случай:

Одна особа спросила: «Мне непонятно, батюшка, как это вы не только не гневаетесь на тех, кто об вас нехорошо говорит, но и продолжаете любить их». — Старец много этому смеялся и сказал: «У тебя был маленький сын, сердилась

ли ты на него, если он что и не так делал и говорил? Не старалась ли, напротив, как-нибудь покрывать его недостатки?» [2, т.1, с. 394—395].

Когда мы сталкиваемся с нехорошими, несправедливыми суждениями о себе, мы обыкновенно гневаемся и стараемся обличить обидчиков. Обычное наше отношение к ним — как людям греховным, злым и вполне заслуживающим самой нелицеприятной отповеди. Старец, однако, показывает иную линию поведения. Он в основу своего отношения к ним кладет понимание, что эти люди еще незрелы и многое делают не по злобе, а по незнанию и неопытности. Любовь требует снисхождения к ним — такого же, какое делает мать своему маленькому сыну.

Во взаимоотношениях с людьми старцы учат прибегать к Божией помощи, особенно в тех случаях, когда кто-то не благоволит нам. Преп. Лев говорит:

...А что А. И. не благоволит к вам...вы будете покойны, только причин или вин ко оскорблению ей постарайтесь не подавать и Господа Бога об ней молитесь и просите, дабы дал ей Бог по Своему человеколюбию здравый разум и истинное рассуждение к познанию достодолжных христианских правил, и когда по нашему совету будешь употреблять, то А. И. совсем противу вас будет другая и любовью растворенная... [2, т.1, с.390—391].

Если мы сталкиваемся с чьим-либо недоброжелательным отношением к себе, то не должны ни раздражаться, ни беспокоиться. Только должны удерживаться себя от проявлений встречной недоброжелательности и не давать повода для оскорблений. А выход искать в молитве к Господу о даровании беспокоящим нас людям здравого

разума и познания христианских правил. Бог призрит на смиренную нашу молитву и благодатью исправит недостатки человеческих отношений.

В целом же, как мы видели, любовь требует полного отказа от зла и умения прощать Преп. Никон учит:

Желающий стяжать любовь должен отвергнуть всякое злобное и немирное помышление, не говоря уже о делах и словах, должен прощать всем обиды справедливые и несправедливые [2, т.1, с. 390].

Так путь любви и совершается — через преодоление зла в самом себе (помышлении, словах и делах), и через постоянное прощение обид, терпение, выдержку и смирение. Только так мы и становимся способными со временем понять, что такое истинная любовь, и обрести ее.

Глава 10

УЧЕНИЕ О ЖИЗНИ

Все учение старцев может быть понято как учение о жизни; вместе с тем, некоторые вопросы этого учения могут быть выделены в отдельную тему. К этой теме здесь отнесены те вопросы, которые важны для понимания течения и содержания человеческой жизни. А именно: добрые дела, заповеди, трезвение и крест, мир душевный, брак и семья, болезни и смерть.

10.1. ДОБРЫЕ ДЕЛА

Старцы указывали на предназначение человека к добрым делам, ведущих к вечной жизни. Преп. Моисей говорит:

...Мы созданы есъмы на дела благая, и средством коих в краткой сей жизни стяжаваем вечную блаженную жизнь, к которой все благодатию Божию призваны. Так здешний век наш есть время непрестанных дел телесных и душевных, а будущий век приятие по делам. Но надобно твердо знать, какие дела принести имеют благополучную вечность и какие несчастливую, дабы одних уклоняться, а других придерживаться всегда [2, т.1, с. 190].

Благодать Божия призвала нас к благим делам, т. е. заложила в нас стремление к ним, дала понимание, что этими делами должна наполняться наша земная жизнь. И если душа человеческая приемлет дар благодати, то человек стремится к постоянной деятельной, трудовой жизни, посредством которой он творит добрые дела и обретает вечную жизнь. Но надо обладать хорошим пониманием, какие дела и как ведут в благополучную вечность. При правильном выборе совершенство и обилие дел определяют долю человека в этой блаженной вечности.

Эта доля неодинакова у людей, так как они имеют различное устройство, и оттого различна и ценность того, что они делают. Преп. Варсонофий отмечает:

*Различны устройства людей, различную славу унаследуют они и в жизни будущей. Апостол Павел пишет: **Ина слава солнцу, ина слава звездам...** (1 Кор. 15, 41). Даже Ангелы Божию не в одинаковой степени и славе у Бога. Ближе всех к престолу Божию пламенные Серафимы, затем Херувимы, потом Престола, Господствия, Силы, Власти, Начала, Архангелы, Ангелы. Но эти девять чинов ангельских совершенствуются ежесекундно, так и души людей, смотря по тому, насколько они были приготовлены на земле, не остаются в одном состоянии, а переходят из клеточки в клеточку [2, т.1, с. 253].*

Важно то, что люди, практикуясь в совершении добрых дел, совершенствуются в том, к чему призваны. Это сближает их с ангельской иерархией, все чины которой непрерывно совершенствуются, и приводит их в меру, которая необходима для того, чтобы в конечном счете примкнуть к Ангелам в Царстве Небесном.

Старец указывает, что способность человеческих душ к совершенствованию среди Ангелов зависит от того, насколько эти души были приготовлены на земле. Т. е. те люди, которые на земле много трудились на благо ближним, обрели и навык совершенствования. Последний не развивается в бездеятельных натурах, а только в деятельных, благодаря чему они становятся способными и к жизни, подобной ангельской.

Какое же дело является добрым? Преп. Никон разъясняет:

Доброе дело не есть всякое доброе дело, а лишь такое доброе дело, которое делается ради Бога. Внешность дела не есть его сущность, Бог зрит на сердце. Как должны мы смиряться, видя, что ко всякому доброму делу примешивается страсть [2, т.1, с.190].

Старцы считают критерием доброго дела не столько содержание самого очевидно доброго по форме поступка, сколько доброе расположение сердца человека, когда он совершает такой поступок. Они более озабочены чистотой сердца, его неподвластностью страстям, ибо страсти порождают зло, которое обесценивает внешне доброе дело, превращая его в свой инструмент.

Видя, что ко всякому доброму делу примешивается страсть, мы должны смиряться и смиряться. Иначе добрые дела в их истинном смысле будут для нас попросту недоступны. Лишь смирение способно нейтрализовать страсти и сохранить для нас пользу наших дел.

Преп. Макарий напоминает:

...Не забывайте о смирении, которое нужно сопрягать со всяким добрым делом, без коего дела нам не принесут

пользы, а паче повредят, что на многих видим исполнившимся. Хотя вы поститесь, хотя молитесь или милостыню даете — опасайтесь мысли, что добро делаете, которую враг старается приносить, дабы все плоды погубить и душу отщепить <удалить> от Бога [2, т.1, с. 190].

Если полезность доброго дела для нас определяется лишь расположением нашего сердца творить добро ради Бога, то, конечно, должно опасаться мысли о том, что делаем добро. Так как мысль эта, хотя и выглядит убедительной (действительно, а разве не добро делаем?), вызывает в нас действие тщеславия, которое пленяет наше сердце и начинает свидетельствовать, что не ради Бога, а ради убажания наших страстей мы постимся, молимся или даем милостыню.

В таком свидетельстве человеческого сердца перед Богом заинтересован враг, который и старается мысль о том, что мы делаем добро, постоянно нам приносить. И хотя добрые дела его раздражают и злят, он все же мстительно надеется, что мы окажемся неразумны, и сами доброе дело превратим в злое. Т. е. под действием страстей удалимся от Бога и таковым результатом превратим пост, молитву или милостыню в нечто, что удаляет нас от Бога — вместо того, чтобы приближать к Нему. Поэтому старческий совет прост и убедителен — со всяким добрым делом нужно сопрягать смирение, которое и не допустит, чтобы мы мыслили о себе высоко.

О сопряжении трудов со смирением преп. Макарий говорит следующее:

*Ты имеешь ревность не по разуму, ищешь воздаяния своим трудам — ошибаешься; милость Божия изливается особенно на смирение, а один труд не получит воздаяние. **Виждь***

смирение мое, и труд мой, и остави вся грехи моя,— глаголет Пророк (Пс. 24, 18). Труд — наш посев, а надобно плоды снискать: мир, любовь, кротость, смирение и прочее; все снискивается при прохождении нами послушаний, ибо там случаются укоризны, досады, неудобство, препятствие; когда оные принимаем с самоукорением, терпением и смирением, тогда смягчается наша самолюбивая часть и мы получаем свободу от страстей,— любим не только ближних, но и врагов, вот в сем-то и польза от трудов! А когда только трудимся и думаем иметь за сие воздаяние, а между тем нравом не изменяемся, то еще и в горшее приходим, в раздражение и прочее,— то никакой пользы труды не принесут [2, т.1, с. 193—194].

В искании воздаяния за свои труды заключена ошибка. Ведь в этом случае человек полагает, что для привлечения милости Божией внешние результаты труда важнее внутренних. Старец разъясняет, что внешний труд (выполняемое послушание) — это только посев, только начало того процесса, который должен принести нам внутренние результаты, или плоды: мир, любовь, кротость, смирение и другие. Именно эти плоды, особенно смирение, и вызывают большей частью благоволение и милость Божию к человеку.

Но для получения внутренних, духовных плодов нам нужен и внутренний труд по смягчению нашей самолюбивой части. Во время внешних трудов мы сталкиваемся с критикой, препятствиями, разного рода неудобствами, которые уязвляют наше самолюбие; укрощая и смягчая в этих ситуациях свое самолюбие, мы освобождаемся от страстей. Будучи свободными от страстей, можем любить других и даже врагов — и в этом старцы видят пользу

трудов для нас. Потому что такое благое устройство души и приносит нам желанное воздаяние.

А вот если хотим иметь воздаяние только за внешний труд, тогда упускаем из виду ту связь внешнего и внутреннего труда, о которой говорят старцы. И тогда внутренний труд смятения самолюбия не совершается, оно получает простор для своего действия и усиления, и мы можем стать в трудах даже хуже, чем были раньше. Тщетно надеяться на милость Божию за труды, которые делают нас не лучше, а хуже!

Подчеркивая, что в трудах нужно, прежде всего, добиваться внутреннего результата, духовных плодов, старцы отнюдь не умаляли и результаты внешние. Напротив, они показывали, что при хорошем внутреннем результате открывается путь и к хорошему внешнему результату. Вот как высказался по этому поводу преп. Амвросий:

*Желание трудиться на благо человечества — весьма благовидное, но поставлено не на своем месте. Царственный пророк святой Давид говорит: сперва **уклонися от зла**, а потом уже **сотвори благо** (Пс. 33, 15). У нынешних же людей дело выходит наизусть. Все хотят, на словах, трудиться на благо ближним и нисколько или весьма мало заботятся о том, что наперед нужно самим уклониться от зла, а потом уже заботиться о пользе ближних. Широкие затеи молодого поколения о великой деятельности на пользу всего человечества похожи на то, как если бы кто, не закончив курса в гимназии, много мечтал о себе, что он мог бы быть профессором и великим наставником в университете. Но, с другой стороны, думать, что если мы не можем двинуть вперед всего человечества, то вовсе не стоит трудиться, — это опять другая крайность. Каждый христианин обязан по силам своим и сообразно своему положению трудиться на*

пользу других, но с тем, чтобы все это было вовремя и в порядке, как выше сказано, и чтобы успех наших трудов предоставлять Богу и Его святой воле [2, т.1, с. 612—613].

Даже благовидное желание трудиться на благо человечества может оказаться неуместным, если люди не смягчают своей самолюбивой части. Самолюбие, тщеславие толкают людей на переоценку своих возможностей и принятие «грандиозных» планов, которые превосходят силы их авторов и оказываются только мечтаниями. Менее масштабные задачи, хотя и более осуществимые, для тщеславных людей обычно неинтересны.

Значит, возникает разрыв между целями и средствами: цели высоки (благо большого количества людей), а средства (мудрость, знания, понимание того, что надо делать и как правильно организовать дело и т.д.) скудны. При таком разрыве «широкая деятельность» на благо человечества часто приносит лишь незначительные плоды, а то и вред. Понятно, что старцы смотрят в корень, когда говорят о необходимости сначала уклониться от зла — т. е. не давать страстям руководить человеком. Страсти производят зло, и даже благо человечества при их действии становится всего лишь инструментом для их удовлетворения (тщеславия, например).

Но если человек получает свободу от страстей, совершая свой внутренний труд по их преодолению, у него вырабатывается спокойный и абсолютно правомерный взгляд на собственную деятельность. Этот взгляд заключается в том, что надо трудиться на пользу других в соответствии со своими силами и положением, и делать это своевременно и упорядоченно. При этом успех предоставлять Богу, т. е. принимать тот результат своей деятельности, который в жизни имеет место, и не испытывать

недовольства, если он не таков, каким виделся в планах. Рассуждая подобным образом, человек обретает привычку к регулярному и уместному труду, который обыкновенно и дает достаточный для данного человека результат. Этот результат будет свободен от горьких разочарований, крайнего недовольства и озлобления, что бывает, когда человек берется за дело, не уклонившись от зла.

Более того, всегда надо помнить, что наши добрые дела, наши добродетели не настолько велики, чтобы спасти нас. О чем и говорит преп. Анатолий (Зерцалов):

*Да разве нас могут спасти наши ничтожные добродетели? Разве не помнишь слова Божию: **Вся правда человека пред Богом есть рубище жены нечистыя** (Ср.: Ис. 64, 6). Ищи-ка лучше милости у Владыки нашего, а не платы за труды. И спасешься скорее, чем неразумные труженики [2, т.1, с. 196].*

Так старцы приводят нас к смиренному и правильно-му пониманию роли добрых дел, трудов в нашей жизни. С одной стороны, мы призваны к делам и трудам, и мера, в которой мы способны выполнять это призвание, является мерой нашего места в Царстве Небесном. Чем больше человек выполняет свое призвание, тем больше он совершенствуется, и это готовит его к месту рядом с Ангелами, которые совершенствуются непрерывно.

С другой стороны, совершая данный путь, нужно уклониться от зла, не дать врагу превратить добрые дела в злые. Для этого в трудах, прежде всего, ищутся духовные плоды, которые помогают добиться и внешнего результата. Этот внешний результат — т. е. то, что мы делаем для других, и то, как другие это оценивают — надлежит отдавать Богу. И каков бы он ни был с нашей точки зрения,

хорош или плох, надежду спасения связывать с милостью Божией, а не с наградой за внешний результат.

10.2. ЗАПОВЕДИ

Добрые дела творятся ради Бога, следовательно, они вытекают из воли Божией, заповедей. Выполнение заповедей есть суть всех добрых дел. Преп. Макарий учит:

Господь даровал нам Свои заповеди и повелел оные исполнять; когда будем жизнь нашу по оным провождать, то получим благая Божия и здесь, и в будущей жизни, а ежели явимся преступниками заповедей Божиих, то не только здесь наказуемся, но, аще не покаемся, и в будущем веке не избежим наказания [2, т.1, с. 268].

Самый верный ориентир добра и самый надежный способ получить благое воздаяние хоть в этой, хоть в будущей жизни — это заповеди и их исполнение. Не удивительно, что в учении старцев детально раскрывается способ усвоения заповедей и даются советы по их исполнению.

Главное — это добиваться, чтобы заповеди были в сердце. Преп. Никон наставляет:

Закон Бога его в сердце его, и не запнутя стопы его (Пс. 36, 31). *Как достигнуть того, чтобы закон Бога был в сердце? Прежде всего, закон Бога надо помнить. А для того, чтобы помнить, надо его знать, или через слышанное, или через прочитанное. А чтобы узнать его, надо иметь желание, стремление к познанию закона Божия. Но недостаточно, чтобы только знать и помнить закон Божий. Холодное, умственное знание закона Божия безжизненно. Только принятие закона Божия сердцем дает ему жизнь. Сердце же у всех*

развращенное, и поэтому надо себя понуждать к принятию закона. Царствие Божие нудится, и только нуждницы восхищают е (Мф. 11, 12). *Надо стараться, чтобы вся жизнь, целиком, а не в известные часы и дни, была построена по закону Божию. Надо всю свою деятельность расположит так, чтобы она была согласна с волею Божией. Только при таких условиях чисто будет наше сердце, и только чистые сердцем Бога узрят* (Мф. 5, 8) [2, т.1, с. 269—270].

Те люди, которые хранят заповеди в сердце, не искажают своего пути, не спотыкаются о грех. Но как достигнуть того, чтобы заповеди запечатлелись в сердце в виде внутреннего закона человека? Старец отмечает, что для этого надобно иметь первоначальное стремление к познанию закона Божия. Ум человека должен нуждаться в заповедях, чтобы найти опору в них для своей деятельности. Но холодное, чисто рассудочное принятие закона Божия безжизненно. Оно будет в этом случае абстрактным, оторванным от реальности и существующим как некая идеализация жизни.

Ситуация меняется, когда заповеди Божии принимаются не только умом, но и сердцем. Тогда человек не удовлетворяется согласием своего ума с законом Божиим, но стремится обрести выполнение этого закона в своей жизни. Именно воплощение заповедей в жизни человека и есть собственно жизнь по воле Бога — когда преодолевается грех, осваиваются начатки праведности, когда человек движется горячим желанием своего сердца пребывать в истине.

Для того, чтобы придти к такому состоянию души, человек должен познать закон Божий, внимательно прочитав Священное Писание и ознакомившись со Священным Преданием, или выслушав наставления сведущих лиц. И

после этого всегда помнить заповеди, постоянно поверяя с ними свои мысли, чувства и поступки. Постоянное памятование заповедей и сверка с ними всей своей жизни и есть, как учат старцы, способ хранить закон Божий в сердце. И идеалом нашим должно быть положение, когда в любое время и на любом месте, а не только в некоторые часы и дни, наша жизнь строилась по закону Божию.

Добиться этого нелегко, потому что сердца наши развращены и желают исполнения своих похотей, а не заповедей. Поэтому крайне необходимо понуждать себя к выполнению заповедей, чтобы раз за разом укреплялось в сердце желание творить волю Божию — до тех пор, пока не отойдет все нечистое и противное ей. Так обретается чистота сердца, в которой человек получает возможность увидеть Бога.

Следование закону Божию позволяет нам жить целостной жизнью, потому что и сами заповеди образуют целостное, интегрированное выражение праведной жизни. Преп. Никон дает нам хороший пример такого видения заповедей блаженства:

Блажени нищие духом, яко тех есть Царство Небесное (Мф. 5, 3). *Это надо понимать так: блаженны смиренные, сознающие свою греховность, свое недостойнство. Из первой заповеди вытекает вторая: **Блажени плачущие** (Мф. 5, 4). Кто сознает себя недостойным грешником, тот плачет о своих грехах. А сознающий свое недостойнство и плачущий о своих грехах не может подвергаться гневу. Он будет кроток по примеру Спасителя, Который сказал: **Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем** (Мф. 11, 29). Исполняющие третью заповедь о безгневи и кротости всей душой будут желать исполнения правды Божией и таким образом будут исполнять четвертую*

заповедь: Блажени алчущие и жаждающие правды (Мф. 5, 6). При исполнении всех заповедей сердце человека делается чистым. Блажени чистии сердцем (Мф. 5, 8). Исполнение заповедей преисполняет душу любовью ко Господу. Никакие страдания, ради Господа переносимые, не тягостны. Блаженны вы, когда будут поносить вас, гнать и злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах. Так гнали и пророков, бывших прежде вас (Ср.: Мф. 5, 11—12) [2, т.1, с. 270].

Старец показывает, что заповеди блаженства образуют причинно-следственную цепочку, так что необходим и естественен переход от принятия одной заповеди к принятию другой. Первая заповедь утверждает смирение. Смиранные люди, ставящие себя ниже всех, остро сознают свои грехи, видят их без прикрас и глубоко, до плача, раскаиваются в них. Подлинное смирение приводит к плачу именно потому, что оно позволяет человеку увидеть действительную тяжесть грехов и остро, до боли пережить неправильность своей жизни. Сознывая, сколько грехов совершено, и соответственно, сколько зла принесено другим, мы уже не гневаемся на других за их грехи, ибо видим себя греховнее других и начинаем считать себя более заслуживающими чужого гнева.

Безгневие, кротость приходят как следствие смирения и плача о своих грехах. Человек начинает понимать, что кротким надо быть всегда, потому что в земном мире нет людей, включая его самого, которые бы в своей жизни не грешили и не подавали повода для гнева на себя. Но гнев связывает людей оковами ненависти и толкает на еще большие грехи. Единственное, что может помочь — это научиться кротости у Спасителя.

Принимая кротость, готовность без гнева выносить прегрешения людей, человек отнюдь не примиряется с грехами и не становится к ним безразличным. Напротив, терпеливо неся бремя кротости, человек постоянно видит и чувствует противоестественность присутствия греха в человеческой жизни. И он начинает всей душой желать правды, искать жизни, полностью устроенной по заповедям и свободной от зла.

И это желание, эта жажда правды, очищает сердце от всех неправедных желаний, замешанных на страстях и зле. В чистом сердце действует закон Божий, выполнение которого наполняет душу любовью к Богу. И эта любовь уже ничего не страшится. Таков правильный путь человеческой жизни, и старцы его всесторонне раскрывали. При этом они устраняли и ошибки своих подопечных, которые (подопечные) порой даже допускали мысль, что в евангельском учении что-то могло быть сказано не так.

Вот как отчитал свою подопечную преп. Амвросий:

Меня очень огорчило твое самосмыслие безразсудное касательно Евангелия, что будто бы в евангельском учении могло быть что-нибудь сказано и не так. Причину выставляешь, что твое желание и прошение давнишнее не исполняется, вопреки будто бы сказанного в Евангелии: просите и дастся вам. Поэтому дура ты из дур, и безразсудное твое мнение есть не что иное, как прелесть из прелестей вражских, началом которой была твоя же горделивость, которая хотя и прикрывалась до времени личиною внешнего смирения, но, наконец, показала великий свой рожон. Подумай сама. Как велика гордость: если прошение наше не исполняется, то выходит, что в евангельском учении, может быть, что-нибудь не так. Это меня тем более огорчает, что, помнится мне, я уже писал тебе

о сем слово святого Лествичника, Степень 26, отделение 60, где он говорит: «все чего-либо у Бога просящие и не приемлющие, конечно, по которой-нибудь из сих причин того не получают: или что прежде времени просят, или не по достоинству и с тщеславием; или потому, что, получивши просимое, возгордились бы, или потому, что по исполнении их желания впали бы в нерадение»... смиришь, оставь безумие свое, — и за грех этот в продолжение 40 дней клади по 15 поклонов с молитвою: «Господи, прости безумие и прегрешение мое!» [2, т.1, с. 246].

Две линии прокладывает человек в своей жизни — линию праведности и линию греха. В заповедях блаженства мы видели путь устранения линии греха, который шел от смирения и покаяния (плача о грехах) к чистоте сердца и выполнению заповедей. Этот путь Бог и поддерживает, подавая нам то, что способствует его совершению, и устраняя или не допуская то, что мешает.

Если мы что-то не получаем, хотя и просим об этом Бога, это означает, что нам надо вернуться к первой заповеди о смирении и снова терпеливо идти по цепочке заповедей блаженства. Потому что мы не получаем, как обращает наше внимание старец, именно потому, что это нам не нужно или вредно.

Причины ненужности или вредности называются конкретно. Так, мы можем просить что-то, что для нас преждевременно. Например, дело, к которому мы еще не подготовились хорошо. Прошение может быть и не по достоинству человека и с тщеславием. Так бывает, когда человек просит что-то явно превышающее его место в жизни, труды или способности, отчего сама просьба густо замешивается на тщеславии. Может быть также и то, что наша подверженность страстям слишком велика, и, получив

нечто, не сможем не загордиться или разлентиться. Во всех этих случаях Бог, несомненно, не дает просимое только по одной общей причине — чтобы не возвращалась в нашу жизнь линия греха и не усиливалась.

Преп. Никон обобщает данный вывод, приложив его к просьбам о желаемом образе жизни:

Некоторые, видя, что Господь им не дает долгое время желаемого образа жизни, в коем они надеются получить пользу душевную и успокоение своему мятущемуся сердцу, впадают в нерадение, заразив себя ложною, внушенной врагом мыслью, что, мол, буду понуждать себя на добродетель тогда, когда буду иметь к тому удобства (например, когда сподоблюсь монашества или уединенного жития или по удалению себя от тех или иных обязанностей и т.д.), а сейчас мне это невозможно.

Такие пусть знают, что наша жизнь устроится не самочинно, а Промыслом Божиим, что успокоение обретается в отречении своей воли, что полного удобства никогда нельзя найти, что невозможного Господь не требует от нас и что посильное исполнение заповедей Божиих возможно везде и всегда. За посильное понуждение себя в данном месте и положении ко благочестию Господь, увидев человека приуготовленным, исполняет во благих желание его... [2, т.1, с. 277—278].

Здесь старец отмечает всегдашнюю нашу ошибку, когда мы, долго не получая желаемого образа жизни, не задумываемся о причинах этого неполучения, которые коренятся в наших страстях и грехах. Вместо этого мы начинаем ставить свою добродетель в зависимость от желаемого образа жизни, и впадаем в нерадение.

Между тем поступать надо ровно наоборот. Не ждать, сложа руки, когда придет желаемый образ жизни и не думать, что вот тогда-то мы и покажем себя с лучшей стороны. А принять свое нынешнее положение, которым мы не слишком довольны, как устроенное Промыслом Божиим. И именно в этом положении посильно исполнять заповеди, отсекая свою волю, толкающую нас на нерадение под предлогом неудобного для нас жизненного положения. Полного удобства все равно не будет — предупреждает старец. И обнадеживает: за понуждение себя к благочестию в данном месте и положении, и по мере готовности понести, не уклоняясь в грех, желаемый образ жизни — Господь и дает его.

10.3. ТРЕЗВЕНИЕ И КРЕСТ

Об этом и надлежит помнить: если Господь не дает нам желаемого образа жизни, значит, мы еще не готовы понести его. Готовность же эта приобретается в борьбе с собой, а сама борьба начинается с мелочей.

Преп. Никон:

Человек, не сдерживающий себя в мелочах, думая, что мелочь ничего не значит, отвыкает от борьбы с собой, расслабляется в духовном отношении. Отвыкнув от борьбы в вещах ничтожных и малых, по его мнению, он вообще отвыкает от борьбы с собой и не выдерживает уже искушения, когда требуется оказать доблесть о Господе и в важном деле...

В такое состояние самоугодия и нежелания бороться с собой можно прийти незаметно для себя, постепен-

но. Да не обольщает нас враг! Будем бдительно следить за собой [2, т.2, с. 473].

Самоугодие, нежелание пожертвовать даже малым комфортом — такова причина того нашего положения, в котором мы только мечтаем о праведной жизни и рисуем ее картины в своем воображении. Но на деле не готовы понести и сотую часть того, что она требует, в чем и убеждаемся, когда самые мелочи успешно борются с нами. Приходим же в такое положение постепенно, незаметно для себя, все время откладывая исправления на завтра. И вот уже преодоление мелких препятствий для нас становится чуть ли не подвигом.

Дальше еще горше. Приходит час, когда и в серьезном деле надо проявить и стойкость, и терпение, — а мы видим, что это уже не под силу. Пришедшее искушение проверяет нас на готовность к желаемому образу жизни. Если же видим свое бессилие в следовании этому образу, то должны признать и свое недостойнство для него. И смиренно признать, что то, что имеем в действительности, то и заслуживаем — и понять, наконец, почему всеведущий Бог так нам определил обстоятельства нашей жизни.

В этом случае бесполезно уповать и на духовного отца, который может указать нам путь, но не может за нас его пройти. О чем и говорит преп. Никон:

Духовный отец, как столп, только указывает путь, а идти надо самому. Если духовный отец будет указывать, а ученик его сам не будет двигаться, то куда и не уйдет, а так и сгниет у этого столпа [2, т.1, с. 222].

Состояние духовной неподвижности небезобидно, ибо за ним кроется деградация души. Душа, не преодолевающая

трудностей, обрастает немощами, поработается страстями и пороками. В этих немощах, страстях и пороках человек не столько живет, сколько, по образному выражению старца, гниет.

Следовательно, по жизни обязательно нужны две вещи. Первое, как мы видели, это внимание к себе — с целью вовремя замечать нашу склонность к отказу от борьбы с собой, нежелание нести трудности духовной жизни. А вторая — взять свой крест, даже если он кажется слишком тяжелым.

Преп. Анатолий (Зерцалов) говорит:

Сказать нужно без сомнения, что всякому дается свой евангельский крест для спасения, и он вырос на почве нашего сердца, и этим крестом только можем мы спастись. Отсюда следует, что если мы отрицаемся нести свой крест послушания без благословной вины, то мы отрицаемся идти путем Христовым, путем спасительным, и хотим для себя сочинить иной путь безтрудный к восхищению Царства Небесного, а этого быть не может, нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают оное [2, т.1, с. 366].

Наш крест вырос на почве нашего сердца. Иначе говоря, нам тяжело принять праведный образ жизни, о котором мы мечтаем, именно потому, что наше сердце своими неправедными желаниями развило в нас привычку и к неправедной жизни. Поэтому чем больше мы грешили, тем тяжелее придти к праведности. Но если мы набираемся решимости и, преодолевая себя, начинаем идти к праведности, это означает, что мы берем свой крест, который нам дан для спасения.

Старец предупреждает, что если человек этого не делает, он отказывается идти путем Христовым и хочет

придумать для себя легкий путь в Царство Небесное. А так быть не может, ибо, не имея навыка праведности — как человек может жить в Царстве праведных и святых?

Навык праведности вырабатывается великодушным терпением креста. Преп. Макарий замечает:

Ты скорбишь, что нет покоя от молвы и встречающихся скорбей; куда ж от них деваться? Пройди весь мир, везде они усражат <встретят>: не та, так другая, не внешние, так внутренние, а мы должницы есмы, и должны нести яко свои оброки, веруя, что Бог посылает всякий крест, как внешний, так и внутренний. Ты жалуешься, что тебя снедает тоска и грусть, а это-то и есть внутренний твой духовный крест; разве ты одна только подвержена такому томлению? Как древние, так и нынешние искатели спасения подвергаются таковому испытанию: мрак, томность, безотчетная грусть и тоска; всем сим испытуется любовь наша к Богу: терпим ли великодушно даруемый крест? А между тем сим самым восполняются недостатки наших деланий и подвигов и приводит нас к смирению [2, т.1, с. 364].

Здесь старец указывает на неизбежность скорбей, внешних или внутренних, в нашей жизни. Причина заключается в том, что по нашим грехам мы должники — т. е. есть в нас нечто неправильное, за что должно приходиться воздаяние к нашему исправлению. В искушениях, которые есть наш крест, мы должны преодолеть эту неправильность и научиться смиренно жить по заповедям, а не воздавать на любую обиду или несправедливость злом. Это относится к искушениям внешним, когда терпеть приходится от людей.

Но и при внутренних искушениях вести себя надлежит точно так же. Томление, мрак, тоска и другие неприятные

состояния души не должны «разряжаться» агрессией и недовольством на других. Нельзя, что называется, «срывать зло» на близких. Причиной подобных состояний часто является враг, наводящий всякую безотрадность на душу, но и наша склонность к печали и унынию здесь тоже имеет место.

Нужно помнить, что в искушениях испытывается любовь человека к Богу — способен ли человек быть нищим духом, кротким, желать правды в любых обстоятельствах и т.д. И если терпим великодушно крест, то это восполняет всегдашний недостаток наших дел, не говоря уж о подвигах.

Глубокий духовный смысл несения креста выразил преп. Варсонофий:

Все несут свой крест, и вы несете свой крестик, хотя и одним пальчиком, а все-таки несете. Несение креста необходимо потребно для спасения всякому христианину, а не только монаху. Да, все несут крест и несли, даже вочеловечивыйся Бог нес крест, и Его крест был самый тяжелый, как заключающий в себе все кресты всех людей. И заметьте: Бог несет крест, а человек помогает (Симон Киринейский) тем, что берет от Него крест и сам несет его. Значит, и мы, неся свои кресты, помогаем Господу в несении креста, т. е. готовимся быть Его слугами на небесах в лице бесплотных Духов... Какое высокое назначение! [2, т.1, с. 369].

Безгрешный Господь нес крест, выросший на почве человеческих сердец, совокупность человеческих крестов. И Ему было угодно, чтобы грешный человек хотя бы в малом помог Ему в этом. Мы должны это делать посредством несения собственного креста хотя бы, по выражению старца, «одним пальчиком» — хотя бы терпеть несправедливые

упреки или досады от близких, или выносить грусть и печаль, или творить самое малое добро врагам... Через это христиане готовятся быть слугами Бога на небесах. Значит, отвергающий свой крест отвергает и свое служение Господу.

10.4. МИР ДУШЕВНЫЙ

Смирненное несение креста приводит человека к покою, миру душевному. Преп. Макарий объяснял это так:

Ты желаешь мира и спокойствия душевного, но ведь это награда от Божией благодати за труды, подвиги и понесение искушений... а ты что понесла, а ищешь награды? Смирись и считай себя недостойною сего. И напомню от старцев духовных: «кто ищет покоя, он бежит от него, а кто предает себя на крест смиренным мудрованием, обретает покой» [2, т.1, с. 407].

Стремление к покою без принятия своего креста ошибочно. Не смирившись, человек будет терзаем страстями, на каждом шагу встретит противодействие своей воле и будет этим раздражаться. Подлинный мир душевный является наградой от Божией благодати, которую надо еще заслужить. Заслуживается она, как указывают старцы духовные, смиренным преданием себя на крест — т. е. не избеганием всего того, что требует по жизни терпения, выдержки, жертвы, а принятием ради исполнения заповедей.

По мере несения трудов, подвигов, искушений человек получает за послушание награду от Божией благодати — многожеланный мир душевный. Но если таковой награды еще нет, т. е. в душе нет мира и спокойствия, то само

отсутствие этого мира и спокойствия надо принять как собственный крест и нести его.

Старцы указывали, что несение креста приводит к смирению, а смирение есть состояние мирного сердца и привлекает благодать Божию. Поэтому преп. Анатолий (Зерцалов) наставляет:

...Бог Сам живет в том человеке, у которого мирное сердце. Главное: считай себя хуже всех, не ищи ни любви, ни чести ни от кого, а сама ко всем оные имей — вот и улучишь мир! А как только начнешь искать, чтобы другие тебя заметили да отыскивали бы в тебе достоинства и некоторые добродетели, тогда прощай, мир душевный! [2, т.1, с. 405].

До тех пор, пока страсти в человеке не обессилили, они неустанно толкают его на то, чтобы быть замеченным другими, чтобы эти другие непременно отыскивали в нем достоинства и оценили добродетели, проявили любовь и воздали честь. При таком устройении души мир не приходит в нее, что бы ни произошло. Похвалят люди — еще больше разгорится тщеславие и желание дальнейших похвал; не похвалят — разгорится обида и недовольство. Да еще при этом человек забывает и о собственном долге замечать и ценить чужие добродетели — по причине увлеченности своим эгоизмом.

Для того, чтобы улучшить мир, надо смирением побороть страсти, как о том и говорит старец: считать себя хуже всего, не искать ни любви, ни чести ни от кого, но самому проявлять любовь и воздавать честь другим. Именно это и очищает душу от грубых страстей, отгораживающих человека от благодати.

Поэтому много вернее не обижаться на несправедливости, не считать себя невинно страдающим праведником,

но принимать все происходящее как должное и с покаянием просить Господа о помощи, которая и принесет мир.

Вот совет преп. Нектария:

При разных неудачах <старец> советовал говорить: «Господи, верю, что терплю должное и получаю то, что я заслужил. Но Ты, Господи, по милосердию Твоему, прости и помилуй меня» — и так повторять, пока не почувствуешь мир в душе [2, т.1, с. 406].

Только покаяние и есть наш правильный ответ на всякого рода неудачи, которые, как мы нередко считаем, лишают нас мира. На самом деле лишают нас мира наши собственные грехи. Так, ища особой оценки себя у других, начинаем враждовать на других за отсутствие какого-либо предпочтения нас. А враждуя, терпим неудачи.

Преп. Макарий говорит:

Мы, согрешая пред Богом, теряем мир, а покаянием оный возвращается — милосердием Божиим. Подобно лишаемся мира, приемля скорбь и враждуя на людей, а когда самоукорением угасим сей пламень, то водворяется и мир [2, т.1, с. 408].

Причина, по которой теряется мир, заключена в грехах пред Богом. Порой человек не видит и не чувствует своих грехов по невнимательности, черствости сердца или увлеченности самооправданием, которое представляет удобные поводы не считать себя грешным. Но зло, которое грех принес, видит Бог и удерживает благодать. А без нее грешник тщетно пытается уловить в своей душе опору для мира, и соскальзывает в беспокойство и тревожность. Если он прислушается к себе, то услышит голос совести,

которая посылает ему обличающие сигналы — а если при этом еще и покается, тогда Бог по милосердию примет его покаяние, простит и благодатью снова установит в его душе мир.

Точно также человек лишается мира, когда уступает действию страстей — скорбит выше меры и преувеличивает свои обиды, отчего в его душе набирает силу враждебное отношение к людям. В состоянии вражды все постоянно ждут обиды или притеснения от других, выискивают возможности ответных недружелюбных действий и т.д. В таком состоянии душевный мир, конечно, недостижим. Надо самоукорять себя до тех пор, пока не развеется сгустившаяся скорбь и не исчезнет враждебность к людям. Самоукорение сродни покаянию, и вызывает покаяние, потому и мир им также восстанавливается.

Преп. Макарий подчеркивал, что мир надо искать в себе, а не требовать его от других:

*Вопрос твой на Евангельские слова: **и на земли мир** (Лк. 2, 14) — «где же мир?» — не совсем ловок. Мир дан нам, но мы сами причиною, что лишаемся его; исполним заповеди Божии, то ничто не может отнять от нас мира. Мы должны сами в себе искать любви и мира, а не от людей оных требовать. Когда не могло быть нам оскорблений к нашему искусу, то на что ж бы и заповедь о терпении и люблении врагов? До пришествия Христова люди были под клятвою и мира не имели, а оным (пришествием) примирены с Отцем [2, т.1, с. 408—409].*

Искание мира в себе означает, во-первых, твердую приверженность исполнению заповедей и немедленному покаянию, когда соблюсти их не удалось. Здесь человек полностью сознает, что корень немирного состояния души

заклучен в грехе. Потому и переход к миру возможен на основе избегания греха или немедленного покаяния, если грех все же допущен.

Во-вторых, оскорбления от других должны не уничтожать наше мирное настроение. Путь к этому, как поясняет старец, лежит через отношение к таким оскорблениям как искусству, т. е. проверке, нашей способности выполнять заповеди. Особенно о терпении и любви к врагам. Следовательно, мы ни сами не должны склоняться к греху, ни под воздействием оскорблений других, в любой ситуации понуждая себя к исполнению заповедей.

Преп. Амвросий учит:

*Дело спасения нашего требует на всяком месте, где бы человек ни жил, исполнения заповедей Божиих и покорности воле Божией. Этим только приобретается мир душевный, а не иным чем, как сказано в псалмах: **мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна** (Пс. 118, 165). А ты все ищешь мира внутреннего и успокоения душевного от внешних обстоятельств. Все кажется тебе, что ты не на том месте живешь, не с теми людьми водворилась, что сама не так распорядилась, и что другие будто бы не так действовали. В Святом Писании сказано: **на всяком месте владычество Его** (Ср.: Пс. 102, 22), т. е. Божие, и что для Бога дороже всех вещей целого мира спасение одной христианской души [2, т.1, с. 411].*

Не во внешних обстоятельствах должны мы искать внутренний мир, хотя склонны именно к этому. Все нам кажется, что если переехать в более спокойное или удобное место, или поддерживать отношения с более достойными людьми, или действовать более удачно самим и уклоняться от неудачных действий других — то и придет мир.

Так часто считаем, и — ошибаемся. Мир не придет ни от каких внешних перестановок и смен, потому что он приходит на исполнения закона Божия на любом месте. Надо помнить всегда, что достигается внутренний мир праведностью.

10.5. БРАК И СЕМЬЯ

Старцы не оставляли без наставления своих подопечных и в такой области жизни как брак и семья. Возможные супруги, конечно, хотели бы знать, верен ли их выбор и полезно ли будет предполагаемое супружество для них. И им дается совет прибегать в этом случае с молитвою к Богу и Божией Матери.

Преп. Макарий говорит:

...даю вам такой совет: во-первых, надобно прибегать к Господу Богу с молитвою и к Пречистой Божией Матери — Ее ходатайство сильно у Бога: да устроит Он участь вашу по святой Его воле, а если будет вам полезно вступить в предлагаемый вам брак, то да ниспошлет к содействию Свою помощь и благословение, а если не на пользу, то судьбами Своими да разстроит это дело [2, т.1, с. 93].

Суть молитвы заключается в том, что человек хочет, чтобы решающую роль в его решении о вступлении в брак сыграла не человеческая воля, а Божия. Мы многое не знаем о последствиях своего выбора, особенно в молодости, когда люди чаще всего женятся. Конечно же, не можем отрицать и возможность ошибки, которая сделает брак с конкретным лицом бесполезным для данного человека (или для обоих супругов).

Но всеведущий Бог знает, полезен или неполезен намечаемый союз. Поэтому и нужно искать воли Божией, которая всегда к нашей пользе, обращаясь к Нему с молитвой об устройении нашей участи. Старец подсказывает, как сформулировать просьбу к Богу: просить Его содействия, если брак полезен, или расстройства этого дела, если неполезен.

Преп. Макарий далее разъясняет, как узнать в чем состоит воля Божия относительно рассматриваемого дела:

Если оное будет Ему благоугодно, то желание твое усилится к исполнению, и тогда, призвав помощь Божию, отслужи молебен Господу и Божией Матери, приступить к делу, а ежели по молитве будет изглаживаться из памяти, то так и оставит [2, т.1, с. 95].

Признаком угодности предстоящего брака Богу является усиление желания будущих супругов к вступлению в брак — до степени, когда появится готовность исполнить желаемое. Тогда нужно снова прибегнуть к молитве (отслужить молебен), затем приступить к делу. Такой путь наиболее правильный и он, при внимании и благоразумии обеих сторон, обеспечивает вступление в нормальный брак.

Напротив, если по молитве начнет слабеть интерес к браку с данным лицом, изглаживаться из памяти все то, что побудило задуматься о браке — это признак, что Господу это дело неуютно. И признак того, что Бог помогает освободиться от неуютного Ему замысла. В этом случае надо оставить женитьбу и переключить внимание на другие обстоятельства и события жизни.

Старцы благословляли брак, обращая внимание на существенные условия его благоприятности. Преп.

Амвросий ответил на просьбу о совете и благословении так:

Испрашиваешь моего грешного совета и благословения вступить в законный брак с избранною тобою невестою. Если ты здоров и она здорова, друг другу нравитесь, и невеста благонадежного поведения и мать имеет хорошего, некропотливого характера, то и можешь вступить с нею в брак [2, т.1, с. 98].

Для нормального брака, как следует из приведенного ответа, требуется, во-первых, здоровье обоих супругов. Это важно в отношении рождения детей, способности полноценно трудиться и т.д. Во-вторых, необходимо чтобы муж и жена нравились друг другу — и не только в физическом смысле. Нравиться должна личность человека, ее интересы, цели, проявления, способность составить гармоничную и интересную пару супругу.

В-третьих, невеста и жених должны быть благонадежного поведения, т. е. неукоснительно соблюдать заповеди, особенно относящиеся к супружеской жизни. Наконец, в-четвертых, следует обращать внимание на характер родителей жениха и невесты. Если у родителей характер хороший, то и отношения мужа и жены будут лучше.

Преп. Нектарий особенно подчеркивал важность исполнения в браке заповедей и отношения к нему как таинству, без чего не может быть счастья:

Счастье в брачной жизни дается только тем, кто исполняет заповеди Божии и относится к браку как к Таинству христианской Церкви [2, т.1, с. 99].

Таинство брака должно признаваться и не забываться супругами, потому что из этого таинства вытекает возможность служить Богу в рамках семьи. Поэтому счастье в христианском браке оказывается связанным со служением Богу.

Преп. Нектарий учит:

...Замужество для женщины есть служение Пресвятой Троице — вот как велика для женщины участь быть женой и матерью [2, т.1, с. 98].

Духовное понимание брака, как мы видим из этого высказывания старца, наполняет его высоким смыслом, который должен быть реализован в семье. И этот смысл не должен утрачиваться людьми даже в скорбных обстоятельствах. В жизни подобное возможно, когда любовь к супругу вытесняет память о Боге.

Преп. Антоний напоминает:

Жены, сколько бы добры и красны ни были, но любить их неограниченно, до обоготворения не должно. Все мы обязаны от всего сердца любить точию Единого Господа Бога, а жен или ближних наших любить, по Евангельской заповеди, якоже себе самих. И когда бы мы все так поступали, то о смерти любимых так горько и не рыдали. Есть мужья такие, которые так прилепляются к жене своей, что не точию оставляют отца своего и мать, но и Самого Бога забывают [2, т.2, с. 263].

Чрезмерная любовь к мужу или жене не приветствуется старцами, так как из такой любви вытекает два последствия. Первое, это сильная привязанность, которая заставляет крайне тяжело переживать смерть любимых.

Остающийся на земле человек должен надеяться на будущую встречу с мужем или женой в Царстве Небесном, и этим утешать себя.

Второе — увлеченность любимым человеком до такой степени, что забывается Сам Бог. Это уже в корне неправильно, так как нарушает первую заповедь о любви человека к Богу и искажает вторую заповедь о любви человека к человеку. Ведь получается, что вторая заповедь перемещается на место первой, а первая забывается вовсе.

Другая крайность в браке заключается в недолжном недовольстве супругом, готовности легко покинуть его. Преп. Антоний наставляет:

... Душевное спокойствие приобретается от совершенной преданности себя воле Божией, без которой ничтоже с нами бысть, еже бысть. И если бы муж ваш действительно был нехорош, то спросите себя по совести пред Богом: «да стою ли я, грешная, хорошего и доброго мужа?» И совесть ваша непременно скажет, что ты совершенно хорошего не стоишь, и тогда во смирении сердца, с покорностью воле Божией будете от души любить его и находить много хорошего, чего доселе не видали. Расторгнуть же брачный союз по легкомыслию и неопытности своей хотя и нетрудно в нынешние мудрые времена, но каково будет отвечать на Страшном Суде Божиим? Ибо Сам Бог брачным союзом сочетает человека, а посему судите сами, что лучше — терпение или нетерпение! [2, т.2, с. 263—264].

Недовольство супругом часто проистекает от завышенной самооценки недовольной стороны. Человек, если не противодействует своему самолюбию, не колеблясь, высоко оценивает себя. Настолько высоко, что и в целом нормальное поведение его или ее партнера выглядит на этом

фоне самолюбивого мечтания как нехорошее. А хорошим супругом признается только человек высокого совершенства — равного тому совершенству, которое приписывают себе люди под влиянием самолюбия.

Старец развенчивает это заблуждение, указывая, что если брак был заключен по воле Божией, то этой воле себя и надлежит предать. Т. е., если жене кажется, что ее муж нехорош, или мужу представляется, что его жена нехороша — надо спросить себя по совести пред Богом, стоит ли он или она лучшей пары. Если человек признает свою греховность и недостойность, которые его самолюбие скрывает, но на которые указывает его совесть, тогда он придет к правильному выводу о равенстве в его браке.

Отсутствие неоправданных ожиданий, которое вызывает смирение, позволяет совсем иначе посмотреть на супруга — его образ будет намного лучше, чем это виделось раньше в искаженном самолюбием восприятии. А недостатки, которые есть у любого мужа или жены, должны преодолеваются терпением и смиренной любовью ради сохранения брака, за который придется отвечать, как указывает старец, на Страшном Суде Божиим.

10.6. БОЛЕЗНИ И СМЕРТЬ

Жизнь на земле временна, и эта временность познается человеком через болезни и смерть. Порой кажется, что болезни — это только очевидное и неприятное движение к смерти. Старцы, однако, думают иначе. В их учении болезни рассматриваются как посещение Божие, которое приводит человека к лучшей доле.

Преп. Антоний отмечает, что Бог посылает человеку болезнь как наказательное, освободительное и предупредительное средство:

...Болезни телесные посылаются человеку от Бога не всегда за грех в наказание, но иногда и по благоволению для освобождения или для предохранения нас от недугов душевных, которые не в пример опаснее телесных [2, т.1, с. 75].

В болезни нам надо задуматься, прежде всего, о том, что она, может быть, постигла нас за наши грехи. В этом случае болезнью Бог направляет к покаянию и исправлению. На больничной койке довольно времени, чтобы вспомнить грехи, и довольно страдания, чтобы осознать их тяжесть.

Также возможно, что недугом Господь вывел человека из состояния бессилия перед совершаемым им грехом, вывел из обстоятельств, в которых грех возможен. И благодатью помог преодолеть неодолимую ранее тягу к греху. Старец по праву называет это действие Божие освобождением. Наконец, болезнью Бог посещает и в тех случаях, когда Он благоволит не допустить поражения человека опасными душевными недугами, и заменяет их на недуги физические. Эти последние гораздо заметнее, чем первые, но существенно менее опасны.

Если болезнь постигла нас за наши грехи, тогда важно терпеливо переносить болезнь. Преп. Амвросий учит:

...За терпеливое перенесение болезни даруется и милость, и прощение грехов [2, т.1, с. 81].

Терпение и покаяние — вот что требуется в болезни по наказанию. Тогда Господь прощает грехи челове-

ку и оказывает ему милость. Наказание, таким образом, оказывается к нашему же благу.

Если же недуг был послан с целью освобождения и предупреждения в вышеназванном смысле, то нужно осознать этот недуг как проявление Божией любви, и принести в ответ благодарность, любовь и смирение. Преп. Макарий наставляет:

...Он от любви посещает и болезнями, которые примет вместо делания, да и избавит чрез оные от того, чему бы могла подвергнуться, бывши здоровая. Истинно, когда обратим внимание на наше жительство, увидим, как оное далеко отстоит от того пути, каким шли отцы наши и матери святые и нам оставили образ — в описании жития их и учения. Мы все ищем отрадного пути, и убегаем тесного и прискорбного, то как нам не благодарить Господа, когда Он невольными скорбями или болезнями соделывает наше спасение. Благодарите Господа за любовь Его к нам грешным и приносите по силе, сколько можно, любовь и смирение, могущие заменить недостаток наш в жителстве и ходатайствовать о нас пред Богом о помиловании... [2, т.1, с. 90—91].

Да, мы действительно ищем комфорта и покоя в жизни, и настолько привыкли к желанности этого для нас, что не проявляем большого рвения идти путем тесным и прискорбным. Оттого-то и далеко отстоит наша жизнь от пути отцов и матерей наших святых. Другими словами, мы ничего или почти ничего не делаем для нашего спасения.

Господь любит нас и желает нам спасения, поэтому посещает нас болезнями, которые примет вместо отсутствующих дел — ибо и болезни требуют и терпения, и смирения. С другой стороны, в добром здравии и нерадении

человек склонен многим соблазняться и впадать в грехи, которые могут привести к тяжелым душевным недугам. Болезнь, как уже говорилось выше, может избавить от такого течения жизни.

Болезни приходят не по нашей воле, потому несут невольные скорби, которые подвигают нас на жалобы, а то и на ропот. Старцы учат духовно понимать происходящее с нами как не случайное, но предопределенное Богом по Его любви к нам ради нашего спасения. Поэтому надлежит нам в болезнях приносить, насколько возможно, благодарение Богу, любовь и смирение. И при этом помнить, что много причин может быть у наших болезней.

Преп. Макарий замечает:

Любвеобильный Отец наш все творит на пользу нашу: иногда телесными болезнями врачует душевные недуги, а иногда посылает болезни для испытания нашего терпения и для вящей награды душевными дарованиями, здесь или в будущем веке, и многие есть причины <болезней>, кои мы постигнуть не можем. Кто бо испыта ум Господень? [2, т.1, с. 89].

Не стоит гадать, какова конкретная причина той или иной болезни — но нужно твердо верить, что Отец Небесный все творит на пользу нашу. Указывая на частые причины болезней и наставляя нас правильно себя вести при недугах, старцы не упускают из виду, что многое мы постигнуть не можем. Они говорят о том, что причиной болезни может быть испытание нашего терпения, за которое Господь награждает большими душевными дарованиями. Причем, награда может последовать не только в этом, но и в будущем веке. Конечно, судить о такого рода

обстоятельствах крайне затруднительно, если вообще возможно.

Ту же логику старцы применяют и по отношению к смерти. Преп. Антоний говорит:

Господь Бог глубиною мудрости Своя человеколюбно все строит и полезное всем подает, т. е. если чью жизнь prolongует, благодетельствует; и если чьи дни сокращает, то того ради, да не злоба изменит разум его, или лесь прельстит душу его. Так Господь Бог истинно человеколюбно все строит и полезное всем подает. А наш долг — и в том и в другом случае с детскою покорностию ко Отцу Небесному должны говорить: Отче наш, да будет воля Твоя! [2, т.2, с. 318].

Вопреки обычной человеческой логике, которая истолковывает как благо только продолжение жизни, старцы указывают, что Бог благодетельствует человеку всегда — и продолжая его дни на земле, и сокращая их. Важно не то, сколько человек проживет на земле, а то, каким он в результате своей жизни станет. Если долгая жизнь улучшает человека — Господь ее дает. Но если человек в будущем подпадет под влияние зла, отчего злоба изменит его разум или лесь запутает его сердце, то ради лучшего для человека Господь может отнять у зла возможность восторжествовать. Т. е. сократит время пребывания такого человека на земле, чтобы сохранить его для лучшей участи в вечности.

Вот почему не следует представлять смерть в виде ужасного события, каковым она обычно представляется в земных обстоятельствах. Преп. Макарий советует:

Смерть не представляй себе у ужасном виде, но веруй, что она служит токмо преселением от времени

в вечность, а время Господь положил во Своей власти [2, т.2, с. 313—314].

К смерти нужно иметь спокойное отношение как к неизбежному условию переселения в вечность, время которого положил Господь. Бояться нужно не самой смерти, но отягощенности души грехами в момент смерти. И потому истинная память смерти должна вызывать не ужас перед смертью как явлением прекращения земного существования, но стремление к исправлению своей жизни.

Об этом преп. Макарий говорит так:

Сердечно прискорбно читать о частых твоих недугах... Да ты же еще стала так малодушна и боязлива смерти; милостив Господь, ты еще поживешь с нами, не утрашайся так, как ты боишься смерти. Истинная память смерти не имеет такого малодушного страха, какой вижу в тебе, но она побуждает к любомудрию и к доброму жительству [2, т.2, с. 315].

Болезни и память смерти побуждают нас стать лучше. Если мы будем всегда помнить, что и за тем, и за другим стоит воля любящего нас Господа, то духовным размышлением признаем в болезнях для себя благо. А в смерти — рубеж, которого надо не бояться, но к которому надо подойти, имея за собой хорошо прожитую жизнь. И веру, что Господь по великой милости определит нам место в Царстве Небесном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преподобные Старцы Оптиные. Жития и наставления. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001.

2. Душеполезные поучения преподобных Оптиных старцев. Издание Введенской Оптиной пустыни, 2000, тт. 1—2.

3. Составитель В. Афанасьев. Преп. Антоний, старец Оптинский. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2003.

Литературно-художественное издание

Виталий Геннадьевич Кандалинцев
Учение Оптиных старцев

Текст публикуется в авторской редакции.

Сдано в набор 06.04.2010.

Гарнитура «Камбрия».

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Тираж 1000 экземпляров. Заказ № 180.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Научный проезд, 20.

Тел. (495) 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su